

Дима Зицер

Любить нельзя воспитывать

Жизненные навыки. Книги для родителей –

Оглавление

Аннотация	3
Предисловие.....	3
Ненормальная норма.....	4
Читательская obsессия	7
Пути интереса неисповедимы... ..	8
Сравнение – мать насилия	9
Ода синдрому.....	10
«Что посеешь, то и пожнешь».....	13
Профориентация: cui prodest	15
«Первое сентября как похороны»	16
Изнасилование на пятерку.....	19
Волшебное «взаимо-»	22
О детобязни.....	23
О том, что можно и чего нельзя	24
Истеричный монстр.....	26
Тело как педагогический инструмент	28
Идеальное средство для очистки совести	30
Звериный оскал человечности.....	32
Дистанционное воспитание	35
Искусство воспитания раба	35
Дети как игрушки	39
Почему мы не знаем о его несчастьях?	39
Фокус-покус	41
Крекс... пекс... секс... ..	43
Правила для родителей подростков.....	46
Убить ребенка	49
Мы их теряем	50
Сладкое бремя предательства	53
Смерть как повод не писать	55
Практика относительности	56
Мальчишки были безусы	58
Про порно – задорно	59

Манифест ретроградов.....	61
Прощальный симптом.....	62
Одиночество отчаяния	65
О школе, честности и рок-н-ролле.....	67
Мальчиковые слезы.....	70
Искушение современностью	74
О любви, бессмысленной и беспощадной.....	76
Детский клуб самоубийц	77
Обожженные воздухом	78
Взрослые игры	80
Свобода от воспитания	82
Частный случай общего вранья	84
А поговорить?	86
Про то, как защитить детей	87
Несерьезные заметки о серьезных вопросах	88
Как вырастить вруна	88
Как организовать качественный невроз.....	90
Как правильно портить вкус.....	92
Как с гарантией и навсегда отучить ребенка читать.....	93
Как грамотно отбить у ребенка желание рассказывать о себе.....	95
Родители – детям	97

Аннотация

Мы часто думаем, что воспитание – это работа, необходимость контролировать, запрещать, учить, исправлять – жить жизнью своего ребенка. А зачем? Давайте отбросим все эти «должна вырастить», «должна уберечь» и посмотрим на детей как на отдельных людей. И тогда для нас станет невероятной радостью наблюдать, как они растут, как учатся сами завязывать шнурки, как выбирают, что им нравится есть, носить, читать.

«Растить – значит не отказывать себе в огромном удовольствии наблюдать за процессом. Видеть то, что подарено судьбой только родителям, – видеть, как ребенок меняется, растет, познает мир. Я уверен, растить – родительская свобода и радость, воспитывать – родительская тюрьма. Может, пора на волю?».

Статьи, посты, заметки, объединенные в этой книге, представляют собой реакции автора, опытного педагога и психолога, на конкретные ситуации, ответы на родительские запросы. А заодно это приглашение подумать и посомневаться вместе на самые разные темы, касающиеся взаимодействия с любимыми людьми. Именно поэтому, по сути, перед вами педагогический блог, в котором актуальность темы определяет форму и содержание статуса.

Предисловие

Воистину писать предисловие к собственной книге – дело неблагодарное и даже немного глупое. В самом деле, все, что автор хочет сказать, он уже сказал в самой книге. Ну а учить читателя, как книгу читать, это вообще последнее дело. Поэтому давайте считать это не предисловием, а просто коротеньким пояснением или скорее напутствием.

Дело в том, что педагогика – штука очень практическая. Часто мы даже не задумываемся на ту или иную тему, пока в нашей жизни не возникает некая конкретная ситуация, требующая от нас немедленной реакции или по крайней мере осмысления. Причем это одинаково относится как к области философии педагогики, так и к мелким на первый взгляд вопросам типа «в каком возрасте человек должен начинать читать?» или «как быть с детской истерикой?». И то и другое, замечу, является самой что ни на есть практической педагогикой, которой эта книга и посвящена.

Статьи, посты, заметки, объединенные в этой книге, представляют собой мои реакции на конкретные ситуации, ответы на родительские запросы. А заодно это приглашение подумать и посомневаться вместе на самые разные темы, касающиеся нашего взаимодействия с любимыми людьми. Именно поэтому, по сути, перед вами педагогический блог, в котором актуальность темы определяет форму и содержание статуса.

Вы, конечно, сразу заметите, что книга организована именно по этому принципу и даже графически напоминает посты в социальной сети. Это не просто дизайнерская игра, а скорее реальное предложение стать не только читателем, но в определенном смысле и активным пользователем. А это означает формировать содержание самостоятельно, то есть открывать книгу в середине, перескакивать с места на место, добавлять свое видение, не удовлетворяться ответами и задаваться новыми вопросами, негодовать и спорить, разочаровываться и вновь увлекаться. Поэтому я совершенно искренне **приглашаю вас в соавторы**. И до встречи в сети!

Ненормальная норма

Что поделаешь? Нелегко приходится человечеству с подрастающим поколением! И ведь что характерно, всякий раз одно и то же: ну никак не хотят дети понимать, «что такое хорошо, что такое плохо». Так и норовят восстать против всего понятного, привычного, нормального. Мы же, в свою очередь, придумываем критерии, по которым могли бы судить, насколько человек адекватен (с нашей точки зрения, конечно), предлагаем системы координат для «личностной классификации», одним словом, изо всех сил стараемся ухватиться хоть за что-то реальное, осязаемое.

А в результате зачастую главной темой отношений становятся многочисленные упреки типа: «Ну как же так можно! Это же ненормально! Я помню себя в твои годы... Посмотри-ка на соседского мальчика – уж какой молодец!» и т. д. и т. п.

Как быть? На что ориентироваться? Должны же мы, в конце концов, понимать, нормален ли наш ребенок, в верном ли направлении он развивается.

Вот и получается, что вопрос о норме – уже не просто интересная тема для досуговой беседы, а серьезный разговор о нашем будущем, будущем наших детей и внуков.

Итак, давайте поразмышляем. Начнем с определения. Вот несколько, взятых из Академического словаря русского языка. Норма:

- **узаконенное установление**, обычный, общепринятый обязательный порядок, образец, правило.
- **установленная мера**, размер чего-либо.
- **средняя величина**, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений.

Общепринятый порядок... средняя величина... массовая совокупность случайных явлений... Интересно, не правда ли? Неужели мы действительно хотим поверять успехи и саму жизнь наших детей «средней величиной, характеризующей какую-либо массовую совокупность случайных событий»?..

Для того чтобы разобраться в происходящем, необходимо для начала просто посмотреть вокруг. Нынешний мир не похож на прежний. Он оказывает, если можно так выразиться, многоканальное влияние на личность. Именно поэтому представляется совершенно логичным тот факт, что у человека может быть лучше развит один «канал» и отставать другой. За всем попросту не поспеть. Человек может запросто оказаться более отзывчивым к языку образов, чем к языку цифр. Вот и все. И с математикой у него, понятное дело, хуже, чем с рисованием. Другой человек может быть добрым, чутким, обладать удивительным чувством юмора, однако не начать читать вовремя. А его взаимодействие с миром при этом вовсе не отстает – он просто использует для этого иные инструменты. Ведь нынче действительно востребован принципиально иной тип личности (в первую очередь в сравнении с недалеким прошлым). Нам приходится иначе реагировать, иначе действовать, иначе самовыражаться. Вот вам и индиго!

«Взрослому миру» очень хотелось бы, чтобы ребенок умел все, желательно лучше других. На это настроены большинство родителей и педагогов. А что, собственно, это «все»? Читать, считать и писать? Нет-нет, хорошо бы, конечно, и рисовать, кувыркаться, разбираться в архитектуре и помогать бабушке, однако это как бы менее существенно. А уровень личности в 5–6 лет определяется как раз по счету и чтению. Такова норма. Люди могут различаться тем, как они мыслят, играют, видят мир. Но счет и чтение – «вынь да положь»! И при этом мы не перестаем вспоминать известные всем и

каждому истории о знаменитых личностях, демонстрировавших в разное время серьезное отставание от так называемой нормы. Троечник Эйнштейн, молчаливый Андерсен, которого долго считали умственно отсталым, – сколько их было!..

А вот со своими детьми все происходит иначе, нам ведь зачастую действительно проще, если они оказываются «средними», похожими друг на друга, понятными... А они, представьте, не желают! А, напротив, идут в русле современного мира и развиваются, демонстрируя в первую очередь разность. То есть вот такая штука получается: мир изменился, а норма, извините, нет.

Вследствие изменения самой сути мироздания действительно растет новое поколение, которое многим отличается от предыдущих. Они демонстрируют поразительную способность к многозадачности (а нормой считается последовательное выполнение задач), их восприятие «многоканально» (а им говорят «вынь наушники из ушей, иначе ты не сможешь как следует сосредоточиться»), они чуть ли не с рождения готовы взаимодействовать с любой техникой (а мы твердим «сначала выучи теорию, потом перейдем к практике») и т. д. и т. п.

Вот так мы и продолжаем играть в термины, пытаясь облегчить себе жизнь: индиго, кристальные дети и пр. А на деле – очередная попытка классификации людей. А между тем в начале каждой эпохи были свои индиго. И сегодня вновь как будто найдено определение для ненормальных. Это как раз самые что ни есть нормальные. То есть те, кто наиболее точно отражает в своем развитии современную норму. Не желают они, скажем, читать в четыре года – так им и не нужно! Мир они познают не менее активно, чем их образованные мамы и папы. Что их предкам оставалось когда-то для познания мира, кроме чтения? Ни тебе путешествий, ни видео, ни представлений... А ведь все это инструменты, которые требуют от человека не меньшего осмысления, чем грамота. Чем же они хуже? Человек пяти лет, отправляющийся в путешествие, тратит огромное количество интеллектуальной и чувственной энергии. И узнает о мире, возможно, больше, чем его коллега того же возраста, оставшийся дома читать. И выразить свои впечатления иногда может намного интереснее, чем второй (и рисунком, и рассказом, а иногда и просто – без слов).

Утверждение, что **все дети гениальны**, настолько избито, что каждое повторение уже само по себе вызывает тоску. Детская поголовная гениальность – пример самого распространенного клише. Это говорят на каждом углу, каждый второй педагог под этим подпишется. Неужто и правда верят? В чем же тогда идея подгона под определенные критерии? Ведь гениальность как раз и есть несоответствие норме.

Человечество, все больше обращающее внимание на то, что люди все-таки разные, обратило некоторое внимание и на детей. В самом деле, люди различаются по цвету кожи, национальности, вере, полу, возрасту, наконец... А про детей мы как бы всё понимаем? Мы устремляемся в дальние страны исследовать другие культуры, загоняя при этом собственных детей в «нормальное» прокрустово ложе. Зачем? Опять взрослый эгоизм? Опять пытаемся облегчить себе жизнь? То, что сегодня происходит с официальным понятием нормы, – просто дикость! Трудно найти другое слово для определения творящегося беспредела. По самым что ни на есть косвенным признакам определяется развитие сегодня и судьба навсегда.

Вспоминается так много печальных историй на эту тему. Помню, как к нам обратились родители мальчика, который к семи годам не научился читать. Его, конечно, объявили умственно отсталым и рекомендовали вспомогательную школу. Рекомендовали!.. Это не совсем верное слово, поскольку с подобным определением в обычную школу его просто не готовы были принять. Так вот, мальчик этот начал читать уже через пару месяцев. Почему? Причин тут несколько, включая, конечно, и личностный подход. Но главная из них такая: до того просто не время было. Ну, как бы это сказать...

действительно было не до того. Конечно, хотелось бы, чтобы человек начинал читать пораньше. Но что поделаешь, не у всех получается.

Эта история закончилась неплохо. А сколько их с печальным финалом?! Всех не перечесть! Не стану далее утомлять читателей развитием этой темы. Суть состоит в том, что различие в развитии личности и есть норма!

У нас ведь не вызывает удивления, что один человек умеет танцевать, а другой и шагу ступить не может под музыку. А ведь это так просто: знай переставляй ноги. То же и про пение: казалось бы, что сложного издавать звуки разного тона? Однако получается не у всех. Мне возразят: но ведь это же врожденные способности... А вот и нет, вполне себе приобретаемые, как, впрочем, и умение читать и писать. И, кстати, не менее важные, чем последние.

По моим (думаю, и по вашим тоже) многолетним наблюдениям, человеческие особенности воистину непредсказуемы. Скажем, никак не хочет человек трех лет начинать говорить. Ну ни в какую! Однако гениально рисует. И что же? А то, что с точки зрения так называемой нормы этот человек отстает. Это называется «задержка речевого развития». А тот факт, что человек и в два раза старше не сможет изобразить ничего подобного – так это так, бывает. Заметим, что второй, тот самый, который и кисть взять в руки не может, считается безусловно нормальным. Кажется, для обозначения именно этого явления взрослые стыдливо изобрели специальное понятие «индиго».

Вот так мы беремся определять, что нормально, а что нет, не давая себе труда понять саму природу личности.

Сделаем паузу: мне бы хотелось на всякий случай перестраховаться. Думаю, читатели понимают: автор вовсе не утверждает, что нет никакой нужды в изучении, описании, исследовании развития человека. Напротив, наблюдение за развитием, личностное сотрудничество приобретают сегодня особую роль. Однако у человека сегодня развивается и крепнет его основное право – право на самое себя, причем в любом возрасте. И право быть понятым, надеюсь.

И еще одно: то, что человек в три года не говорит, в пять не знает букв, в шесть не считает, может значить многое. Это, безусловно, причина для пристального внимания. Но может быть и так: ребенку просто сильно не повезло с родителями, которых, как известно, не выбирают, – достались ленивые и распушенные. И не его вина в том, что он отстает в навыках (не в развитии!) от сверстников. Пишу эти строки, ибо не хотелось бы, чтобы настоящая статья послужила оправданием безразличия, лени и черствости.

Из всего вышесказанного вытекает вопрос: что же со всем этим делать? А вот давайте представим себе класс, в котором действительно собрались разные люди. На самом деле один – гениальный певец, другая – художница, третий – танцор, писательница, спортсмен, конструктор и т. д. Неужели не нравится? Уверен – нравится! Невозможно, скажете вы? Еще как возможно! Для реализации такого подхода необходим как раз пересмотр норм. Только не детских, а наших с вами. Конечно, для работы с таким необычным коллективом требуются особые профессиональные навыки. В первую очередь необходимо умение строить такие образовательные рамки, в которых, с одной стороны, человек может реализовывать свои способности, а с другой – обучаться новому, причем в том темпе, который является для него нормальным. Еще раз повторюсь: не для нас с вами – для него.

И давайте, наконец, договоримся: если мы не способны разглядеть в человеке искру Божью – ненормальны МЫ. Точка.

#дети #родители #воспитание #психология #норма

Читательская одессия

Из всех родительских навязчивых идей эта, кажется, является самой сильной и распространенной, во всяком случае в России.

«О, если они не будут читать, их жизнь будет пуста и никчемна...»

А ведь действительно, читают нынче наши дети не много. Во всяком случае, кажется, намного меньше, чем их сверстники лет тридцать назад.

Отчего же? Этот вопрос я слышу со всех сторон от учителей, родителей и просто случайных собеседников.

А давайте-ка проверим, насколько верен этот тезис. Ах, какая буря поднимается, стоит только мне усомниться в справедливости данного высказывания: «Да я его (ее) с книжкой уже сто лет не видел!», «Вот у нас все было иначе».

И то и другое – чистая правда. И то, что с книгой в руках многих из них мы давно не видели, и то, что у нас все было иначе. Однако это не меняет положения вещей, а заодно и моей уверенности: нынешнее поколение читает не меньше, а больше нас!

Сколько времени современный молодой человек проводит в социальных сетях? Не правда ли, на наш вкус, даже слишком много... И все это время, заметим, они только и делают, что читают, а заодно еще и пишут. Скажете, это совсем другое дело? Разве? Чем же?

Текст в современном понимании этого слова окружает нынешнее поколение со всех сторон – они попросту вовлечены в него, от него никуда не деться.

Во-первых, по объему совершенно точно они опережают и наше, и предыдущие поколения, то есть читают много, регулярно, осмысляя прочитанное и живо реагируя на него. **Во-вторых, приличная френд-лента включает в себя не только размышления о котятках, но и статьи, музыку, фильмы, книги, картины и т. п.** Таким образом, текст в современном понимании этого слова окружает нынешнее поколение со всех сторон – они попросту вовлечены в него, от него никуда не деться. Вследствие этого шанс современного человека на личностное взаимодействие и с классической литературой намного выше, чем когда-то. Разве это можно сравнить с тем, что было лет, скажем, двадцать назад, когда единственная дорожка к литературе прокладывалась семьей и иногда – школой? Современное чтение стало намного более массовым.

Нет-нет, пожалуйста, не думайте, что я против «классического» чтения. Я за! Вопрос в том, что с этим «за» можно и нужно делать. Я, конечно, счастлив, когда дети читают, хотя бы отчасти, те же книги, что читал я (по крайней мере, это дает нам больше тем для общения, сходные ассоциации и пр.). И, обещаю, буду продолжать делать все, чтобы «волшебный мир литературы» был для человека «своим». Но мне кажется, что путь к этой цели должен прокладываться с учетом того, что

Мы имеем дело с совершенно новым явлением, которое называется «читающее поколение». Именно читающее, а не наоборот! (Помню-помню: «читающее, но не то, что нам бы хотелось». Однако это сути дела не меняет.) А то, что у кого-то из нас есть претензии к качеству текстов, так тут уж ничего не поделаешь – такова судьба всех предыдущих поколений по отношению к последующим...

Еще раз, взаимодействие, которое складывается у молодого человека с текстом сегодня, просто невозможно судить по законам, существовавшим еще несколько лет назад. Ну вы же видите – не получается! Так, может, не стоит отмечать галочками всякую книгу, прочтенную нашими детьми, а вместо этого попробовать осознать и принять нынешнюю культуру чтения? Или хотя бы поближе познакомиться с ней... Тогда дальше можно идти с ними рука об руку. И – обещаю – все пойдет иначе.

Пути интереса неисповедимы...

Им ничего не интересно. Только айпад, только телевизор, только... не то, что хотелось бы нам... Как же нам удастся сделать так, чтобы человек уже к семи-восемью годам перестал быть любопытным, превратился в скучного исполнителя чужой воли? Мариинский театр. Балет «Сильфида». Слышу громкий шепот:

«Смотри, смотри, какие деревья! Ой, как балерина танцует! Видишь, дядя пошел к колдунье! Ой, а она – смотри, какая злая! Ах, какое красивое платье – ты заметила?»

♥ Нравится 🗨 Комментарий ↗ Поделиться

Это диалог (с позволения сказать) мамы с девочкой лет семи. Указания, на что именно смотреть и как реагировать, не прекращаются ни на минуту. Антракт. Ничего не меняется. «Ты обратила внимание на люстру? А вот эту роспись на потолке – представляешь, как тяжело было сделать? Смотри, какие все нарядные – это потому, что в театр принято так ходить...» Но и это еще не все. Каждые пятнадцать минут устраивается экспресс-экзамен: «Ты запомнила, как ее зовут? А кто музыку написал? Зачем они ушли в лес? Увертюра – это?..» И так далее – по кругу.

У бедной девочки практически нет шансов на **собственное впечатление**. Ее интерес полностью парализован. Она бы и получила удовольствие от балета, но где там! Пребывающая в ужасе от того, что что-то останется незамеченным, ее мама не дает ей ни малейшей возможности насладиться прекрасным. Знакомо?..

Неисповедимы пути нашего интереса. Бывает так, что, зацепившись за какую-то малюсенькую деталь, он разрастается все больше и больше – и вот уже включает в себя и музыку, и танец, и людей вокруг, и вообще целый мир.

Интерес важно не спугнуть. А для этого – просто нет другого выхода – необходимо полностью положиться на человека. Девочка чудесно разберется сама: что именно ее «цепляет», а что пока можно не замечать. Только при таком подходе и остается у нас чудесное впечатление от вечера, события, встречи. Ничего не поделаешь: интерес – штука спонтанная.

Возможно, приятно думать, что мы и есть самое главное в их жизни, что без нас они не в состоянии и шагу ступить. Что красоту они способны воспринимать только в рамках наших инструкций. Должен окончательно разочаровать читателя: это не так. Совсем не так. Наша роль значима, но она заканчивается в тот момент, когда мы купили билеты в театр. Вернее, наша роль как раз и состоит в том, чтобы дать человеку возможность и право на собственные впечатления. Иначе попросту невозможно этому научиться – тому самому непосредственному восприятию. Эффект, который достигается, прямо противоположен ожидаемому: человек в рамках инструкций разучивается видеть, слышать, воспринимать. У него отбирается право обращать внимание на прекрасные мелочи, его интерес подменяется интересом взрослого. И потом – совсем скоро – этот же взрослый и обращается к нему с претензией: «тебе ничего не интересно». Конечно, не интересно, ведь столько сил потрачено на убийство этого самого интереса!

Кстати, как обычно в подобных случаях, процесс является двусторонним: интерес взрослого погибает вместе с детским. Взвинченная мнимой ответственностью за чужое внимание, мама и сама, бедная, не видит, не слышит, не замечает, являя собой яркий и недвусмысленный пример для дочери.

Как иначе? Да просто: получать самим удовольствие от происходящего, наслаждаться. После спектакля – если будет желание – обсудить, обменяться впечатлениями (которые, как известно, у каждого свои). Вот и все.

#дети #родители #воспитание #психология

Сравнение – мать насилия

«Посмотри, какая красивая девочка! Это потому, что она в платьице», – услышал я, и снова «забродили старые дрожжи».

Шаг за шагом мы вгоняем детей в комплекс неполноценности. Последовательно и планомерно. Он будет проявляться в учебе, в дружбе, в любви. Потому что мы такие. Не умеем иначе и учиться не хотим. Незачем, мы-то живем как-то! Как-то...

Позицией человека, выросшего в постоянном сравнении и оценке, никогда не будет «я живу здесь и сейчас», «мне хорошо», «я чувствую это так», а только – «я хуже (лучше)», «на меня сейчас не так посмотрели», «я выгляжу полным идиотом», «наконец-то мама назвала меня молодцом», «я должен хотеть есть» и т. п.

Хитрость ловушки заключается в том, что мы сами запутываемся в собственных манипуляциях. Так, в одной ситуации мы с легкостью говорим: «Посмотри, как N хорошо учится», а в другой не позволяем ребенку сказать: «Все за контрольную получили тройки, и N тоже». Во втором случае мы немедленно парируем: «Меня другие не интересуют – у меня свой сын!» Как же! Не интересуют! Наоборот, только это меня и интересует сейчас. И последнее – чувства моего сына. Я хуже других! Я плохой родитель! Что будет, если все узнают... Я просто сам как отец не способен справиться с собственными чувствами. А инструмент сравнения и оценки всегда под рукой. А как же! Сколько лет учили!

Сравнение разьедает душу покруче, чем насилие. Оно в определенном смысле и является матерью насилия. С той разницей, что в ситуации насилия давят на меня, а когда меня учат постоянно сравнивать, я начинаю давить сам на себя. Всегда. Причем, в отличие от рефлексии, когда человек пытается разобраться в собственных желаниях и мотивациях, тут мы только и делаем, что страдаем. И нет в этом никакой дороги: мука никуда не ведет. Ведь даже если, для того чтобы утереть нос другу, я научусь летать, мое удовольствие будет коротким, сомнительным и агрессивным. Ведь это не я научился летать – это мой друг меня научил.

Один из результатов такого подхода мы часто наблюдаем. «У меня новая машинка», – радостно сообщает мальчик утром. «А у меня еще лучше!», «Мне купят две!», «Плохая у тебя машинка» – варианты ответов. При этом, безусловно, нормальной реакцией свободного человека является: «Классная машинка! Рад за тебя! Дай поиграть! Здорово!» и т. п. Неужели мы не хотим так? Или собственный комплекс неполноценности уже не дает нам даже хотеть?

Приучать человека быть лучше всех – значит навсегда ставить его в тяжелейшую ситуацию. Строго говоря, с этого момента он начинает существовать только при условии, что существуют другие. Нет больше его радостей, страданий, успехов. Есть только сравнения, одни сплошные сравнения. «Вот мальчик же не плачет!» А я вот плачу! Представляете?! Плачу! Потому что мне больно! Мне нужно тепло и помощь, а не сравнение! «Вот какая девочка красивая в юбке». А мне правда нравятся брюки. Хотите говорить по существу? Говорите! Давайте спорить! И девочка тут совершенно ни при чем.

Знаю, знаю наперед примеры, которые мне приведут: Моцарт и ему подобные. Если бы их, мол, не заставляли быть лучше других, ничего бы из них и не вышло... Неправда! Во-первых, не знаем мы, что вышло бы, а что нет. А во-вторых, более несчастных людей, чем иные «лучше других», я не знаю.

Неумение принять себя, свои мысли, свои чувства убивает на наших глазах целое поколение.

Из какого сумасшедшего комплекса сравнения появляется принцип «все америкосы – говно»? Из какого самоуничижения вырастает формула «мы всех порвем»? Не «я смогу, потому что мне это важно», а «порвем кого-то», потому что это единственный шанс БЫТЬ для меня... А вот из какого:

сравнение неминуемо приводит человека к унижению других, к ненависти, к окончательной потере себя самого, если нет никого, с кем можно сравниться. Сравнения, естественно, в свою пользу. И любой ценой.

Необходимость постоянно доказывать – папе, учителям, друзьям – разрушает наших детей. Человек окончательно теряет право на самость. На независимую самость.

«А я могу всех победить, а она не может», – говорит мне маленький мальчик, указывая на сестренку и ища моего одобрения. Думаете, это природа его такая? Успокаиваете себя тем, что это не вы его научили? Еще как вы! И все мы.

Сегодня критерием успеха все больше становится гармония, умение верно выбрать то, что человеку по душе, умение соответствовать самому себе.

Воплощать собственные стремления не проще, чем побеждать мифического врага (предварительно его выдумав, конечно). Часто услышать себя и достичь собственной цели намного сложнее, чем просто с кем-то соревноваться. Этот серьезный труд требует в первую очередь внутренней свободы. Которая появляется только при условии существования права человека на себя. Без условий и контрибуций. Без соседского мальчика и папы-медалиста. Просто так. Потому что это право есть от природы. Не отнимайте, а?

Ода синдрому

«Послушайте, да он же у вас просто гиперактивный! – возмущенно заявляет учительница маме девятилетнего сына. – А еще он рассеян, невнимателен, да и вообще – никудышный ученик!»

И приходит расстроенная мама и умоляет хоть чем-то ей помочь. Знакомимся мы с ее сыном, и выясняется, что он... просто живой. Да-да, в смысле – живее других. То есть активнее, непосредственнее, ярче. Но диагноз поставлен: он никудышный ученик! На современном языке этот «диагноз» имеет научное название: СДВГ. Слыхали такую аббревиатуру? Расшифровывается она так: СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Нет-нет, погодите говорить «эта тема слишком специфическая, и мы тут совершенно ни при чем». Дело в том, что уже завтра вы неожиданно для самих себя можете оказаться более чем при чем. Ведь СДВГ ставят сегодня чуть ли не каждому четвертому ребенку. Любое отклонение от так называемой нормы все чаще называется именно так. Это, кстати, очень удобно, когда диагноз всегда под рукой, не правда ли, коллеги?

Критичен? СДВГ. Непоседа? СДВГ. Перебивает старших? СДВГ. Бежит, когда другие боятся сдвинуться с места? Опять СДВГ.

Что же это за штука такая? С одной стороны, родители, однажды познакомившись с этим «диагнозом», боятся его как огня, считая, что уже само упоминание СДВГ способно испортить жизнь. Но с другой – все больше семей сталкивается с этим определением сущности их ребенка. И чаще всего оно обрушивается на родителей внезапно, приводя их в состояние беспомощности и растерянности. Так что стоит попробовать разобраться.

Для начала отвечу на возможный вопрос, отчего я ставлю слово «диагноз» в кавычки. Да потому и ставлю, что диагноза тут, похоже, никакого нет. Речь идет о личностной особенности, причем особенности удивительной!

«Но позвольте, – возразят родители и учителя, – значит, нет никакого СДВГ? Отчего же тогда мы все чаще и чаще сталкиваемся с этой аббревиатурой?» А вот этот вопрос действительно интересен.

Все дело в том, что в современном мире дети в самом деле все менее походят на своих предшественников. Все чаще миром востребованы такие качества, которых у нас с вами нет и в помине. Более того, это те самые качества, которые нашими прежними наставниками не так давно безоговорочно объявлялись безусловным злом. Часть из них вполне можно перечислить:

- **скорость реакции** (ср. «сначала думай, потом – говори»)
- **умение делать несколько дел одновременно** (ср. «закончи одно, потом принимайся за другое»)
- **сосредоточение сразу на нескольких объектах** (ср. «надо уметь выбирать главное»)
- **способность к размышлению в движении** (ср. «сядь спокойно, не вертись»)
- **спонтанность** (ср. «помолчи, потом поймешь»)

Да и многие-многие другие. На наших глазах вслед за технологическими и структурными изменениями нашей жизни естественным образом происходят изменения в структуре личности. Когда я (и не я один) раз за разом твержу о способности современных детей одновременно писать, слушать музыку, есть мороженое и собирать конструктор – это и есть то, что все чаще называют СДВГ. Совсем недавно это считалось отклонением от так называемой нормы. Да и сейчас еще считается. Во множестве статей на эту тему авторы, с одной стороны, ужасаются все возрастающему проценту детей с СДВГ-особенностью (называется цифра до 25 %!), а с другой – призывают как можно скорее найти способ «лечения». А между тем, если речь идет уже о настолько массовом явлении, может, как говаривал М. М. Жванецкий, «пора в консерватории что-то поменять?»

Совсем недавно взрослые считали своим долгом сделать все, чтобы отстроить жизнь и мировосприятие такого живого ребенка по своим лекалам. А между тем все более ясно, что этому давлению противостоит некое базисное свойство нынешнего поколения. Свойство, которым мы не владеем. И смириться с которым нам сложно по целому ряду причин.

А в качестве «довеска» еще одна особенность современных детей проявляется все более явно: они способны к сопротивлению. Всеми доступными способами. Они не собираются автоматически принимать на веру наши догмы. И, заметьте, в их детстве, в отличие от нашего, есть огромное количество возможностей не только усомниться, но и проверить эти самые догмы.

Вот что пишет Питер Грей, профессор психологии из Бостонского колледжа: «СДВГ можно назвать синдромом конфликта со школой. Что означает диагноз СДВГ? Попросту говоря, это неспособность ребенка адаптироваться к условиям обычной школы. Большинство диагнозов опираются на наблюдения учителей. Обычно «проблемный» ребенок становится источником постоянного раздражения учителей: он невнимателен, не выполняет заданий, мешает классу, вертится, болтает, и учитель последовательно подводит родителей к мысли о необходимости консультации специалиста о возможном наличии СДВГ. Стандартные диагностические анкеты содержат мнение учителя и родителей относительно поведения ребенка. Если оценки отвечают заданным критериям, ставится диагноз. Ребенка затем могут посадить на... различные препараты... и конфликтов в школе сразу становится гораздо меньше. Ребенок делает то, что сказал учитель, дисциплина в классе восстанавливается, и родители облегченно выдыхают: лекарство работает!»

На всякий случай оговорюсь: безусловно, есть люди, которым нужна помощь, в том числе и медикаментозная. Но ведь, когда человек, не умеющий справиться со своим раздражением, принимает успокоительное, нам (надеюсь!) не приходит в голову объявлять его больным. Вот так же, имея дело с частным случаем, когда лекарство необходимо, не стоит, поддаваясь соблазну, торопиться объявлять частное общим.

Не буду сейчас писать, откуда берется эта личностная особенность. Читайте сами, написано действительно много. Лишь для примера приведу слова замечательного Кена Робинсона: «В результате действия нынешней модели образования наблюдается целая эпидемия, которая по большому счету является фикцией. Это эпидемия СДВГ (синдрома дефицита внимания и гиперактивности). В наше время на детей действует больше раздражителей, чем когда-либо в истории человечества. Каждый источник информации старается завладеть их вниманием, будь то компьютеры, сотовые телефоны, реклама или телеканалы. Но им нельзя на это отвлекаться, иначе их ждет наказание. Отвлекаться от чего? От скучнейшей тяготы, которую преподают в школах».

Знаете, зачем я пишу это, дорогие родители будущего или настоящего «эсдэвэгэшника»? Да просто хочу поздравить вас с замечательным ребенком!

Действительно – замечательным! Расскажу вкратце, как примерно это явление выглядит в его ежедневной практике.

Пишет, скажем, человек контрольную и вдруг видит за окном прекрасную бабочку. Многие одноклассники ее попросту не замечают. А это ведь, согласитесь, так важно! И совсем не очевидно, что контрольная важнее. Вот и стремится наш СДВГ-герой обратить внимание всех на это явление. Понимая, что происходит нечто важное, он просто должен немедленно поделиться этим важным со всем человечеством. Это не преувеличение – действительно со всем!

Еще пример. «Эсдэвэгэшник» умеет замечать одновременно ВСЕ происходящее, причем за доли секунды. Нет, он не невнимателен, он внимателен сразу ко всему. И сразу на все реагирует. Он видит, как одета учительница, замечает упавший у кого-то карандаш, портрет писателя на стене, слышит разговор друзей на задней парте, замечает, как движется секундная стрелка на часах, одновременно вспоминая вчерашний вечер и думая о вечере сегодняшнем. Взрослые твердят ему, что нужно выбирать главное, но как его выбрать? Что тут главное? Поди разберись!

Почему, скажем, он куда-то бежит (а не идет)? Да потому что сейчас, именно в эту секунду, он должен быть в другом месте. Обычный человек остановится и подумает. И, возможно, останется на месте. А наш герой, подверженный минутному порыву, немедленно должен оказаться именно там, куда влечет его мысль. А мыслит он очень быстро. Да-да, он мыслит прямо противоположным образом, чем это обычно представляют. Он оперирует долями секунды.

Еще одна особенность: такой человек выражает свои чувства неординарным, непривычным для нас способом. Например, если его обидели, он вовсе не обязательно «даст сдачи». Более того, требовать от него такой реакции – значит вступать в конфликт с самыми базисными свойствами его личности. Его чувство справедливости устроено иначе: он переживает любую ситуацию намного ярче, чем мы с вами. Количество ассоциаций в такие моменты просто зашкаливает, и предложить ему механически заменить одну реакцию на другую – значит заставить его предать самого себя. Представьте себе мультфильм с очень яркими цветами. Такими яркими, что глаза режет. Вот так примерно он и видит наш мир, так и живет в нем – ярко и сочно. (Думаю, вы понимаете, что по той же причине «эсдэвэгэшник» с другим характером в подобном случае может дать сдачи так, что мало не покажется...)

Я совершенно уверен, что для людей с так называемым СДВГ предусмотрена удивительная судьба. Если, конечно, не перепахать их в детстве. Это ведь удивительный дар – ощущать такую одновременность событий. Именно дар, который может обернуться настоящей наградой и для него, и для окружающих.

Но, увы, в рутинной практике эта награда может показаться проклятием. Причем и ему, и нам.

Ведь мир построен по определенным лекалам. Мы хотим видеть их рассудительными, степенными, весомыми. А «эздэвэгэшиник» попросту не может, не умеет быть таким.

А еще добавим, что он знает об этой своей особенности. Уже потому, что ему постоянно на нее указывают. И поэтому, когда его вновь и вновь ругают, очень расстраивается. Расстраивается по модели «ну вот, опять я сорвался, опять не смог, опять выясняется, что я никчемный урод, совсем непохожий на нормальных людей...»

То, что нам следует делать, – это не менять его, а помогать познать самого себя. Помогать, помня о том, что для нас часто неведомы его инструменты взаимодействия с действительностью. Причем делать это осторожно и терпеливо. Вот тогда и научится он владеть этими собственными инструментами, превращая набор случайных и непривычных для нас цветов в поразительную по красоте палитру.

Главное средство помощи – положительная обратная связь. Не «у тебя опять ничего не получается», а «смотри, как ты можешь». Не «посмотри на хороших мальчиков и девочек и стань таким же», а «расскажи мне, как это происходит у тебя, и мы вместе попробуем найти новые возможности использовать твои умения». Не «ты совершенно несносен», а «я знаю, что тебе, как и мне, бывает тяжело, но мы непременно найдем способ изменить это».

И тогда перед ним открываются настоящие голубые дали. И выясняется, что СДВГ – синдром артистов и художников, изобретателей и психологов, мечтателей и новаторов. Точнее, это синдром всех профессий, где востребована повышенная рефлексия, быстрота реакции, способность ощущать собственную и чужую боль, замечать то, мимо чего другие просто пройдут не оглядываясь.

Не надейтесь, они никогда не будут «нормальными». И навсегда останутся неудобными. Но перед ними открыты удивительные и разные дороги. И в определенном смысле от нас зависит, станут они черными меланхоликами, разочарованными в окружающем мире, находящимися в перманентном конфликте с его ритмом, нормами, догмами, или яркими, открытыми, творческими. Такими, какими их создала природа на радость нам всем и им самим.

Будете ломать – получится первое. Будете поддерживать – второе. Вот и выбирайте.

Так что да здравствует СДВГ! И радуйтесь, дорогие родители, если у вас неудобный ребенок. И не торопитесь его менять. Он все равно не изменится. Максимум – огрубеет и станет законченным невротиком. А вместо этого всегда помните, что ему нелегко. Нелегко, но очень интересно, намного интереснее, чем нам с вами. И тут, безусловно, есть чему завидовать. И учиться.

#дети #родители #воспитание #сдвг #педагогика#adhd

«Что посеешь, то и пожнешь»

«Что посеешь, то и пожнешь» – страшный и опасный педагогический принцип. Потому что он работает.

Удивительно, но в педагогике паттерны перенимаются с такой скоростью, что часто и не уследишь... Скажем, маме очень-очень важно, чтобы обувь ребенка всегда оказывалась на своем месте. За это она готова биться день и ночь, любыми доступными ей способами. Бьется она, бьется и добивается на первый взгляд неожиданного эффекта: сын перенимает ее нетерпимость, выучивает преподанный материал, как и положено хорошему ученику, и начинает пользоваться новым навыком. Ботинки он на место, может, и не ставит, но «наезжает» на маму виртуозно. Причем с каждым днем все лучше и лучше, в особенности если опыт подкрепляется новыми «уроками». Разве это не типичный образовательный процесс? «Он постоянно бьется в истерику!» Интересно, как он этому научился?..

А вот еще. «Он с детства хотел быть самым сильным – наверное, поэтому он и не делает то, что я прошу, считает это слабостью». Начинаем разговаривать, и быстро выясняется, что установка «мужик должен быть грубым, властным, самостоятельным» возведена у мужской части семьи в основной принцип жизни, лишь бы не показать слабинку, лишь бы не проиграть. «Ага, значит, люди живут именно так», – как бы прикидывает ребенок и учится этому, перенимая модель легко, как и положено в его возрасте.

Кстати, парадигма войны, столь свойственная нынешним детям, не просто идет от взрослого мира, она жестко навязывается им, демонстрируется как единственно возможный способ жить. Мир глубоко враждебен, поэтому нужно быть сильным и стойким чтобы непременно «всех порвать», выиграть соревнование (которого, вероятнее всего, нет и не было), опередить «врага». Подтверждений сколько угодно. Скажем, ведет учитель урок на самую что ни на есть гуманную тему – образ Мышкина из «Идиота». Предположим, говорит о смирении и принятии другого. Кто-то из учеников «плохо себя ведет» – разговаривает, вертится, пускает самолетик и т. п. Учитель закипает и кричит: «Вон из класса!» Что, на ваш взгляд, воспримет ученик? Неужели теоретический материал о любви к ближнему окажется сильнее практики? Ни за что! Урок был блистательным. Ученик освоил материал. Правда, не совсем тот, который собирался преподавать учитель, но что поделаешь – издержки профессии. Хотел научить принятию, а научил насилию...

Как вы думаете, сколько раз человеку нужно увидеть собственную маму в состоянии агрессии, обиды, унижения, для того чтобы перенять модель? Правильно, нескольких раз достаточно. Что будет потом? Вариантов много, уж точно больше одного. Возможно, человек уяснит для себя, что мир враждебен и следует затаиться; возможно, подумает, что необходимо всегда быть готовым дать отпор; может быть, испугается и решит «не связываться» – все бывает по-разному, в частности, в зависимости от характера. В одном можно быть уверенными: урок состоится и будет успешным.

Самые интересные и сложные ситуации у нас в школе, когда человек приходит к нам из другой системы. То есть когда он уже «обучен». Чаще всего (хотя и не всегда, конечно) он абсолютно уверен в том, что мир глубоко враждебен. Силы, которые человек тратит на то, чтобы доказать, что ОН ЕСТЬ, воистину огромны. Он просто поначалу не может поверить, что его воспринимают вне зависимости от «побед и поражений», что эти победы с поражениями часто существуют лишь в его голове. Как это происходит? Какую школу он прошел? Почему первое, что приходит ему на ум в общении с другими, – это что его хотят победить? Что он существует только в сравнении с другими, только если он сильнее, важнее, страшнее, богаче... Удивительно, что одновременно у такого человека существуют две тенденции поведения: либо «побеждать» – бить, ругаться, хамить, отнимать что-то у других, то есть сражаться за себя любым способом, либо просто не принимать участия в том, что, на его взгляд, не принесет так называемой «победы» – от урока до игры.

Обычно нужно немало времени, чтобы человек заново поверил: он интересен и важен сам по себе. А как без этой веры двигаться дальше? Как учиться математике, например, если в голове лишь победа или поражение? А если параллельная система все работает и работает: «Давай-давай, важно не научиться математике, а оказаться лучше других, выдержать экзамен, поступить в университет...» Скажете, одно другому не противоречит? Не согласен! Противоречит почти на 100 %. Это ведь совсем разные цели – победить и научиться... А учиться, исходя из вынужденности, чтобы стать «главным», – совсем другой подход, другое отношение к учению. Да и к самому себе.

Главный вопрос: в чем на самом деле наша цель? Чему мы хотим научить? Любви? Свободе? Подчинению? Насилию? Будьте уверены, в большинстве случаев чему хотите, тому и научите. Только нужно помнить один маленький секретик. Малюсенький. Микроскопический... Надо бы хорошо осознавать, чего вы на самом деле хотите и что, соответственно, вы на самом деле делаете. Это как в «Сталкере»: будет выполнено самое заветное желание, и горе нам, если мы не отдавали себе в нем

отчет. Сюрприз может обернуться настоящим несчастьем. И ничего не поделаешь – сами научили. Одна мама обращается к нам в отчаянии: «Он все время меня обманывает. Рассказывает о каких-то бесконечных конкурсах, в которых он побеждает, что его обижают, а он все-таки «выстаивает», что у него одни пятерки (а на деле все наоборот)». Разговариваем. Выясняется, что мальчик просто очень (!) хороший ученик. Долго-долго ему всеми способами давали понять, что его принимают только в случае, если он первый. Во всем. Что же тут не так? Урок оказался усвоенным. Правда, обнаружили побочные эффекты: школу ненавидит, слабых обижает, родителей обманывает.

Есть, однако, и свет в конце этого тоннеля. Не стоит рассматривать отношения с человеком (и дома, и в школе) как нескончаемый педагогический процесс. «Научить» – понятие зыбкое, научиться – конкретное. Поэтому давайте будем осторожны, ставя перед собой цели и выбирая пути их достижения, давайте помнить, что мы часто не властны над тем, что человек выучивает. Когда мы имеем право на себя, наша способность услышать, заметить, принять намного выше.

Будем агрессивны, жестоки, доминантны – именно этому и научим. Будем принимать, любить, слышать – дадим себе шанс быть принятыми, любимыми, услышанными. И в мелочах, и по-крупному.

Профориентация: cui prodest

Все начинается с невинного на первый взгляд, а по сути – наипошлейшего вопроса, обращенного к человеку лет пяти-шести: «Кем же ты хочешь быть, когда вырастешь?» Сама постановка вопроса, если вдуматься, подразумевает полную никчемность объекта: «Сейчас-то ты, понятно, никто и ничто, а вот когда вырастешь – другое дело!.. Это ведь так важно, кем ты будешь, намного важнее, чем то, кем ты являешься сейчас!»¹

Именно этим – антиличностным – подходом и определяется вся сфера так называемой профориентации. Между тем, на мой взгляд, человек может определиться со своим настоящим и будущим, только если для него важно как раз кто он сейчас, каков он, чем интересуется, о чем мечтает...

Хорошо ли, если человек в четырнадцать лет знает, кем хочет быть? Само собой всплывает в голове однозначное «да». Еще бы! Ведь, кажется, именно это понимание делает его самостоятельным, умным, ответственным, наконец, ценным в глазах взрослого мира.

А вот мне, знаете ли, кажется, что это скорее плохо – знать в четырнадцать лет, кем ты будешь. Когда уже в четырнадцать прорыта для человека колея на всю, с позволения сказать, жизнь, упирающаяся в могилу... 14 (13, 15, 16) – чудесный возраст, когда так здорово прикидывать и проверять на самих себе самые разные возможности, пробовать их на вкус, трогать руками, сомневаться, решать заново, думать и передумывать... Что же хорошего в том, что человек отрезает все эти чудеса и принимает «единственно правильное решение»?

Конечно, у человека может быть выраженная склонность к какому-то занятию, но ведь склонностей этих часто намного больше одной, разве нет? Да и часто ли соответствует этой склонности профессиональный выбор?

Молодому человеку диктуется необходимость как можно скорее определяться с будущей профессией, а иначе... Впрочем, что именно произойдет иначе, отдается на откуп фантазии

¹ И кстати, никогда не понимал, как можно на этот вопрос ответить, если хочешь быть одновременно продавцом мороженого, космонавтом, профессором в университете, певцом, учителем, артистом, археологом, ну и т. д. А ведь в большинстве случаев именно так и бывает: человек владеет целым миром, верит до поры до времени, что все будет, как захочет он. Все это так, пока нас не вгоняют в прокрустово ложе единственного ответа.

говорящего взрослого. Тут и занятия общественной работой, и нищенское существование, и презрение родственников и друзей, и прочая, прочая, прочая...

А между тем наша цель должна быть прямо противоположной: создание уверенности человека в собственной – личностной – ценности. Ведь только понимая, кто он, чего хочет, чем интересуется (при всей условности этих вопросов), он сможет ответить и на вопрос, какая сфера принесет ему максимальную самореализацию. Иначе у него попросту нет инструментов для поиска этой сферы.

Настоящая профориентация именно в том и состоит, чтобы создать условия, при которых человек поверит, что может быть тем, кем захочет, поймет, какие инструменты ему интересны, необходимы. Условия, в которых возможно учиться понимать себя, свои желания, свое предназначение, наконец. Понимать, где, в какой области самопознание и взаимодействие с миром будут наиболее яркими и развивающими.

Можно и нужно менять направления, можно и нужно пробовать новое, можно и нужно брать тайм-ауты. Бывает страшно? Конечно, еще как! Именно поэтому целые поколения выдумывали миф о том, что одно место работы на всю жизнь – это и есть настоящая романтика, что, приняв однажды решение о будущей профессии, ни в коем случае нельзя его менять, даже если очень хочется, даже если мир изменился, даже если от работы ужасно тошнит.

Однако кроме личных страхов есть еще причины, по которым сфера профессионального самоопределения оказалась вывернутой наизнанку.

Боюсь, раз за разом мы утыкаемся в один и тот же ответ: такая постановка вопроса выгодна только тем, кто хотел бы управлять нами и нашими детьми. Управлять так, как удобно им. Если хотите, мы можем использовать слова «система» или «государство» – как вам привычнее. Ни в одной сфере не существует такой (умышленной!) путаницы между тем, что нужно государству, и тем, чего ищет личность. Государство, наверное, можно понять...

Давайте зададимся простыми старыми вопросами: cui prodest? Cui bono? Кому выгодно, чтобы человек как можно раньше связывал себя каким-либо (в данном случае профессиональным) обязательствами? Чтобы как можно раньше его дорожка была ясна или хотя бы предсказуема?

Ведь это и правда чертовски удобно, когда впереди одна колея, прямая, как стрела, когда нормой становится отсутствие фантазий о собственном будущем, настоящем и прошлом. Как будто специально (думаю, что так оно и есть) создается иллюзия: знание того, кем ты хочешь стать, и является самоцелью. Выбить из человека это признание, а затем связать его собственным словом, желательно на всю жизнь.

Мы ведь так удобны, когда уже в четырнадцать лет понятно, чего от нас ждать, когда мы сами начинаем верить в то, что меняться, придумывать, расширять рамки, проверять новые дороги, отказываться от прежних решений – это плохо, а истинной ценностью является одна дорога, одна профессия, одно место работы... Одна – та самая – колея.

Государство понять, наверное, можно. А нас?..

«Первое сентября как похороны»

Итак, давайте вспомним, как устроено первое сентября. То самое, которое «первый раз в первый класс». Построенные рядами дети, цветы, речи, траурное одеяние, которое возвращается в этом году с нашего молчаливого согласия. Воля ваша, а мне ну никак не избавиться от ассоциации с похоронами... К кому обращена речь директора школы? Уж конечно, не к тем, кто в первый класс пришел. Речь «виновнику торжества» обычно совсем непонятна. Он, бедный, занят тем, чтобы выжить

в этой жесткой ситуации. Когда-то в начале 90-х наши коллеги провели любопытное исследование. Оказалось, что около 60 % новоявленных школьников, извините, писаются первого сентября. В честь праздника, так сказать. Так им хорошо там. Цветы, призванные скрасить отрицательные ощущения, не слишком помогают. Они, конечно, добавляют пафоса, но при этом окончательно запутывают как детей, так и учителей. Традиция цветов, принесенных первого сентября, начинает лживую дорожку, обязывающую относиться к школе со странной благодарностью. Не как к институту, созданному для человека и призванному быть комфортным, гуманным, мягким, помогающим наиболее удобным способом познавать мир и самого себя, а как к неизбежному злу, к которому уж лучше относиться с известной долей ностальгической симпатии. Себе дороже. «Когда уйдем со школьного двора-а-а...» Счастье – настоящее счастье – будет, когда уйдем. Но пока обманем собственных детей. «О, школа – это прекрасная пора...» Нет, никакая не прекрасная. Возможно, неизбежная пора. Но совершенно точно – тяжелая, часто унижительная, требующая понимания и поддержки. Подумайте, быть может, вы готовы дать эту поддержку, заменив ею тупой восторг и умиление?

Вообще, это особый денек. Дальше – больше. Школьнику предстоит впервые узнать, что, для того чтобы разговаривать, нужно поднимать руки. А для того, чтобы поздороваться, нужно не сказать «здрасьте», как его до этого учили, а молча встать. Это зачем же все? Врем про то, что «так вести себя интеллигентно и правильно», а на самом деле большинство учителей просто не умеет организовать учебный процесс, не «вырубая» детей. Вот и поднимают они руки уже в шесть лет, и встают, вместо того чтобы доставлять удовольствие себе и близким разговором, объятиями и пр. Дети строем входят в систему, которая и доведет их до полного личностного нивелирования. Во всяком случае, очень постарается.

Вспоминаю историю, рассказанную мне человеком, которому сегодня далеко за семьдесят. Его, как и всех нас, задолго начали готовить к первому сентября. Он радостно устремился в школу – поднимал руку, был внимателен на первых своих уроках, слушал учительницу. Вернулся домой счастливым – все прошло наилучшим образом... И вот настало второе сентября. Рано утром мама разбудила его: «Коленька, вставай». «Зачем же?» – недоумевал первоклассник. «Как же, в школу пора...» А Коленька – в слезы: «Я ведь уже вчера сходил!...»

Только теперь он понял, что вся эта затея – всерьез и надолго. И праздник обернулся детским огорчением. На десять лет. До сих пор вспоминает он ту горечь, которую испытал тогда. Это, конечно, анекдот... Но, ох, значимый анекдот...

В школе ведь все так. Всерьез и надолго. Ну, например, разве это удобно – учиться группой в тридцать человек, сидя в затылок друг другу? В самом деле, почему в классе обычно такая странная мизансцена? Я имею в виду фронтальное (относительно учеников) местонахождение учителя, посадку «лицо к спине», лишаящую учеников возможности встретиться взглядом, ровные ряды парт и пр. С точки зрения дидактики в этом нет практически никакого смысла. Что же это? Ответ для меня очевиден: это наиболее простой способ управлять личностью. Причем в основном путем подавления. Помните первый класс? Слова учителя: «Ну-ка, подровнялись, правый ряд – закрыли рты, левый – на меня смотреть, полная тишина... А теперь тихонечко сели...» Это как поворот выключателя. Зачем? А затем, что иначе учитель не умеет. Вернее, вести себя именно так от него требует система. Он может только вырубить ток, выключить энергию, лишить ученика его права на собственное поведение, даже на саму концепцию собственного поведения. Глядя в затылок впереди сидящего, отвлекаться труднее. А на самом деле труднее думать... Учитель превращается в единственный объект для ученика. Есть только он. «Всем сидеть! Молчать! Закрыть рты! Слушать меня!» Вспомнили? Не страшно?..

С точки зрения адаптации существует несколько вариантов реакции на подобное обращение.

Реакция первая: «Я хороший». Этот способ взаимодействия с реальностью предполагает

«хорошее поведение», то есть выполнение всех требований того, кто сильнее (в нашем случае – учителя, воспитателя и пр.). В этом случае человек, независимо от своих склонностей, желаний и пр., ведет себя «подобающим» образом: молчит, когда хочет говорить, встает, когда хочет сидеть, говорит, когда хочет молчать, и пр. Он, конечно, научается делать не то, что хочется, только вот зачем? Многие скажут: легче жить будет... Ой ли?..

Реакция вторая: «Я плохой, но делаю вид, что хороший». Это когда я веду себя как хочу, но стоит только на меня взглянуть – вытягиваюсь в струнку, замолкаю, выписываю в тетрадке и т. п. В этом случае мы учимся такому необходимому навыку, как вранье. Причем, поскольку большинству учеников все-таки невдомек, почему нужно вести себя именно таким, а не иным образом, главное тут – подчинение, основанное на страхе. Я делаю вид, что хороший, иначе мне попадет.

Реакция третья: «Я плохой». Она, прямо скажем, является наиболее редкой. По понятным причинам: сложно противостоять тем, кто по определению не просто сильнее тебя, но и с легкостью может испортить твою жизнь. Однако встречаются посетители школ и других образовательных учреждений, которые бескомпромиссно остаются самими собой. Поскольку чаще всего это принимается за хулиганство (которым, впрочем, часто впоследствии и становится), жизнь их, мягко говоря, непроста.

И наконец, еще один способ взаимодействия с описываемой действительностью я люблю очень, хотя и встречается он нечасто: «Я хороший, но делаю вид, что плохой». Этот способ, на мой взгляд, является наиболее творческим. Его логика примерно такова: «Мне и самому-то приятнее существовать в тишине и покое в классе, но принуждение меня унижает. Поэтому я буду ему противостоять!» Да здравствуют герои!

Заметим, все четыре упомянутых способа являются примерами извращенного поведения. Все они так или иначе предполагают насилие над личностью. Среди них нет простого и понятного поведения: я веду себя так, как считаю нужным. Я – такой и имею право таким быть. Сами знаете, что является результатом такого подхода, не правда ли?

В то же время очевидно, что главной целью педагогического процесса является развитие личности, самости человека. Точнее, даже развитие его умения взаимодействовать с собственной самостью и со всеми факторами окружающего мира. Именно так у человека проявляются и впоследствии развиваются способности строить личные отношения с другими людьми, со знаниями, с окружающим миром вообще. Эти инструменты основаны не на комплексе неполноценности, а на личностной целостности и интересе. Знание и принятие себя позволяет нам находить такие способы образования и самообразования, которые являются наиболее приемлемыми для нашей личности, соответствуют нашим склонностям. Школа же, основанная на насилии, пусть и во имя самых благих целей, уничтожает саму возможность подобных открытий.

Возьмем, к примеру, одну школьную тему. Признаком чего является шум в классе? Классический ответ – признаком того, что ученикам неинтересно. А на деле все наоборот. Когда нам интересно, мы шумим, обсуждаем, высказываем свое мнение (вспомните любую вечеринку, любую встречу с друзьями). Для того чтобы принять материал, нам необходимо его обсудить – «присвоить». Кроме этого, на мой взгляд, шум является признаком того, что дети живы... Во всех смыслах. Дети – люди в основном шумные.

Еще пример, который многие с ужасом вспоминают и одновременно пытаются вытеснить из памяти, – организация процесса еды в детских садах и школах. Когда вам предлагают некое блюдо (зачастую не самое аппетитное) и всеми силами заставляют его съесть, вне зависимости от ваших желаний и личного вкуса (опущу в данной статье подробности известных мне и многим читателям извращенных способов насилия с целью добиться поедания обеда). А при этом еще и врут, объясняя,

что хорошие (!) дети съедают все до конца. Отдельные экземпляры доходят до такого цинизма, что приплетают к этому тему ВОВ. Зачем?! Неужели снова чтобы убить все личностные проявления, включая вкус? Как человек будет **выбирать** в XXI веке – **веке выбора**, если он лишен с детства самого **права выбирать**?

Сама система современных образовательных учреждений, к несчастью, устроена антилично. Предположим, человек хотел бы посидеть и подумать. Но в этот момент объявлен перерыв – все встают и выходят. Как быть? Или наоборот, скажем, для того, чтобы сосредоточиться, кому-то необходимо походить взад-вперед, однако он обязан сидеть сиднем. Или еще: кому-то в пять лет легко и просто учить математику, сидя тридцать минут, а кому-то достаточно пятнадцати, а дольше – тупик... Мне могут возразить: «Но ведь нельзя же построить систему, которая учитывает склонности каждого». Еще как можно! И разговаривать в классе, и вставать, и идти к предмету разными путями, и работать в разных ритмах. Нужно только осознать, что именно это и является одной из главных образовательных целей – умение взаимодействовать с современным миром, умение выбирать собственный путь, знакомство с самим собой, со своими способами учения. Если практическая педагогика не будет срочно адаптирована к современным условиям (то есть не начнет реагировать тем или иным способом на рамки постмодернизма), системы образования рухнут, как карточные домики. Давление на современного человека в детском саду и школе достигло наивысшей стадии. Пора думать и меняться...

Система провозглашает адаптацию чуть ли не главной целью. Именно поэтому она и демонстрирует такое активное давление. Считается, что чем быстрее человек научится выполнять определенные правила, тем скорее он адаптируется. Все наоборот! Выполнение правил – скорее признак глубокого ухода в себя, подчинения себя системе, нивелирование собственного я, низведение его до некоего усредненного безличного уровня.

Человеку, приходящему в принципиально новую систему, каковой являются, например, школа, детский сад, практически всегда страшновато и неудобно. Причем даже в том случае, если атмосфера этого места дружелюбна. Поэтому главное – дать человеку ощущение комфорта и уверенности. Дать ему возможность почувствовать себя сильным (сравните с сидением в затылок друг другу). То есть нужно не расшатывать уверенность в себе, а усиливать. Именно из этой уверенности рождается сначала право на себя самого, затем ощущение места как «своего», а после – желание использовать это самое «свое» место на полную катушку, то есть учиться, узнавать новое, знакомиться с миром.

Разве не этого хотят мама и папа, отправляя ребенка в школу? Разве не в этом и заключается наша взрослая цель помещения ребенка в образовательные рамки? Как же и когда происходит подмена? В какой момент люди (и дети, и родители, и учителя) оказываются внутри очередного витка воспитательного процесса, вместо того чтобы радоваться вместе познанию мира?

Изнасилование на пятерку

Дело вовсе не в том, что я категорически против оценок, я просто действительно совсем-совсем не понимаю, как оценка в школе может явиться хоть каким-то образовательным (педагогическим) инструментом. Штука в том, что весь мой опыт доказывает обратное. Да и опыт коллег, по моим наблюдениям, приводит к единственному выводу: оценка не просто вредна – она развращает личность, убивает любопытство, приводит к конфликтам, к комплексам. Хотите доказательств? Пожалуйста! Желание получить положительную оценку (и избежать отрицательной) постепенно становится сильнейшей мотивацией. Настолько сильной, что часто она покрывает все остальные мотивации. Потому и вводится в манипулятивных системах дрессировка с самого раннего детства. Начнем с простейших примеров: человек хочет поскорее выпить компот. При этом знает, что положительную

оценку («ты хороший мальчик») он получит в случае, если съест суп. Как ему поступить? В рамках приобретенного условного рефлекса – реакция на положительную оценку – он принимается за суп. Получает подкрепление в виде похвалы (оценка). Как вам кажется, сколько раз ему нужно побывать в подобной модели, чтобы она закрепились? Нескольких будет достаточно, не правда ли? Что станет результатом? Его неумение определить, чего он на самом деле хочет? Познание принципа зависимости отношений с мамой от ее субъективной оценки? Что взрослые лучше знают, как жить? Организм подсказывает, что он хочет компот (рис с овощами, макароны и пр.), а мир диктует, что нужно есть суп. Эта дилемма не вечна. Оценка – наркотик, ежедневное применение которого снимает все эти вопросы. И постепенно вытесняет истинные мотивации. Слишком примитивно? Но механизм работает точно таким же образом и в более сложных примерах. Давайте про школу. Взгляните на пятибалльную оценочную систему: ничего не замечаете? Из пяти возможных вариантов три – отрицательные (причем один из них – единица – практически никогда не используется), остается хилая дифференциация между 4 и 5... Что мы хотим сказать с помощью этих сомнительных инструментов? Даже приблизительной объективности не получается.

Представьте, у человека в диктанте было двадцать ошибок, он долго работал и в следующем сделал только восемь. И что же? Опять двойка! Между тем его успех намного больше, чем у отличника, который, исправив одну-единственную ошибку, перешел от четверки к пятерке.

Равно как и за сданный чистый лист он получит не ноль, что хотя бы логично, а все ту же двойку. Неужели вас это не смущает? Как объяснить это детям? Разве такая система может стать хоть сколько-нибудь серьезной и честной обратной связью – поддерживающей, обучающей? Девочка Света выучила письмо Татьяны и получила пятерку. Мальчик Ваня не выучил письмо Евгения и объяснил, почему он этого не сделал (его раздражает лживость и манипулятивность письма). Два. И это в полном соответствии со стандартом. Государственная контрольная в нашей школе.

Второй класс. На картинке – гнездо и домик. Вопрос: объясните, что общего и в чем разница. Наш ученик отвечает: «Разница в том, что в гнезде живет **птица**, а в доме **человек**, а общее – то, что в гнезде **живет** птица, а в доме **живет** человек». Ответ, на мой взгляд, на грани гениальности.

Прикажете поставить пару в соответствии со стандартом? Сказать что-нибудь типа «ты молодец, но мир этого не оценит»? Нет тут подходящих вариантов. Но есть вопрос: зачем оценка? Разве без нее мы не сможем понять, что человек знает, а чего не знает? Могу предложить вам жестокую и опасную проверку: введите на недельку жесткую оценочную систему в собственные женско-мужские отношения, и увидите, с какой скоростью все рухнет. «Дорогой, сегодня за наш секс ставлю тебе 4 с минусом...» «Дорогая, тебе троечка за сегодняшний вечер». Смешно, не правда ли? Вот и в отношениях с детьми – смешно. Оценка приводит к тому, что человек учится соответствовать не самому себе, своим желаниям, мыслям, интересам, а учебнику, взглядам учителя, вообще – взрослому. Он постепенно теряет умение взаимодействовать с миром, выбирать. Это неправда, что без оценок «они» не учатся! Ну совсем неправда! Эта формула возникает только в одном случае: происходящее вне уроков намного важнее происходящего внутри. И еще один обязательный элемент: сам оценивающий часто страдает сильнейшим комплексом неполноценности. Стоит только построить вместе с учениками яркий, интересный процесс, необходимость в оценках отпадает сама собой. Был у меня когда-то такой случай. Меня пригласили в одну из школ провести с учениками 9–10–11-х классов День чтения (есть, оказывается, и такой день). Мы с участниками нашли малоизвестную сказку Андерсена и организовали большую открытую конференцию, в процессе которой они в малых группах читали, свободно ходили по залу, обменивались мнениями, трактовали, задавали друг другу вопросы, спорили. Практически не было не вовлеченных в процесс (и откуда им быть – ведь речь шла о собственной трактовке, об отношении текста к нашей жизни). И тут ко мне подошли две учительницы этих детей: «Как здорово! Мы никогда их такими не видели! Можно мы поставим оценки?» Я,

конечно, оторопел: «Зачем?» – «Просто мы действительно никогда прежде не слышали голоса некоторых из них, а сейчас они так активны. Это поможет нам поставить им в четверти хотя бы тройку...» Ну и как вам? Все еще недостаточно доказательств? Талантливые, яркие, активные получают «хотя бы тройку». Легко, конечно, свалить все на учителей, сказав, что они просто не умеют организовать интересный урок. Я уверен, что это не так. Просто сами учителя оказываются заложниками **оценочной системы** и постепенно теряют собственную ориентацию, собственную способность к творчеству.

В процессе учения, познания, безусловно, человеку необходима «обратная связь». Ну так и дайте ее! Начиная с раннего детства. Разговор о том, что вы думаете, что чувствуете, что вам мешает, что помогает, каков ваш опыт, предложение поддержки, – все это намного действеннее, чем оценочное «молодец, хороший мальчик, вот теперь ты мне нравишься» (мне! Вот в чем истинная цель – понравиться высшему существу!) В школе же все еще проще: человек учится, это так интересно! Зачем подменять его желание познать мир желанием понравиться учителю, соответствовать некоему стандарту? Сколько потерянных поколений еще необходимо, для того чтобы понять, насколько это опасно? Сначала «подсадим» на оценку в качестве главного мотора, а потом носимся в поисках утраченной самости ребенка. «Он ничем не интересуется...»

Знаете, когда к нам в «Апельсин» приходят дети из других школ, то, о чем говорилось выше, проявляется как на негативе. Поначалу они в принципе не в состоянии поверить, что будут приняты такими, какие есть. В этом смысле они проходят довольно непростой период адаптации. Это такой же непростой период и для нас, ведь одно дело, когда человек делает что-то, ибо в противном случае его осудят, и совсем другое – когда он выбирает сам, как поступать. Одна история, когда он постоянно получает «месседж» окружающего мира типа «мы-то знаем, как поступать правильно, знаем все правильные ответы, и тебя скоро научим», и другая – учиться самому принимать решения, открывать свой собственный интерес, следовать ему, находить неожиданные пути и решения (о которых учитель может и не догадываться). Открыть заново, что урок может быть интересен сам по себе, вне зависимости от того, как тебя оценивают, это, верите ли, непросто. Особенно если до этого главным мотором была оценка. Противоположные системы координат...

Как-то меня спросили: вы, наверное, говорите не об оценках, а об отметках? А что, действительно есть разница? Разве отметка не является простым выражением вашего оценивания? Разве не на нее реагирует ребенок – радостно или с горечью? Разве это не пустое словоблудие, в конце концов?

Манипулятивная система требует манипулятивной же поддержки. Не поэтому ли так часто предлагается и такое оправдание: «Сейчас он учится важному принципу: как поработаешь, так и получишь. Поработаешь хорошо – получишь пять, поленишься – получишь два. Вот вырастет – будет так же: поработает (пouchится) хорошо – получит большую зарплату (должность, положение), поленился – будет прозябать под забором». И первое, и второе – ложь! Уверен, за примерами читателям далеко ходить не придется. Я снова и снова возвращаюсь к своему излюбленному вопросу: зачем? Если ответ – обратная связь, то намного проще дать ее на словах, объяснить, что к чему, найти вместе ошибки, предложить путь к их исправлению, пониманию. Оценка – один из главных якорей учителей и родителей, не умеющих или не желающих сделать жизнь интересной как для себя, так и для ребенка.

Вот и даем мы в ответ на простой вопрос, зачем учиться, взаимоисключающие ответы: учиться нужно для себя, но на оценку других. Как это? Сами подумайте!

#дети #родители #семья#школа#педагогика

Волшебное «взаимо-»

Если уж мы говорим об образовании – давайте «по гамбургскому счету». Вспомним мир лет двадцать назад. Какие знания были востребованы? Каков был путь к этим знаниям? Зачем и чему мы учились? А сейчас? Не слишком похоже, правда? Интернет, мобильники, социальные сети, исследование генома, электронные деньги – обо всем этом понятия не имели наши учителя. Ну, а теперь – следующие двадцать лет. Какими будут технологии вообще и технологии получения знаний в частности? К какому «завтра» мы готовим наших детей? Не знаете? Вот и я не знаю. И двадцать лет назад не знали, хотя многие уверяли, что знают. Тогда вопрос: какое же право у нас есть выбирать и навязывать те или иные знания детям будущего? По какому принципу вообще мы их выбираем? Что мы сами понимаем, чем руководствуемся? Чего хотим?

«Учиться всегда пригодится», так? А если не пригодится? По-честному, все пригодилось? Может быть, большая часть? Или все-таки меньшая? А может быть, вопреки?..

Часто мы поступаем как глупые путешественники из сказок, которые набивают мешок первыми попавшимися под руку предметами – авось пригодится. И иногда, кстати, пригождается. Именно эти случаи апологеты «знательного» образования приводят в пример.

«Если бы меня не заставляли учить математику, я бы не стал...» Как продолжить – не знаю. Ибо трудно представить такую фразу из уст Эйнштейна, Ковалевской, Кюри. Скорее «я бы не стал настоящим бухгалтером»... Нет, вру – такого тоже не слышал. Чаще всего просто без продолжения: «Если бы меня не заставляли, я бы не знаю, что я...»

Количество случайных знаний в школьной программе зашкаливает. Случайных, то есть таких, про которые даже сам учитель не может объяснить, зачем ЭТО учить. Пару недель назад я смог в очередной раз убедиться в этом на большом семинаре учителей. Мы вместе пытались сформулировать, зачем сегодня учиться в школе. Поверьте, нам было по-настоящему трудно.

Мой любимый пример (уж простите за очередной повтор) – таблица умножения. И так, зачем... Ой-ой, опять «ты не сможешь посчитать сдачу в магазине!» (именно так обычно отвечают люди, верящие, что сдачу считают при помощи таблицы умножения, и не знающие, что в каждом телефоне нынче есть калькулятор). И если можно, обойдемся без «это развивает мозг». Не выдумывайте, пожалуйста, это науке неизвестно. Мы не можем сравнить собственный мозг до и после. (Любителей сравнивать свой мозг с чужим просьба не беспокоиться.) Да и по каким, интересно, критериям сравнивать?.. И если цель – развить мозг, то почему именно на этом материале? Есть целая масса более забавных бесполезных знаний...»

Оставьте, я не предлагаю отменить изучение таблицы умножения, я всего лишь заявляю, что учить ее можно, только предварительно дав вразумительный ответ, зачем она нужна. Так, чтобы было понятно вам, мне и детям во втором классе. (Кстати, мне не так давно такой ответ дали. Желаящим предлагаю поискать его самостоятельно.)

Так чему же нам учить? Взаимодействию с самими собой, с другими людьми, со знаниями, с технологиями. Если сегодня человек умеет самостоятельно ставить вопросы и искать ответы, выбирать в океане бесконечного знания то, что ему необходимо, обращаться к неожиданному источнику, понимать собственный интерес, взаимодействовать с интересом другого, вписывать открытия в жизнь, не пугаться новых технологий, определять потребности человечества, верить своей интуиции – ему будет чем заняться и завтра. Причем заняться с огромным интересом, понимая, зачем ему и другим это занятие нужно. Личностное взаимодействие сегодня – главный образовательный код. И для родителя, и для учителя, и для ученика. Давайте взаимодействовать с таблицей умножения? С компьютерными программами? С Пушкиным А. С.? И не потому, что «это должен знать каждый». Нет

сегодня такого, что должен знать каждый. Поскольку «Гугл» готов осчастливить любого за пару минут. Погуглил, и вот я уже – каждый. А вот творческий интерес сегодня стоит очень дорого. И стоимость его только повышается. Да и в школу, кстати, в таком случае есть зачем ходить каждый день.

Инструментов для изучения «волшебного взаимо-» много, и все они по-своему прекрасны. Да-да-да, если таблица умножения объясняет нам, как устроен мир, как строить с ним отношения, помогает понять себя, дает возможность творить – она прекрасна. Так же, как она становится страшным оружием саморазрушения, если «надо, Федя, надо!».

Нам не дано заглянуть в завтра. Но мы точно знаем, что те, кому сегодня шесть лет, скоро предложат нам свой мир. Не знаю, каким он будет, но лично мне хотелось бы, чтобы у меня там было свое место. Чтобы у меня осталось право на себя. Чтобы мне было интересно в этом будущем. Поэтому я буду **учить и учиться взаимодействию**. Чего и вам желаю.

О детобязни

«Я сама была такою триста лет тому назад», – пела, как известно, черепаха Тортилла. А мы подпевали.

черепаха Тортилла

А вот интересно, какую такую? Что мы имеем в виду, когда упоминаем детскость? Так легко ответить на вопрос, что такое женственность, мужественность, старость. И даже более сложные «французскость», «русскость». А «детскость»? В той же песне говорится о некоторых ее проявлениях: «будь веселым, дерзким, шумным, драться надо – так дерись, никогда не знай покоя, плачь и смейся невпопад...»

И рядом наше взрослое: «смех без причины – признак дурачины», «что льешь крокодилы слезы», «не дерзи», «успокойся наконец», ну и так далее... Как это ловко у нас получается! С одной стороны, петь с такой веселой ностальгической многозначительностью, с другой же – старательно выключать эти же самые детские черты при первом их проявлении. Почему? Что пугает нас? Отчего мы ведем себя так, как будто, в отличие от черепахи Тортиллы, мы такими не были. Забыли? Вытеснили?

Что видится нам в этом зеркале, которое мы так часто пытаемся занавесить черной тряпкой? Несбывшиеся надежды? Свобода, которую мы утратили? Способность к спонтанному юмору? Вообще к спонтанности?

Скорее выключить это, скорее сделать их похожими на нас: рассудительными, пунктуальными, весомыми. Скорее представить детскость как что-то, чего следует бежать, а еще лучше – стыдиться.

Происходящее можно назвать «синдромом голого короля». Помните Андерсена? Про ребенка, который говорит правду? Не в ней ли все и дело?

Если мы позволим им излишнюю детскость, они могут нечаянно, а точнее, походя, даже и не заметив, рассказать нам тяжелую правду. Про нас, про нашу жизнь, про их жизнь с нами... Что им наш статус? Что наши выученные позы? Наши пафос, эпос и логос? Кто еще с такой безжалостной правдой смеет говорить с нами? Кто может так смутить нас собственной непосредственностью? Чей вопрос может загнать нас в такие пещеры, из которых – мы уверены – выхода просто нет? Не от этого ли училки так часто виснут на рычаге выключения детскости, стремясь включить вместо нее «всеммолчатьглазанадоску»?

История детобоязни, понятное дело, начинается не с нас. Многие века из страхов, неудобств, взрослой беспомощности ткали ее поколения за поколениями. Соткали. Ткань для нового платья короля. Вернее, королей-взрослых. В этих-то платьях мы и щеголяем, еще и хвально время от времени друг перед другом фасоном и ценой. И, воровато озираясь, при первой же возможности выключаем детскость, а то, не приведи господь, услышим слова, которых мы так страшимся. Ну, те самые: «А король-то – того...»

Вот и получается, что боязнь детскости сродни шовинистическим или расистским проявлениям: во всех этих случаях люди отрицают или не позволяют другим быть самими собой, не принимают самость других людей (женскую, расовую, национальную и пр.). Только в случае с детскостью, боюсь, все намного тяжелее, ребенок ведь до определенного момента не может постоять за себя, более того, он привычно считает, что взрослые правы – как же иначе! И получается, что он становится двойным заложником – как собственной веры в нас, так и наших родительских страхов и комплексов. И он может вырасти, так никогда и не узнав о своем собственном праве на себя, о праве «быть веселым, дерзким, шумным».

И помочь ему мы можем только одним способом: остановиться на мгновение и подумать. Перед тем как сделать замечание, перед тем как прервать его песню, остановить его танец, омрачить его беспричинное веселье. Остановиться, глубоко вдохнуть и заняться собой. Простите, что я опять о том же...

Вдруг подумалось, что тут читатель привычно может попробовать меня осадить, приведя жесткий пример, скажем, такой: «А если мы идем по улице, а мой ребенок вырывается и бежит на красный свет?» Что ж, разберемся с этим «сложным» примером. Если человеку угрожает опасность (любому – белому или черному, мужчине или женщине, молодому или пожилому), мы, безусловно, постараемся его защитить и, если нужно, спасти. Поэтому, останавливать ли ребенка, бегущего на красный свет, вопрос праздный – вы ведь знаете ответ? Конечно, останавливать. И предупреждать об опасности, объяснять, каковы правила перехода через дорогу, однако при этом помнить, что он ребенок. И что преуменьшение существующей опасности – одно из проявлений детскости. Поэтому мы, безусловно, должны, оставляя место его самости, помогать ему и защищать его. Ведь у нас не вызывает подобных вопросов, например, необходимость помощи старикам – мы безоговорочно принимаем немощь в качестве возрастной принадлежности. И не стремимся изменить человека, а лишь стараемся сделать его жизнь более комфортной. В чем же разница? Давайте и детям дадим спокойно взрослеть, познавая мир в их собственном ритме и темпе.

А уж о ситуациях, когда человек поет на улице, прыгает и бегаёт, и говорить почти нечего. Вам стыдно за него? А может быть, просто что-то вспомнилось, независимо от вас самих? Например, как вас когда-то ругали именно за это? Или краем глаза заметили неодобрительный взгляд прохожего? Или – что тоже бывает – просто представили себе саму возможность такого взгляда?..

Как ни крути – получается снова, что ответственность на нас. Это наши ощущения, наши воспоминания, наши фантазии. Значит, в нас и дело.

О том, что можно и чего нельзя

Что это мы все про детей да про детей! Давайте немного и про родителей. Тем более что некоторые из моих уважаемых читателей так прямо и заявляют: «Что это вы все время на их стороне? А о нас кто подумает? Адмирал Иван Федорович Крузенштерн?!» А и правда – давайте! Тем более что тема разрешений и запретов почти целиком «родительская». Это ведь мы страдаем и пытаемся решить, что можно и чего нельзя, это мы мучаемся вопросами, кто прав – соседка, бабушка или умная книжка, советуя тот или иной метод: это мы ругаем себя время от времени за излишнюю строгость или,

напротив, за временную слабость...

В самом деле, чем мы руководствуемся, отвечая на простой вопрос: «А можно мороженое?» Понятно, что готовый ответ на поверхности: если речь о мороженом до обеда – это одно, а если после – это другое. Ох, не уверен я... Много раз мне приходилось наблюдать, как родители, отвечая на подобные простые вопросы, из приятных, милых, открытых людей превращаются на глазах в машину по воспитанию. Мне кажется, процесс устроен примерно так: вот жил я, не тужил, все было спокойно, и вдруг возникает ситуация, которая требует от меня – родителя – дикой мобилизации. Моя родительская ответственность подсказывает, подобно адреналину в крови (или вместе с ним), я резко обретаю функцию – я должен решить! В этот момент множество простых человеческих желаний, понятий, слабостей отходит на второй план. Напряжение нарастает, за секунду в моей голове проносятся все «за» и «против», я оказываюсь в дичайшем стрессе. И вот в этом непростоном состоянии мне и приходится давать ответ. Шансы на то, что этот ответ будет верным, как вы понимаете, пятьдесят на пятьдесят. Да и какой из них, интересно, является верным?..

Родительский стресс возникает незаметно для нас и так же незаметно «рулит» ситуацией. Просто понаблюдайте сами, как это происходит, – не знаю родителей, которым это неведомо. Получается, что мы постепенно загоняем самих себя в угол, и в этом самом углу и начинается процесс разрушения отношений.

Чего, собственно говоря, нельзя детям? Нельзя совать пальцы в розетку? Нельзя промочить ноги? Получать двойки? Ругаться матом? Есть сладкое?.. Потому что... Что? Что, собственно, произойдет, если человек промочит ноги? А ничего не произойдет. Можно промочить ноги!

Особенно если знаешь, как сушить носки. А можно ходить зимой без шапки? Конечно, особенно если сам понимаешь, когда тебе холодно (не мама говорит, а сам!). Можно кричать в общественном транспорте? Еще как! А зачем, кстати? (Ведь этот вопрос можно задать, он очень интересный.) Можно поздно ложиться спать? А почему бы и нет, если я умею понимать, когда действительно пора.

Как поймать нам, родителям, этот момент, когда привычки, модели, собственное детство, общество толкают нас в вечную зависимость, которая похуже алкоголя и никотина?

Ведь очередная родительская ловушка заключается в том, что, вводя систему «можно – нельзя», мы лишаем свободы – нет, не детей – самих себя! Ведь уже и мороженое спокойно не съесть, не побеситься всласть, не поваляться на диване бездумно.

Ну а теперь об альтернативах. Мне кажется, проще всего в принципе не создавать систему координат «можно – нельзя». Мы ведь все живые, человеческие, разносторонние, у нас возникают разные желания, мы оказываемся в разных ситуациях, в которых «можно – нельзя» просто не напасешься. Не проще ли обойтись без этого?

Предлагаю провести простенький эксперимент. Перед тем как очередной раз открыть рот, спросите себя, почему этого нельзя. Не удовлетворяйтесь простым ответом типа «нельзя, и все». Ответьте по-честному.

Постарайтесь не сваливаться в абсурд типа «нельзя прыгать из окна» – никто и не собирается. Или «нельзя совать пальцы в розетку» – поверьте, это невозможно, пальцы пришлось бы заточить, как карандаши... Кстати говоря, совершенно такой же эксперимент было бы здорово провести и по отношению к самим себе.

И вдруг волшебным образом выяснится, что на самом деле **все можно**. Только нужно знать, как с этим **всем** обращаться. Понимать, какое у нас к этому **всему** собственное отношение.

«Так что же, если ребенок стучит у меня над ухом молотком, мне и сказать ничего нельзя?» – возмутится оскорбленный родитель.

Почему же не сказать? Конечно, сказать. Причем вместо закрытого «нельзя» мы можем предложить десяток других вариантов. Можно попросить стучать потише, можно уйти в другую комнату, можно объяснить, почему вам это мешает, можно постучать вместе с ним. МОЖНО, понимаете?

Человек, растущий в парадигме «**можно**», способен видеть, слышать, внимать. Он способен сказать «могу, но не хочу» или, наоборот, «хочу, но сейчас не стоит». Когда мне **все нельзя**, за свое «можно» я буду бороться, как лев! С самого раннего возраста. Отсюда и проблемы типа «он не хочет ложиться спать», «она не ест», «он все время дерется» и т. д. Удивительно, но с родителями происходит совершенно то же самое: чем больше запретов самим себе – тем больше и детям. И, конечно, тем больше неврозов. Ведь и так называемые родительские проблемы похожи: «у меня нет больше сил», «я совершенно измучена», «не знаю, что с ним дальше делать...» Вот и получается, что «позволять детям» удивительным образом превращается в «позволять себе». И наоборот.

Опять не вышло у меня занять чью-то сторону. Одна сторона. Одна...

#дети #родители #воспитание #педагогика

Истеричный монстр

Именно так одна измученная мама отрекомендовала мне своего трехлетнего сына.

«Я чувствую, что просто готова его задушить, когда он устраивает очередной спектакль! Я устала от истерик по любому поводу!» По словам несчастной женщины, поводы для «спектаклей» действительно бывали самые разные – от «не хочу есть/спать/гулять» до «купи игрушку». Одним словом, классика.

И то правда, по моим наблюдениям, ничто так не приводит родителей в состояние безысходности, как детская истерика. Оно и понятно: если в других ситуациях мы худо-бедно представляем себе, как себя вести – находим слова, советы, можем, наконец, просто прикрикнуть, тут чаще всего наши привычные инструменты просто не действуют. Мы часто оказываемся в положении человека, который пытается что-то доказать, в то время как его не видят и не слышат – говори не говори, разница невелика... Все это зачастую еще и в присутствии непрошенных зрителей. И вот мы уже обнаруживаем и самих себя в состоянии если не истеричном, то близком к нему.

А что действительно происходит с нашими детьми? Что приводит их в это исступление? И как быть нам? Как сохранить их и самих себя?

Я постараюсь быть практичным. Начну с главного вопроса: почему, собственно, детские истерики выделяются в некий особый подвид истерик? Разве есть в данном случае принципиальная разница между детьми и взрослыми? Это, позвольте, какая же? В состоянии истерики человек вне зависимости от возраста не может совладать с собой, ему по-настоящему плохо, он не в силах поменять действительность привычным способом, не справляется с осознанием происходящего. Вот из этого, как мне кажется, и нужно исходить. Не потому ли мы выделяем детские истерики в отдельную группу, что слабых проще обвинить в несдержанности и невоспитанности, что легче подвести теоретическую базу под это неприятное и часто непонятное для нас явление? Конечно, в разном возрасте, а тем более у разных людей, реакции на действительность несколько различаются. Именно поэтому нам проще объяснить детские расстройства несущественными причинами, в отличие от расстройств взрослых. Подумаешь, игрушку не купили! Подумаешь, не дали доиграть! Да, представьте, это может быть причиной очень серьезного огорчения, ведь всё, как известно, относительно, и судить о глубине

детского горя можно только в их, детской системе координат. А критериев для такой сущностной оценки, увы, у нас попросту нет. И этот факт нам, взрослым, хорошо бы принять и запомнить. Да и сам человек ведь далеко не всегда знает, что и почему с ним происходит. (Разве мы с вами всегда понимаем, отчего именно впадаем в то или иное состояние?) Поэтому говорить о причинах истерик в определенном смысле бесперспективно. Равно как и бесконечно повторять один и тот же унылый вопрос: «Почему ты кричишь?»

Давайте **по существу**. Я бы предложил, вместо того чтобы привычно искать манипулятивные способы прекращения неприятных нам проявлений близких, отнестись к ним по-человечески. Думаю, что в первую очередь человека в истерике жаль. Это нормально – жалеть того, кому плохо, не так ли? Вот и давайте сообщим ему об этом. Это ведь часто так важно – услышать, что тебя жалеют. (Понимаю, что я сейчас отторгаю группу читателей, находящихся внутри военно-подросткового комплекса-уверенности, что жалость унижает. Но про это, боюсь, невозможно говорить всерьез без клинического психотерапевта, поэтому предлагаю эту тему отложить до лучших времен.) **Важно просто сообщить человеку, что мы его ВИДИМ, что заметили его огорчение, что сами этим огорчены. Да-да, просто сообщить, желательно спокойно, обняв, так, чтобы он нас услышал.**

Далее. Предлагайте помощь. Именно такими словами: «Чем тебе помочь?» Спрашивайте, что нужно человеку, для того чтобы справиться с этим тяжелым состоянием, предложите стакан воды, предложите умыться. Не уставайте помогать. Если помощь отринута, просто отойдите – пусть он побудет с самим собой. Пусть у человека будет возможность проверить (и со временем наладить) собственные механизмы перехода в другое состояние.

Третье. Стоит объяснить нашу позицию: мы не умеем, не готовы общаться сейчас и таким образом (чаще всего это и является правдой). Это может звучать примерно так: «Мне, честное слово, очень тебя жаль, я очень тебя люблю, я с радостью помогу тебе, чем могу, но общаться в такой форме не стану, поскольку не умею (мне это неприятно, мы ничего не достигнем, я нервничаю, я не могу так разговаривать и т. п.)». Разговор по существу сейчас невозможен, не злитесь: злиться просто не на что! Ведь истерика в 90 % случаев не имеет отношения к ее изначальному предмету. И поверьте, ребенок способен это понять. Важно развести – и для самих себя тоже – его нынешнее состояние и предмет разговора. И позиция наша должна быть твердой.

Если мы и сами чувствуем, как впадаем в «пограничное» состояние, – самое время заняться собой (тот же стакан воды и глубокий вдох нам наверняка помогут). О предмете истерики (если он вообще существует) можно и нужно говорить только через некоторое – значительное – время после того, как человек успокоится. Ведь «внутри» он ничего не услышит, он переполнен горечью и жалостью к самому себе (замечу, справедливой жалостью). Если мы хотим добиться когнитивной фиксации, то есть осознания человеком какого-то факта (на улице холодно, мы торопимся, я не согласен с тем, что ты льешь воду на пол, не хочу и не могу слышать, как ты кричишь, у меня действительно нет денег на игрушку), необходимо вести беседу, когда все ее участники спокойны, когда им комфортно. То есть через несколько часов, а иногда и через несколько дней после события. В противном случае мы только распяем и обижаем и собеседника, и себя самих.

Я беру на себя смелость гарантировать, что при соблюдении этих простых человеческих правил постепенно от так называемых истерик не останется и следа. Проверено и исследовано. Неоднократно.

И последнее: тот факт, что у ребенка не хватает собственного опыта для изменения своего состояния, не делает его плохо воспитанным, распушенным, избалованным, а лишь более уязвимым. А это значит, что просто пора вспомнить о нашей родительской роли. И предложить защиту и помощь.

#дети #семья #родители #отношения #истерика

Тело как педагогический инструмент

ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ПОЛУЧИТЬ КОНКРЕТНЫЙ И ОДНОЗНАЧНЫЙ ОТВЕТ НА ВОПРОС «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Для начала – очередное простенькое наблюдение. Стою на автобусной остановке. Рядом папа и дочка лет четырех. Девочка вполголоса что-то напевает, подпрыгивает и хлопает в ладоши.

Подходит автобус. Напевая, девочка собирается подняться на ступеньку и случайно задевает женщину, которая тоже желает войти. Женщина недовольно на нее смотрит, а папа резко и грубо выдергивает дочь из автобуса и шипит, именно шипит сквозь зубы: «Ты что, не умеешь себя вести?!»

Вот, собственно, и все. Конец сцены. Девочка, естественно, перестает петь, встает около отца настоящим истуканом, ее глаза наполняются слезами.

В этой ситуации девочку очень жаль, так многое можно было бы написать и о ней, и о вероятном воздействии происшедшего на ее характер и – не исключено – даже на будущее, но давайте-ка сегодня говорить не о ней, а о папе. Ведь и ему по-настоящему плохо. В этом, поверьте, нет никакого сомнения. Он скрежещет зубами, тело его напрягается, настроение портится (рискну предположить, что еще пересыхает во рту, учащается пульс, ломит в висках). Что же происходит? Неужели все это оттого, что дочь всего лишь что-то сделала не так, по его мнению? Или оттого, что он решил защитить от своей девочки какую-то незнакомую тетку (предварительно, видимо, пережив галлюцинацию на тему «тетка в опасности»). Этого же просто не может быть! Ведь даже если на минуту согласиться с тем, что девочка совершила какой-то неприличный поступок, подобная реакция является просто неадекватной. А тем более если мы вспомним, что речь идет о человеке четырех лет...

Заявляю с полной ответственностью: воспитывать папу совершенно бесполезно. Дело в том, что эту реакцию «выдает» его тело, причем почти вне всякой связи с интеллектом. Как будто просыпается какое-то воспоминание, как будто его организм защищается от чего-то, как будто злой дух действует вместо него... Я берусь утверждать, что папа, скорее всего, и не знает, что и почему с ним произошло. Более того, если начать убеждать его, что так вести себя неправильно, он, вероятнее всего, удрученно согласится. Только что толку? Ведь в следующий раз все повторится сначала... Знакомо? Думаю, знакомо многим. Почему так происходит? Почему мы, даже понимая, что все делаем не так, раз за разом повторяем те же ошибки? Повторяем, осознаем, сокрушаемся и... повторяем снова.

Чтобы понять, в какую ловушку мы неизбежно попадаем, воспользуемся простейшим примером: если вы прикоснетесь нечаянно к раскаленному утюгу, то, несомненно, сначала отдернете руку, а лишь потом осознаете, что с вами произошло. Вы, возможно, удивитесь, но примерно по такой же схеме устроено множество родительских реакций на детей, как, впрочем, и вообще взрослого мира на детский. Сначала возникает реакция и только потом – осознание. Не согласны? Звучит парадоксально? А вы повспоминайте! Как часто бывает, что ребенок только начинает свой вопрос: «Мам, а можно...», как уже уста наши сами выдают категоричное «нет», и лишь несколько мгновений спустя мы удивленно спрашиваем самих себя, а почему нет-то. Как часто – как в случае с девочкой – мы воздействуем на человека физически, а лишь потом останавливаемся и размышляем.

Или еще знакомая многим ситуация: ребенок плохо ест. Размазывает кашу по тарелке, сидит подолгу над каждой ложкой, роняет – о ужас! – еду на стол. Оставьте вопрос, почему нам не все равно, как он(а) ест, а равно и ответы типа: «Как почему, это же мой ребенок» и вспомните, пожалуйста, что в это время мы испытываем сильнейшие ФИЗИЧЕСКИЕ ощущения, которые провоцируют последующее поведение. Чаще всего мы не обращаем на них никакого внимания (в точности как в случае с утюгом: сначала реакция, потом – осознание), а просто действуем – каждый своим способом.

И действия эти, к сожалению, зачастую имеют насильственный характер. А даже если и не насильственный – действительно ли было необходимо что-то предпринимать?

Почти всегда, советуясь со мной, как избежать подобных ситуаций, родители сокрушаются: «Я и сам не знаю, почему так поступаю». А когда мы начинаем разбираться, в ответ на просьбу вспомнить и описать свои ощущения – не мысли, не эмоции, а именно физические ощущения – с удивлением описывают, например, тянущую боль в руках и ногах, тяжесть в груди, влажность ладони...

Реакция наша в подавляющем большинстве случаев (если не во всех) не интеллектуальная, а ФИЗИЧЕСКАЯ! Вспоминаете? Не правда ли, любопытно?

Приведу для верности еще пример. Мама жалуется мне сама на себя. Рассказывает о том, как «уничтожила семейное счастье» (цитата). А дело было так: гуляли они с десятилетним сыном по прекрасному осеннему Петербургу, смеялись, ели мороженое, у обоих было чудесное настроение, пока черт не дернул ее за язык (ее слова) и она не спросила, кто был архитектором Эрмитажа (господи, ну как же это происходит в голове у нас, взрослых!). Уже через пару секунд несчастная обнаружила себя в состоянии дичайшего раздражения, орущей на мальчика, давшего неверный ответ, а его – стоящим перед ней со слезами на глазах. Все, праздника, естественно, как не бывало. И вы что же, хотите меня убедить в том, что подобное поведение умной взрослой женщины явилось результатом ее интеллектуального выбора? Иными словами, что она сознательно разрушила ту волшебную атмосферу выходного дня? Этого же просто не может быть! А с другой стороны, разве у большинства из нас не так? Не буду томить вас и опишу счастливый конец этой истории. Мы довольно много работали с этой мамой. И она вспомнила, что ее тело реагирует на подобные ситуации всегда одинаково: потеют руки и дико ломит спина. Ей ФИЗИЧЕСКИ плохо, организм как будто нарочно играет с ней злую шутку. Раз за разом происходит с ней все это по следующей схеме: она гуляет – возникает резкая боль в спине – она пристаёт к сыну с «образовательными» вопросами – она выдает дикую реакцию на его незнание или ошибку. Замечаете странность? Сына в этой схеме просто нет! «Как нет, – скажете вы, – ведь он действительно не знал, кто архитектор Эрмитажа». В том-то и дело, что это совершенно не важно. Если бы мама осознавала, что с ней происходит, разве стала бы она портить прекрасный день? Просто поняла бы, что нужно присесть и отдохнуть, например. И, возможно, если для нее это действительно так важно, лишний раз рассказать сыну о великом Растрелли. Вот и все. В тот момент, когда мама начала осознавать происходящее с ней, с ее телом, 90 % конфликтов с сыном исчезли из ее жизни. Надеюсь, навсегда.

Вы можете спросить, почему вообще возникли у нее такие реакции? Отвечу: строго говоря, это не так уж важно. Реакции, их совокупность составляют сегодня ее сущность, самость, если хотите. Даже если сын выучит наизусть имена всех архитекторов мира, это ее не спасет. Равно как и если психотерапевт раскопает, в чем причина ее реакции. Будут новые и новые поводы. Пока она не осознает эту ситуацию как личную, касающуюся только ее. И не начнет собой заниматься.

Удивительно, но так устроено почти со всеми «сложными» детско-родительскими ситуациями.

Итак, хотите теперь честный ответ на вопрос, что делать, и честную рекомендацию? Пожалуйста: просто занимайтесь собой! ФИЗИЧЕСКИ. Когда ребенок размазывает по тарелке еду – в этом нет ничего плохого (как, впрочем, и хорошего). Все, что с вами в этот момент происходит (а происходит так много), не имеет к нему никакого отношения – это просто реакции вашего тела на старые воспоминания, обиды, страхи и пр. Если в те отведенные нам судьбой доли секунды перед совершением действия по отношению к ребенку мы проверим самих себя (и снова – проверим физически: как мы дышим, не сжались ли у нас руки в кулаки, удобно ли нам стоять, не нужно ли сделать глоток воды и пр.), 90 % сложных ситуаций исчезнут. Они ведь, по сути дела, никогда и не возникали. Подумайте сами: так здорово, когда четырехлетняя дочь прыгает, поет и смеется; так

прекрасно гулять с сыном – просто гулять, ни о чем не думая, не занимаясь при этом воспитательно-образовательным процессом; так чудесно ужинать с любимым человеком (да, и трех лет) и помогать ему, если еда упала на стол или на пол, или, напротив, как положено в «приличном обществе», тактично не замечать этого. Так круто понимать, что с тобой происходит, и защищать от самого себя дорогих и любимых людей...

Друзья, у меня отличные новости: с физическими упражнениями справиться намного проще, чем с интеллектуальными, – просто в нужные моменты наблюдать за собственным телом и вмешиваться в процессы по мере необходимости. Чувствуете, как что-то подкатывает к горлу и становится тяжело дышать? Сделайте произвольно пару глубоких вдохов. У вас вспотели ладони? Просто вытрите их. Пересохло в горле? Попейте воды. Стали ватными ноги? Присядьте. И так далее. Возможно, это звучит для некоторых слишком просто – что ж, проверьте меня и попробуйте. Только честно. В следующий раз (а он, увы, будет у большинства из нас) в ситуации так называемого раздражения, например, обратите внимание на собственное тело. Сверху донизу и наоборот. Шаг за шагом проверяйте, что С ВАМИ происходит. Меняйте то, что хочется поменять, – это в вашей власти. Только, пожалуйста, не говорите, что в том или ином вашем состоянии виноваты дети. В подавляющем большинстве случаев это просто неправда! И насиловать ДРУГОГО, для того чтобы изменить ВАШЕ состояние, уж простите, нечестно и непорядочно.

Необходимо помнить и еще одну вещь: речь идет о глубоко укоренившихся привычках. В определенной ситуации организм привык выдавать определенную реакцию. Еще бы! Ведь это происходило так много раз! Сначала по отношению ко мне, потом – от меня по отношению к другим. Это означает, что некоторое время придется потерпеть. Будут срывы, будут разочарования. Но будет и сумасшедший успех. Ведь тут сходятся целых два удовольствия: заниматься собой и делать счастливым любимого человека. Стоит того, разве нет?

#дети #тело #родители #педагогика

Идеальное средство для очистки совести

«Хвалите нас, тогда мы будем стараться, – написала мне читательница, – ведь родителям нужна постоянная поддержка». А другая так прямо и заявила: «Нас нужно мотивировать, расскажите, какие мы молодцы!»

Интересна тут, мне кажется, сама постановка вопроса, которая раскрывает представление о родительстве как о тяжком труде... Как о чем-то требующем дичайших человеческих и материальных ресурсов. Не тут ли и зарыта жирная мертвая собака?

Привычка превращать в тяжкий труд любое удовольствие путает нас и в конце концов губит самый смысл этого удовольствия... И в семейных отношениях это проявляется, похоже, в первую очередь. Почитать ребенку книжку? Это целое дело... я сначала должен собраться с силами... Садимся обедать?.. Какое же это удовольствие? Это повод оправдать высокое звание матери – любой ценой обеспечить ребенку необходимое количество калорий... Идем гулять? Как же позволить ему надеть то, что хочется? Какой же я тогда родитель? А воспитательная функция? Ведь он начнет относиться к жизни с возмутительной легкостью... Он наконец сел за уроки? Как же можно вместо этого заняться чем-то, что увлекает нас обоих? Ведь тогда, не дай бог, молитва может превратиться в фарс. Мы в кои-то веки играем вместе? Ну и как же мне не ставить в процессе игры непосильные задачи? Ведь иначе он подумает, что можно без труда вытащить рыбку из пруда. Живут-то, как известно, не для радости, а для совести...

Поддержка – штука нужная. Вот только в чем именно? Возьмем для примера несколько характерных родительских паттернов.

«Я ору и никак не могу остановиться... Понимаю, что делаю гадость, а перестать не могу», – делится со мной несчастная мама. «Бью его, а сама плачу», – надломленным голосом сообщает другая. «Я прихожу домой усталая, и когда трехлетний сын лезет ко мне, могу жестко отказать ему в общении, а то и шлепнуть. Сама весь следующий день ужасно страдаю», – переживает третья. И все эти мамы повторяют раз за разом: «Но ведь это наша сущность. Мы хотим иметь право быть самими собой...»

Конечно, дорогие мамы, быть собой – базисное право любого человека! Только... как бы это... вы уверены, что ничего не путаете? Уверены, что бить слабого, манипулировать чужим и своим настроением или выдумывать изощренные наказания за несуществующие проступки называется «быть собой»? Неужто это и есть вы, ваша сущность? У меня, честно скажу, большие сомнения. Просто сами попробуйте иначе. Станьте собой – настоящими, а не выдуманными вашими собственными родителями, учителем, соседкой, телевизионной программой. Внешне это превращение выглядит примерно так (цитирую недавно полученное письмо): «Хочу сказать огромное спасибо! Ребенку пять. Сегодня впервые (!) попробовали уложить его без скандала. Всегда тратили полтора часа на укладывание. Нервы, слезы, никакой личной жизни. А вчера он уснул в обычное время (просто уложили на полтора часа позже). Провели с мужем прекрасный вечер». Представляете, как просто? «Ах, нет, совсем не просто, – воскликнет очередной возмущенный родитель. – Вы опять предлагаете что-то непонятное. А делать-то что?!» Никак, никак не верят взрослые, что делать практически ничего не нужно. Совсем. Всего лишь прислушаться к самим себе. По-честному.

Родительский комплекс вины преследует вас и выжигает душу? Ну так изживите наконец этот комплекс! Ведь еще большее зло – продолжать делать гадости и параллельно заявлять о собственной уязвимости. «Легко сказать», – сокрушенно вздохнет читатель-взрослый. Ага, легко сказать, но и сделать тоже очень легко. Только начать бы уже. Да и в трудностях ли дело? Или все-таки, как говорится в бессмертном «Солярисе» Андрея Тарковского, «здесь скорее что-то с совестью»?..

Это, конечно, иллюзия, что, прочитав еще одну статью о детях, мы изменимся. Но в том-то и дело, что меняться-то особо и не нужно. Скорее наоборот, наконец воплотить это самое чаяние – честно быть собой. В противном случае так и продолжится привычный день сурка: мы читаем очередную статью, впадаем в очередной приступ комплекса вины, снова ищем самооправдание и требуем похвалы, срываемся, становимся несчастными, страдающими взрослыми и так далее.

Свобода и заключается в том, чтобы перестать говорить о самих себе как о дрессированных обезьянках. Потому что в эту секунду мы перестаем ими быть, а заодно перестаем воспринимать таковыми наших детей. И освобождаемся для любви. И покоя.

Мы устаем, раздражаемся, волнуемся, срываемся... Все это проявления нашей человечности. Дети дают нам за это право на себя, его не нужно завоевывать. Это война, которая давно закончилась, так и не начавшись. Когда мы ведем себя с другими как люди с людьми, пропадает необходимость постоянно рассказывать, что «мы тоже имеем право». Дети изначально дают нам такую фору, что и описать трудно. Мы ведь для них и так самые лучшие, мы всегда правы, мы не делаем ошибок. Они-то как раз принимают нас такими, какие мы есть. Разве не так? Как же нам приходится трудиться, чтобы все испортить!

В определенном смысле я призываю к «благородному бездействию». Спокойно занимаясь собой, мы ничего не испортим. И когда я говорю «любить», я имею в виду именно это. Получать удовольствие от любви. Тогда и уставать можно, и срываться. Давая им такое же право. Ведь так часто взрослые, говоря о собственной человечности, стремятся отобрать ее у самых слабых – у детей. А чтобы успокоить совесть, изобретают целую систему сдержек и противовесов, в которой живые отношения

исчезают безвозвратно, уступая место бездушным законам и придуманным чужими людьми правилам. Быть хорошим родителем – значит быть живым. Признавая и принимая живость других. Тогда и бороться ни за что не нужно. Вот оно, Царствие Божие на земле.

Нет, не нужно всегда быть «в отличной родительской форме». Но ведь можно просто быть честными, сказать «я устал, я раздражен, у меня проблемы на работе, я хочу побыть один, наконец», вместо того чтобы манипулировать и заявлять «тебе пора почитать, ты бездельник, ты постоянно крутишься под ногами, мне за тебя опять стыдно» и пр.

Не нужно заниматься самобичеванием, повторяя без конца «я неуспешный родитель». Да и неправда это. Вероятней всего, одно то, что вы ищете ответы и задаете вопросы, уже означает обратное: вы отличный родитель. Но только между самобичеванием и самолюбованием лежит пропасть. С огромным количеством промежуточных вариантов.

Нет необходимости постоянно выискивать в себе любовь, в том числе в ситуациях, когда вы чувствуете только раздражение. Но это не означает и обратного: без конца заменять человеческие отношения воспитательным процессом, возбужденно гордясь мнимыми успехами и впадая в депрессию от мифических неудач.

Нет, мы не должны отдавать всего себя ребенку, ведь смысл в том и состоит, чтобы власть заниматься самими собой. Но это не означает, что любимый человек должен воспринимать общение с нами как награду.

Когда мы принимаем собственную человечность, признавая человечность ребенка, у нас появляется столько прав и возможностей, что их, простите за выражение, некуда девать: право бояться и право ошибаться, право уставать и право сходить с ума от восторга, право злиться и право бездельничать, право не понимать и право настаивать на своем, право принимать и право отвергать, право обнимать, когда этого хочется, и уклоняться от объятий, когда не до этого. Только важно помнить, что права эти – общие.

А что касается похвалы – так это я всегда готов. Вот она: «Ребята, вы настоящие молодцы!» Только, пожалуйста, несите это звание с честью...

#дети #семья #родители #отношения

Звериный оскал человечности

«Конкуренция заложена в нашей природе, – запальчиво восклицает моя собеседница. – Это инстинкт!»

Что и говорить, в определенном смысле она совершенно права. Давайте вспомним, как именно в нас срабатывают эти заложенные инстинкты. Я полагаю, вы не раз это наблюдали.

Скажем, в театре. Когда зал, кажется, еще дышит финальными звуками «Аиды», а первые зрители уже ринулись в гардероб... Кто из нас не бывал в подобной ситуации? Всего несколько минут назад публика благоговейно внимала Верди, и вот теперь в гардеробе разворачивается настоящая битва за право взять пальто первым.

Или, например, у шведского стола, когда мы, будучи не в состоянии остановиться, кладем себе на тарелку седьмой кусок колбасы. А еще как вдруг на дороге нам становится суперважно доехать до светофора первым, обогнав какую-то машину. И мы радостно подрезаем ее, самодовольно поглядывая в зеркало заднего вида.

Что происходит с нами в такие минуты, объяснить довольно просто. Просто, поскольку инстинкты – штука несложная.

Понятно ведь, что срабатывает в нас в гардеробе, не правда ли? Это привет из тех времен, когда опередить другого значило не только овладеть ситуацией, но и выжить.

Происходящее у шведского стола тоже несложно объяснить – так важно бывает нашим меньшим братьям схватить кусок побольше, ведь иначе еды может просто не хватить, вот инстинкт и заставляет нас брать ее про запас, на будущее.

Добежать первым до пещеры не менее важно, ведь иначе можно прохлопать место у костра, да и самка может достаться кому-то другому...

У животных от действия этих инстинктов часто зависит жизнь. Наверное, именно поэтому и нам бывает довольно сложно противостоять этим внутренним позывам. Вроде и не хотел включаться в соревнование, как уже вовсю нажимаешь на газ и испытываешь привычный подъем духа от легкой победы...

Что поделаешь, так уж мы устроены. Мы, совершающие бесконечный путь от животного к человеческому. А человечность не в том ли и заключается, чтобы наблюдать и замечать собственные инстинктивные позывы и сознательно решать, как поступать?

«Сколько же можно повторять одно и то же! Уже и собака поняла бы! – слышу я до боли знакомый текст. – Ты что, не можешь это просто выучить?!» Знаете, что тут самое интересное? Что и вправду, собака, возможно, и поняла бы. А вот человек, представьте, никак не может. Как будто сопротивляется сама человеческая природа, как будто ребенок борется за право не понимать и не принимать все, что ему втолковывают как само собой разумеющееся. Он ведь человек и не хочет выучивать как собака.

Действительно, вечный «взрослый» аргумент «даже у животных так» на деле работает с точностью до наоборот. Это не «даже у животных», это именно у животных так. Разница в том и состоит, что человек имеет право не понимать. В отличие от братьев наших меньших, нам дана свобода воли и способность к сомнению и рефлексии. В этом наша базисная человечность и проявляется: не понимать и задавать вопросы, не соглашаться и поступать по-своему.

Так не странно ли для простоты и мнимого удобства сводить поведение человека к безусловным, а потом и условным рефлексам? Сажать со скандалом на холодный горшок – иначе не научится пользоваться туалетом, заставлять делать ненужную и скучную работу – иначе не узнает слово «надо», кидать в воду – иначе не освоит плавание, учить бить обидчика – иначе не пробьется в жизни...

«Вы уж с ним, пожалуйста, пожестче!» – просительно шепчет мама, передавая свое чадо с рук на руки классному руководителю. Говорит она это немного стесняясь, как будто произносит какой-то не вполне приличный, но необходимый текст... Понимаете, полагаю, чего эта мама добивается? Она просто инстинктивно считает, что, если развивать в ее сыне не человечье, а волчье начало, ему легче будет жить дальше. Даже и мантра взрослая существует на эту тему: «Если он(а) не будет уметь постоять за себя, он(а) погибнет в большом мире». Мантра, безусловно, удобная, поскольку, помимо прочего, она еще и оправдывает практически любые наши инстинктивные гадости. Сорвался очередной раз на человека – что ж, пусть знает, что так устроен мир. Отправляю ребенка день за днем в ненавистную школу – это я учу его не бояться трудностей; не нахожу времени на общение – воспитываю в нем самостоятельность и так далее... И конечно, постоянно подкрепляю этот опыт так называемой мудростью: «Мы должны готовить их к жесточайшей конкуренции. Так уж заведено в природе: побеждает сильнейший. Если мы будем нарушать этот принцип, мы далеко зайдем...» Ага, далеко зайдем – станем чуть больше людьми...

Готовя их к этой пресловутой конкуренции, мы как будто готовы стать для наших детей тренажерами вместо близких людей. Не дай Бог ему будет хорошо в детстве... Как же он жить будет? Жизнь-то, как известно, борьба... Не потому ли таким сильным кажется этот аргумент, что высказывают его как раз те, кто привык видеть в окружающих лишь соперников? И не потому ли так многие навсегда остаются аутсайдерами, застрявшими в прошлом? Ведь если мы живем в среде жесточайшей конкуренции, тогда все можно оправдать... Мне не дали... Меня подсидели... Меня обидели... А то я бы ух!.. И вот уже успехи мы именуем победами. А как же иначе? À la guerre comme à la guerre!

Как-то я наблюдал сцену в нашей школе. Недавно пришедший мальчик лет пяти скандалит с девочкой того же возраста, практически бьется в истерике: «Я первый взял эту игрушку...» И вдруг девочка ее просто отдает: тебе нужно – возьми... Мальчик в ступоре – он к такому не привык, его учили другому: той самой жесточайшей конкуренции, а тут такое... Однако он довольно быстро справляется с ситуацией, и уже через пять минут они играют вместе... Неужели вы думаете, что этот мальчик, научившись тому, что есть человеческие пути взаимодействия с другими, станет от этого несчастнее? А мне вот кажется, жизнь его только что стала намного проще и веселее: он понял, что можно просто уступить. Нет, даже не «уступить», поскольку в самом этом глаголе уже заключен намек на противостояние, а просто в прямом смысле расслабиться и получать удовольствие от происходящего. (В противовес заметим снова, как работает инстинкт: я хочу отнять нечто у другого человека, поскольку на всех не хватит. Так ведь и происходит и у животных, и у первобытных людей: если я хочу, чтобы это было моим, нужно отнять. Однако сегодня в большинстве случаев хватит на всех. Да и необходимость обладания существует далеко не всегда. И человечность заключается именно в осознании этого факта.)

Действия инстинктов могут проявляться и совсем неожиданно.

Так, как-то я узнал, что папа одной ученицы приказал ей (именно приказал) прочесть за лето толстенный том И. А. Крылова. «Это зачем же?» – изумленно интересуюсь я. «Как зачем? Она должна знать, что такое «надо», – гордо парирует отец. Понимаете? Как будто без этих издевательств над человеческой природой она так и не узнает, что такое «надо»...

Что и говорить, этот метод, безусловно, действенен. Помимо очевидного побочного эффекта (ненависть к Крылову, а возможно, и к чтению вообще) гарантированно девочка уяснит как раз, что «жизнь – борьба», что необходимо подавлять ближнего, насколько хватает сил, так, безо всякой причины, просто потому, что ты сильнее. Ну и с гордостью понесет это знание дальше. (Кто знает, возможно, уже став взрослой, она попытается осознать причины своих напряженных отношений с людьми, в которых она привыкла видеть лишь соперников...)

Неужели мы всерьез считаем, что, если девочка будет читать то, что ей интересно, она не узнает слово «надо»? Да и есть ли ценность в понимании этого слова, которое каждый из нас познает вне зависимости от насилия над нами, просто потому, что так устроена человеческая жизнь? Не в том ли дело, что в этой ситуации просто срабатывает животный инстинкт подчинить себе – сильному и старшему – слабого и юного? Боюсь, именно в этом. Иначе трудно объяснить тупое упорство родителя.

Человечество всю свою историю тратит огромное количество сил и средств, чтобы превратиться в людей. Протираясь сквозь собственные заблуждения и ошибки, мы уходим от животных инстинктов, потому что в этом уходе и заключается наша природа. А возможно, простите уж за пафос, и наше предназначение. Вот чем бы вместе заняться! Ведь иначе нам с вами придется жить с теми самыми, которые твердят чуть что: «Даже собака понимает», и сводят нашу прекрасную и сложную жизнь к простейшим инстинктам... Вы хотите? Я – нет.

Дистанционное воспитание

Работая в детском лагере, год за годом с ужасом наблюдаю, как многие родители продолжают мучить своих детей и на расстоянии.

Мальчик Н. играет с друзьями. Звонок. «Извини, мам, я сейчас не могу говорить, перезвоню». – продолжая смеяться шутке друга, говорит он. Видимо, на другом конце слышит длинный монолог. Мальчик меняется в лице. Радости как не бывало.

«Мам, ну извини». Похоже, не помогает. Пулей вылетает из зала. Возвращается через десять минут заплаканный. Подсаживаюсь к нему, потихоньку начинаем болтать. «Мама обиделась за то, что я не хотел с ней разговаривать...» Ни намека на недовольство мамой, на ее оценку – только глубокое огорчение: я обидел любимого человека. Вечер испорчен. Педагогика в действии. (Скоро, скоро он поймет, что его радость, его дела не важны. Что главное – тупое подчинение. Скоро он научится у родителей манипуляциям. Скоро переходный возраст. Скоро он начнет возвращать.)

Другой случай. Под моим окном девочка объясняет маме: «Я обязательно все прочту, когда вернусь, здесь не до того – у меня много дел». Пытается рассказать о новых друзьях, о проектах, в которых участвует, о вчерашней игре, о своих радостях, успехах. Шансов быть услышанной, а тем более понятой, нет.

«Мамочка, я тебе обещаю, я все прочту...» Нет, не слышит. Девочка продолжает разговор, все больше всхлипывая, заканчивает рыданиями. «Хорошо, – это видимо, о чтении, – я все сделаю». Готово. Изнасилована. Теперь будет знать, как с родителями спорить! (Ну а побочный эффект – обучение вранью – не заставит себя долго ждать. Скоро она научится обманывать, говорить, что читала. Скоро начнет скрывать свои мысли, чувства, поступки.)

Таких случаев десятки. А сколько проходит мимо меня, скольких я не слышу, не замечаю! Иногда, не выдержав, я тайно от детей перезваниваю родителям. Мы говорим с ними, и они соглашаются – с тем, что нужно признаваться детям в любви, что наиболее понятная причина звонка ребенку – просто потому что соскучились по нему, что, если есть повод порадоваться за человека, нужно делать это непременно и сразу, и так далее, и тому подобное. Не встретил ни одного непонимания. Ну так что же вы, родители?! Остановитесь за минуту до. Сообразите, зачем вы звоните, вспомните, что будете говорить с любимым человеком. Это просто. И это – главное. Неужели этого недостаточно? Неужели главная форма общения для вас – это нравоучения? Неужели вы не понимаете, чем все это закончится – и для вас в том числе? Неужели это так и дождет вас до конца? «Я важнее любых друзей! Я лучше знаю, отчего тебе должно быть хорошо! Я расскажу тебе, как правильно отдыхать! Я знаю, что у тебя на уме! Я научу тебя, что вместо всей той ерунды, которой ты занимаешься, нужно делать! Я буду контролировать тебя всегда – только попробуй улизнуть, маленькая дрянь!..» И прочая, прочая, прочая...

Пожалуйста, перестаньте нести несчастье. Это не сильные слова, поверьте. Дети переживают испорченные отношения с вами именно так – как настоящее горе. И они никогда не предадут вас. Во всяком случае, до определенного момента – пока не научатся. А вы?..

Искусство воспитания раба

Вы не замечали, что взрослые часто относятся к детям как к неудобному объекту, который сильно усложняет их родительское существование? Как к назойливой мухе, от которой необходимо отбиться, как к маленькому негодяю, с которым нужно справиться любой ценой и который, в свою очередь, только и думает, как сделать нашу жизнь невыносимой... Как будто речь о том, что мы

всепонимающие ангелы, а они никчемные недоделки, которых необходимо сделать удобными для собственного пользования. Да, впрочем, и не для пользования. Так... лишь бы не мешали...

А чтобы не мешали, необходимо создать четкий кодекс – что можно и чего нельзя, что для ребенка является добром, а что злом. Отсюда – огромное количество взрослых утверждений, начинающихся словами «ребенок должен». Должен понимать, должен есть, должен учиться, должен знать, должен уважать. Должен, должен и должен.

Не согласны? А вы взгляните на родительские форумы. И сравните их... со средневековыми советами по воспитанию раба.

Читаю: «Судя по описанию, ваша трехлетняя дочь – уже очень распушенная девочка. Если она не способна выполнять требования взрослых, нужно с этим что-то делать. Лучшее, что придумали наши предки, – конечно, порка».

Еще цитата: «Если он начинает капризничать, нужно наехать на него хорошенько, чтоб неповадно было».

Раб, не имеющий права на личную жизнь, на собственные поступки и даже на человеческие эмоции.

Бесчисленны и пугающе однообразны инструкции по применению жестких методов так называемого воспитания. Жесткость и непреклонность объявляются главными добродетелями взрослого мира. Глаголы «наказывать», «заставлять», «пороть» не сходят со страниц форумов. Редкая личная история обходится без горделивого «я поставил его на место» или «нужно уметь заставить себя уважать». Все наши обмороки по поводу физических наказаний, да и вообще насилия над детьми, увы, не ведут ни к чему и ничего не меняют.

Предлагаю подойти к вопросу совсем с другой стороны. Давайте попробуем понять, какова ваша цель? Да, я не оговорился: конкретно ваша? Когда вы, например, наказываете человека, чего вы на самом деле хотите? Почему выбираете именно такой путь взаимодействия – путь унижения, лишения свободы выбора и агрессии? (Ну, а если вы этого, к счастью, не делаете, попробуйте пофантазировать о своих знакомых.)

Вопрос кажется простым, но, как будто застигнутые им врасплох, родители обычно предлагают самые странные ответы. Так, в одном из комментариев к моей статье читатель пишет: «Нужно быть жестче; если их жалеть, они научатся манипулировать...» И я в очередной раз поражаюсь такому странному кульбиту взрослого сознания... Разве не является совершенно очевидным, что если их жалеть – они научатся жалеть. Неужели и правда непонятно? Ведь как раз обратное утверждение является признаком типично манипулятивного мышления.

За примерами далеко ходить не надо, выглядит это примерно так:

• Если давать людям то, чего они добиваются, они «сядут на голову» (а на самом деле тогда они будут вам благодарны и научатся, вслед за вами, дарить радость другим).

• Если почаще демонстрировать собственное недовольство повелением другого человека, он станет дисциплинированным (нет, это не так – он замкнется, боясь собственных поступков).

• Если ввести в людские отношения методы поощрений и наказаний (являющиеся на практике методами дрессировки, используемыми с животными), человек научится отличать дурное от хорошего (в то время как в этом случае он постепенно потеряет способность самостоятельно ориентироваться в морально-этическом поле).

Думаю, далее продолжить этот ряд способен каждый.

На деле же все значительно проще: система личного примера действительно работает как часы:

• Если человеку хамить – он научится хамить.

• Если наказывать – он станет мастером наказаний и со временем вернет их окружающим с лихвой.

• Если лгать – станет лжецом.

Разве простейшая логика (да-да, не наука педагогика, не любовь к собственному ребенку, а просто логика) не приводит вас к мысли о том, что чему учишь – тому и научишь? И наоборот: невозможно, постоянно подавая дурной пример – жестокости, жадности, ненависти... взывать к доброте, отзывчивости и порядочности.

Впрочем, сказать лучше Лермонтова у меня вряд ли получится. Напоминаю:

«Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их – меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир – меня никто не понял, и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать <...> И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины...»

Сказано, на мой взгляд, исчерпывающе и до боли точно. Как будто эти строки писал педагог-практик, знакомый с самыми современными педагогическими исследованиями. Что сказать, гений – он и есть гений...

А еще понятнее у другого гения – Высоцкого:

*Если поросенком вслух с пеленок
Обзывают, баюшки-баю, —
Даже самый смиренный ребенок
Превратится в будущем в свинью!*

Опять не верите? Опять найдете тысячи возражений, скажете, литература одно, а жизнь другое? Ох, ребята, лучше не проверяйте...

Еще один мотив подобного поведения был заявлен мне знакомой мамой, когда я предложил ей защитить девятилетнего сына от взрослого хамства ее знакомого. Она возмущенно возразила: «Но ведь он должен быть готов к сложностям мира. В том числе и к хамству! Его не всегда будут облизывать со всех сторон...» Тут я должен на миг остановиться и признаться, что и подобные жизнеутверждающие аргументы я слышал неоднократно. Полагаю, вы тоже с ними не раз встречались. Логика примерно такова: поскольку жизнь сложна и несправедлива (так, во всяком случае, это звучит в устах апологетов данного подхода), устроим нашим детям «учебку» – будем потихоньку портить им жизнь сегодня, чтобы к своему будущему они подошли во всеоружии... То есть научились тому, что такое настоящее хамство и предательство близких, и стали взрослыми безразличными жлобами.

Так вот, друзья, хамство, к моему огромному сожалению, найдет наших детей и без нас, с тяжелыми ситуациями в жизни они встретятся, вероятней всего, не раз и не два. Зачем же мы мучаем детей? И

заметьте, как сам язык предает нас, как в подобной ситуации любовь и принятие заменяется глаголом «облизывать». Как будто мама стыдится собственной любви, как будто она оправдывается перед мифическим судьей, который накажет ее за излишнюю ласку по отношению к собственному ребенку. «Облизывать!»

Страшные и жестокие проявления близких могут только усугубить надлом в детском сознании. Мы же должны всеми силами отодвигать возможный удар, смягчать его, если он неизбежен. Это ведь именно то, что на умном языке называется родительской функцией.

Человек учится противостоять хамству, равно как и всякой другой гадости, когда у него появляется бесценный опыт созидающего и поддерживающего человеческого взаимодействия, когда он начинает ценить собственную личность и личность другого. Именно это учит ребенка не давать себя в обиду, а равно – защищать других. А вот положение, при котором наглый взрослый, пользуясь собственной силой и статусом, унижает его, учит его прямо противоположному: лгать, втягивать голову в плечи, пытаться исчезнуть, а со временем при любой возможности измываться над более слабым – в точности как учили.

Брутальный папа пишет в форуме о воспитании: «Лучший способ справиться (заметьте: справиться! словно о стихийном бедствии) с истериками – не обращать на них внимания. А если становится невыносимо (невыносимо, конечно, нам, просветленным родителям, кто берет в расчет детское «невыносимо») – наказать как следует». Оставляя в стороне свои страшные догадки на тему «наказать как следует», обращаю ваше внимание на типичный тон и подход: высшее существо пытается сладить с зарвавшимся мелким подонком.

Представляете, какой ад возникает в душе ребенка? Мало того что мне так плохо, я еще и один! Один на целом свете. Не считая родителей, которые всегда готовы сделать так, чтобы стало еще хуже... И в качестве полировки типичный аргумент взрослых: «Меня тоже так воспитывали, и ничего...» Что – ничего? Кому – ничего? Кто сказал вам, что вы прекрасны в своей узости, жестокости, агрессии, неспособности принять, даже не принять – хотя бы увидеть человека рядом с собой? Откуда известно, что эти методы воспитания привели к положительным результатам? Мы выжили? Вот уж действительно и на том спасибо! «Увязшие в собственной правоте, завязанные в узлы...»

Один из старых родительских страхов – что мой ребенок не подаст мне стакан воды в старости. Можно не сомневаться: не подаст! Откуда взяться стакану, если всю жизнь человека учили только жестокости, ненависти и тому, что, когда тебе плохо, окружающие способны увидеть лишь твою манипуляцию?..

Впрочем, не буду слишком пугать читателя: стакан, может, и подаст – общественное мнение все-таки велит противостоять собственным желаниям и справляться с порывами. Но ненависть и к вам, и к этому стакану гарантирована.

Вы привычно спросите, что со всем этим делать... А я привычно отвечу: равным счетом ничего. Все методы, упомянутые выше, никому не нужны, никому не несут даже минимальной пользы. Ни наказания, ни «учебка», ни агрессия. Они лишь неуклонно, шаг за шагом ухудшают будущее – детское и наше собственное. Просто пришла пора освободиться от роли заложников чужих галлюцинаций и собственного прошлого, выхолощенной морали и представлений соседки о нравственности, навязанной этики и воспитательных симуляторов.

Ведь все мы интуитивно знаем ответы. В том числе в ситуациях, когда творим зло, приговаривая «это любя», прикрываясь собственными страхами. И нет тут никакой родительской западни. Разве что тяжелая иллюзия, морок. Нужно только сделать шаг в чудесный мир, в котором ждут те, кто любит нас больше всех на свете, – **наши дети**. Они очень ждут. И, не сомневайтесь, они нам помогут.

Дети как игрушки

Моя младшая дочь (тогда ей было шесть с половиной) заявила: «Все-таки для многих взрослых дети – игрушки».

Выяснилось, что к такому выводу она пришла, когда совершенно незнакомая женщина позволила себе потрепать ее по щечке, потрогать волосы, спросить, настоящие ли они. То есть отнеслась к ней как к объекту, который по собственному желанию можно потрогать, погладить, поиграть с ним, наконец. Желанием объекта, понятно, в этом случае обычно не интересуются (действительно, кто же спрашивает игрушку, хочется ли ей играть!). Априори считается, что у взрослых есть право вторгаться в мир человека по собственному желанию, даже без предупреждения – просто так. И все это только по одной причине – потому что он младше (сравните: другого цвета кожи, другой веры, другого размера, другой национальности и т. п.).

Как на самом деле для вас выглядит эта ситуация, легко проверить. Представьте, что проходящий мимо человек таким образом повел себя с вами: «Ах, какие мы красавицы!» И эдак по попке... Не правда ли, пощечины ему не избежать? Ну или как минимум жесткого ответа. Да что там по попке! Часто обычный вопрос слышится многим как недопустимая фамильярность.

В чем же разница? Не в том ли, что маленький не может дать отпор и наше умиление кажется достаточной причиной для таких проявлений? «Ну что вы, я же с благими намерениями!» – отвечают в таких случаях. «У меня и в мыслях не было обидеть ребенка, наоборот!» (Уверен, это можно отнести и женщине, которая встретила моей дочери.) В том-то и штука, что такое поведение часто считается нормой. Если именно сейчас взрослому захотелось поговорить («Сколько тебе лет? Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Сколько будет пятью пять? Почему мы не улыбаемся?») – вынь да положь ему взаимодействие. Ребенок должен отвечать, не имеет права на стеснение, на молчание, на элементарный отпор. Он должен безропотно терпеть чужие прикосновения, идиотские комплименты, неискренние вопросы. Мало того, должен вести себя в соответствии с представлениями окружающих, а не то его еще и оценка взрослого может настичь: «Хорошие детки так себя не ведут! Я же тебе столько раз говорила! А почему мы не отвечаем, мы что, стесняемся, а?» О, это «мы»!..

«Не отвечаю, потому что не хочу! Уберите свои руки! Мне не до вас сейчас!» – эти ответы кажутся вполне логичными, но нет у них такого права. Мы сильнее, мы заставим, мы вытащим из них нужное нам поведение. В подобном положении оказывались в разных странах и в разные эпохи многие группы людей: рабы, женщины, черные. Что перечислять – много еще кто.

Да, речь снова идет о самом банальном насилии. И часто – возьмем, к примеру, женщин – такое поведение прикрывается чудовищной ложью: они недостаточно развиты, они не способны понять, они требуют опеки и пр. Ну а рядом, конечно, и обожествление: «О, прекрасный женский образ!..» («О, дети – это просто ангелы».)

Так что и объяснения типа «им самим это нравится», «только так с ними и можно», «мы хотим как лучше», как говорят нынешние дети, не катят. Им не нравится, я знаю точно. Откуда? Просто многие из них мне об этом говорили. Хотите – спросите сами!

Почему мы не знаем о его несчастьях?

«Я только через десять лет узнала о тех ужасах, которые ему пришлось пережить в начальной школе», – с горечью сказала мне мама одного молодого человека. «Я совершенно случайно услышала, как учительница кричит на мою дочь», – поделилась другая. «Она в последнее время очень грустная, но говорит, что в школе все нормально», – волнуется третья.

Правильно волнуется. Зачастую у нас действительно нет никакой возможности узнать, как им там живется, в их первом классе. Положение усугубляется тем, что такую ситуацию, в которой человек не может рассказать правду, попросить о помощи, построили мы сами.

Происходит это примерно так. Попад в школу, ребенок чаще всего оказывается в принципиально новой для него системе координат. Все устроено иначе: еда, общение, «мизансцена», собственный статус и статус другого – одним словом, все.

Как отличить в этом «иначе» правильное от неправильного? Как понять, когда я встречаюсь с проявлением обычной школы, той самой, которая должна стать мне домом, в которую отправили меня родители, и чем-то, чего не должно происходить?

Когда учитель кричит – это правильно или неправильно? Когда меня унижают – все в порядке или что-то идет не так? Когда у меня отнимают право на собственное понимание – это является школьной нормой или исключением из правил? Если меня обижает взрослый, я должен терпеть или просить о помощи? Как человеку разобраться в этой запутанной системе?

Ведь взрослый наверняка прав. Правда-правда. Знаете, как тяжело в семь лет понять, а тем более принять, что взрослый может быть злым, гадким, мерзким человеком? Что он может вредить тебе? Что твое право на защиту действительно существует. Что плох не ты, а он, что нет ни единой причины терпеть эту муку, что в школе должно быть хорошо и приятно.

К несчастью, намного более понятна позиция «это я плох, я что-то делаю не так, учитель лучше знает, я должен стараться его удовлетворить»... Тем более что именно эта позиция услужливо предлагается взрослым миром.

Это подогрывается всей системой романтизации школы: там хорошо, это очень интересно, каждый человек должен учиться, ты уже взрослый и поэтому идешь в школу и т. д.

Как в таком положении человек может поделиться своим несчастьем? Он оказывается один на один с тяжелейшей ситуацией, практически как в древнегреческой трагедии: выбор между плохим и худшим. Нет-нет, это не преувеличение – проверьте сами. Какой высочайший уровень доверия к себе и своим близким должен быть у человека, чтобы сначала сказать: «Я не ошибаюсь, мне плохо, и так не должно быть, даже притом что все делают вид, что хорошо», а затем прийти с этим к родителям. И быть уверенным, что ему не устроят третейский суд, «разбор полета», а встанут на одну с ним сторону? Пересилив себя, обращается человек за помощью, открывает конкретные ситуации и... слышит ответ: «Не придумывай, этого не может быть!» Или: «Ну что же делать, нужно стараться! Потерпи! Ты в очень хорошей школе, привыкнешь», – и тому подобное.

Вот так и оказывается человек в безвыходной ситуации: с одной стороны, ему по всем признакам очень плохо, с другой – все окружающие транслируют, что должно быть очень хорошо. Только нужно стараться, терпеть, подчиняться и пр.

С одной стороны, его каждый день спрашивают, как дела в школе, с другой – он не может, не умеет, не имеет права рассказать о своих тяготах ожидающим ответа «все нормально». Он очень старается быть «хорошим», то есть соответствовать той картине мира, в которую помещен. Значит, придется справляться самому.

Эта ноша оказывается часто непомерно тяжелой для человека. Непосильной. И он ломается. И вовсе необязательно мы замечаем эту ломку. Ведь не всегда (к счастью) ребенку «дарят» заикание или депрессию. Чаще он просто учится все больше делать вид, что он как все. Тем способом, который ему понятен. И зажатый в эти страшные тиски между собственной натурой и внешней системой координат,

он всасывает в себя по капле раба. Того, у которого нет права на чувства, эмоции, собственное поведение, собственный интерес.

С этой точки зрения подготовка к школе просто необходима. **Человек должен твердо знать, что такое личность. Практически знать. Он должен быть готов защитить себя – и сам, и с помощью близких.** Он должен ощущать, что такое собственное достоинство, личная свобода. И если встретится на его пути человек, посягающий на это, он должен уметь отличить такое посягательство от нормы. И уметь дать отпор. И нам, родителям, тоже хорошо бы вспомнить, как это делается.

Так что готовьтесь к школе. И не слишком надейтесь, что «тайное становится явным».

Фокус-покус

Может быть, это всем так везет в последнее время, но лично меня просто преследуют статьи, которые можно объединить общим названием: «Как нае... своего собственного ребенка». Более емкого глагола, уж простите, никак не найти. В смысле, как жестко обмануть. Или цинично использовать. Ну, короче, вы поняли. Или, может, это очередной педагогический тренд, который я опять пропустил?

Я имею в виду все эти «Как сделать так, чтобы он ложился спать вовремя?», «Как заставить его рассказывать о школе?», «Как убедить его, что нужно есть кашу?», «Как добиться от него правильных выводов?» – ну и тому подобное.

Способы обмана обсуждаются усердно и на полном серьезе. Причем обмана самого низкопробного, когда нам предлагается попросту... (см. глагол в начале текста) менее опытного и более слабого, воспользовавшись в качестве инструмента его практически неограниченным доверием к нам. Воистину, предательство – страшнейший из грехов...

«Мы научим вас манипулировать!» – прочел я в анонсе тренинга. И дальше: «Манипуляция помогает добиться своего, часто сокращает путь к цели, делает нас сильными, ловкими, убедительными». Чудесно, не правда ли? Жаль только, что в этом распрекрасном описании совсем не упомянуто, что происходит с человеком, которым манипулируют... Как происходит подавление его воли, подмена собственных желаний на желания манипулятора, постепенное разрушение личности. Оказывается, вопрос, чем, собственно, плоха манипуляция, вовсе не праздный. Да я и сам слышал его множество раз на встречах с родителями и учителями...

Со стороны того, кем манипулируют, все выглядит как простой, но очень странный фокус: вроде бы я знаю, как устроен мир, уверен в том, что нахожусь в здравом уме и твердой памяти, понимаю, чего хочу и вдруг – опля! Все переворачивается, и я делаю неожиданный для себя выбор (а часто просто чувствую себя дураком). Как это произошло? В какой момент я согласился? Что со мной сделали? Как я это позволил?

В словаре одно из определений «манипуляции» звучит так: «ловкая проделка, махинация». И это определение как нельзя лучше подходит для объяснения того, что делает манипуляторвзрослый по отношению к манипулируемому-ребенку.

В детско-родительских отношениях манипуляция, увы, встречается очень (слишком!) часто. Причина понятна: очень велик соблазн. Если со взрослым нужно как следует повозиться – у него есть собственное сформировавшееся мнение, он часто настороже – с ребенком все намного проще. Он открыт, верит нам, готов воспринимать нашу точку зрения. Ну как не воспользоваться такой искренностью и не использовать ее как слабость собеседника! Вель для того, чтобы объяснить свою точку зрения, убедить собеседника, придется потрудиться, а при помощи манипуляции часто

действительно можно добиться почти всего, чего угодно... Простейший пример: «все хорошие дети едят кашу». Видите, как это устроено? Мы предлагаем человеку некое утверждение, представляя его как непреложную истину. Как вы понимаете, это утверждение, мягко говоря, не совсем верно: не все дети едят кашу, люди едят ее вне зависимости от характера и так далее. Важным элементом «успешной» манипуляции является лишение второй стороны права на возражения, практически лишение ее воли. Что может сказать человек трех лет в ответ на такую фразу? Нечего ему возразить. Остается только кашу есть, давясь ею и собственной обидой.

При этом важно помнить: в основе манипуляции всегда лежит ложь! Одна сторона попросту обманывает другую, навязывает ей определенный взгляд на вещи. В этом суть, остальное – техника.

Вот, скажем, пример чуть более сложной «обманной» конструкции. Любая фраза, начинающаяся с «ты же сам понимаешь», манипулятивна по своей сути, по самой постановке вопроса. «Ты же сама понимаешь, что нужно учить немецкий язык», – сказала при мне мама девочке десяти лет. Множество вопросов, которые неминуемо должны возникнуть у человека, попросту не задаются... Почему нужно учить? Почему немецкий? Почему сейчас? Этих вопросов как будто нет. «Ты же сама понимаешь» убивает их, делает невозможными. Что выигрывает мама в этой ситуации? Девочка будет учить немецкий (во всяком случае, сделает вид), разговор получился коротким, дочка не перечит, создается иллюзия согласия. С другой стороны, проигрыш огромен. Уровень участия девочки в принятии решения, да и в самом диалоге, стремится к нулю. Не правда ли, ей могла бы быть просто навязана чужая воля. Сравните. Мама говорит: «Я настаиваю на том, чтобы ты учила немецкий». Однако это, безусловно, крайне неприятно, и мама это чувствует. Она не хочет быть насильником, именно поэтому и используется более изощренный прием – манипуляция. Заметим, в этом случае насилия в отношениях намного больше: если в первом случае дочке был бы оставлен хотя бы шанс возразить, осознать тот факт, что имеет право на существование и ее мнение по этому поводу (раз есть мамино), то во втором она лишена и этой возможности. «Ты же сама понимаешь» лишило ее права на себя. Хотите выбрать такую модель подавления? Воля ваша. Только перестаньте, пожалуйста, твердить что-то типа «она сама этого хотела»...

В рейтинге манипулятивных действий по отношению к детям, на мой взгляд, лидирует так называемый «договор».

Уверен, вы хорошо знаете, о чем речь. Обычно вначале следует вступление: «Давай договоримся, что ты...» – и далее жестко: – Будешь делать то, что тебе говорят». Другой вариант – требование определенного действия или поведения и в заключение с намеком на вопрос: «Ты будешь поступать так-то, договорились?..»

Это одна из наиболее полных формул взрослого мира, поскольку выглядит она так, как будто мы вели реальный диалог. Однако заметьте: никто и ни с кем не договаривался. Это было наше завуалированное требование, почти приказ. У ребенка нет ни единого шанса не только быть услышанным, но и хоть как-то повлиять на ситуацию. От подобной формулы человек может лишь остолбенеть и в ответ на «Договорились?» безвольно кивнуть: «Да». Это «да» ничего не означает и ничего не стоит. Оно лишь свидетельствует о новой ситуации насилия, в которой ребенок оказался. С ним ведь и не начинали договариваться. Его снова обманули. И в данном случае речь идет об обмане высшего разряда.

Но и это еще не все. После неминуемого нарушения этого навязанного и манипулятивного «договора» следует апелляция: «Как же так, мы же договаривались?!» Кто? С кем? О чем? Единственное, что человек способен понять из такого «диалога», – это что он вновь оказался повержен, что его мнение ровным счетом ничего не значит, что сильные снова победили.

Именно так мы и обучаем детей обману, манипуляции, праву сильного измываться над слабым. Обучаем сознательно – со знанием дела и апломбом. И скоро-скоро (общее место: дети талантливы – все ловят на лету) они начинают нам возвращать долги, отвечая манипуляцией на манипуляцию, противопоставляя насилию насилие.

Да, соблазн манипулирования велик. Очень велик. Тем более что манипулятивные модели предлагаются нам все время: родственниками, политиками, сослуживцами. И вот нам уже кажется, что манипуляция и есть кратчайший путь к успеху. Чуть изменим правду, представим желаемое за действительное, поднажмем на чувства и – готово. Увы... Результатом такого поведения гарантированно станет подмена человеческих отношений той самой манипуляцией. То есть, говоря простым языком, моделью «кто кого переверт».

Зачем же мы идем таким странным путем? Неужели желание, чтобы вышло по-нашему, настолько перевешивает удовольствие честного человеческого общения с любимыми? Быть этого не может! Наверное, мы просто подзабыли, как это делается. Вот и давайте вспоминать.

Крекс... пекс... секс...

Как-то позвонил мне старый приятель. И, стараясь справиться со сбивающимся дыханием, сообщил, что произошло нечто ужасное и что ему немедленно нужна моя квалифицированная помощь. «Представляешь, – зловещим шепотом поведал он мне, – после того, как мой восьмилетний сын играл с айпадом, я обнаружил в гугле запрос “большие сиси”!!!»

Не стану скрывать, напряженность момента была смазана моей истерикой. А когда я отсмеялся, когда мы с приятелем поговорили обо всем, когда он, успокоенный, отправился болтать с сыном о «больших сисях», и не только о них, я всерьез задумался.

Чего же так испугался взрослый достойный человек? Ведь ситуация эта забавная, легкая. И конечно, она является чудесным поводом для интереснейшего разговора с сыном.

Почему он, как и большинство родителей, впал в ступор, лишь только появился малюсенький намек на возможный разговор о сексе? И это притом, заметим, что у представителей взрослого мира в основном нет ни малейших проблем с обсуждением действительно сложных, тяжелых и опасных тем.

Скажем, нам ничего не стоит походя поговорить о насилии. Ну, типа, ударили – дай сдачи или, наоборот, объясни словами, что ты чувствуешь. Или о войне, которая, кажется, принудительно обсуждается уже не только в школах, даже не в детских садах, а чуть ли не в яслях. Про это можно, значит? О смерти, о предательстве, о разрухе, о ненависти – можно, а о любви и о самой жизни – нельзя? Немного странно, не так ли?

Когда меня спрашивают, как с детьми говорить о сексе, я обычно задаю один и тот же вопрос: «А вы-то, взрослые, между собой как об этом разговариваете?» И знаете, очень редко мне удается добиться внятного ответа. Чаще раз за разом я слышу некое глубокомысленное или смущенное мычание. Так, может, тема эта сложна и опасна вовсе не для детей, а для их родителей? Может быть, это не детям «рано» или «вредно», а родителям страшно и непонятно? Как и в других подобных случаях, множество «специалистов» изобретают способы, как сделать жизнь комплексующих взрослых комфортнее, как постараться поговорить о сексе максимально «безопасно», а лучше – не поговорить вовсе, надеясь, что в свое время они сами все узнают. Узнают... сами...

Я, конечно, прекрасно понимаю: в определенном смысле и язык наш против нас. В каких словах говорить об этом? Как и что объяснять? Право, не использовать же мерзотное слово «пися», от которого нам самим моментально становится противно и которое уже по самому значению

категорически не подходит для обсуждения данной темы. А с другой стороны, и к словам «вагина» и «пенис» нас как-то совсем не приучили... Как назвать сам сексуальный процесс? Половой, так сказать, акт. Может, и правда, не надо? Может, действительно они как-нибудь без нас? К возможной войне подготовим, а с любовью пусть сами разбираются...

Но ведь страхи, комплексы и табу рождаются как раз в многократно повторенных ситуациях типа этой. Когда одних слов не хватает, а другие мы не решаемся произнести (например, потому что их не произносили наши родители или потому что они определяли что-то, о чем и думать-то было запрещено). Трудно? Уверен, что непросто. Но ведь речь снова о той самой родительской функции, о которой так любит рассуждать взрослый мир. Что ж, вы и правда хотите обеспечить детям поддержку и помощь? Тогда научите их говорить о любви человеческими словами, а не пошлыми двусмысленными междометиями или скабрёзными жёстами.

Для ребенка отношения между людьми – часть мира, который он познает. Вот и все. И опасностей тут уж точно не больше, чем в любом другом вопросе. Помните: «В Лотлориэне существует лишь то зло, которое мы приносим с собой»? Вот и в разговоре о сексе то же самое – неоткуда взяться пошлости и ощущению разврата у ребенка, разве что вы сами привнесете их в разговор.

Тема секса, понятное дело, очень плотно связана с темой появления человека на свет. Однако темы эти вовсе не идентичны, не правда ли? Отчего же в статьях типа «Детям – о сексе» они так часто смешиваются и статьи в лучшем случае превращаются в «Детям об оплодотворении и зачатии»? Не оттого ли, что если уж и говорить «о чем-то таком», то уж во всяком случае не об удовольствии, а о необходимости... Мы как будто стыдимся своей человечности, как будто опасаемся разговора о том, что есть действия, которые мы делаем не по долгу, а по желанию, из удовольствия, по любви...

Несколько слов придется, видимо, все-таки сказать и о невинном вопросе «откуда я взялся».

Мне хорошо знакомы рекомендации типа «скажите, что папина клеточка встретила с маминой клеточкой». Увы, боюсь, после такого откровения человек может почувствовать себя разве что недоумком. Ведь понять из этого объяснения нельзя ровным счетом ничего.

А спрашивать дальше уже боязно. Еще не понимая, он уже чувствует, что становится свидетелем действия некоего табу: не случайно мама (папа) все на свете может объяснить просто и понятно, а тут прямо наваждение какое-то. А непонятно между тем при такой постановке вопроса много-премного: где встречаются клеточки? Как они знакомятся? Что для этого им нужно? Постоянно ли они встречаются? Чем занимаются при встрече? И так далее. Родным братом этой рекомендации предстает и совет «отвечать только на поставленный вопрос», ведь это опять не более чем очередная попытка защитить самих родителей от неудобных разговоров. Такова же и идея «просто дождаться вопросов». Их, как мы понимаем, может и не последовать. И совсем не потому, что эта тема не интересна.

Заметим, что в случае, когда ребенок спрашивает, например, о причинах дождя, мы не останавливаемся на фразе «происходит конденсация влаги в облаках при низких температурах». Мы стараемся максимально подробно, широко и понятно раскрыть тему, мы стремимся к диалогу, мы провоцируем вопросы и радуемся им, делимся ассоциациями, показываем картинки. Так же, как не ждем мы вопросов и в тысяче других случаев, а напротив – смело и уверенно заявляем темы для обсуждения. В случае же «клеточка встречается с клеточкой» мы даем максимально закрытый и непонятный ответ, радуясь, если уточняющих вопросов не последует. Неужели вы думаете, что наш чуткий, тонкий, умный ребенок не чувствует этого? Еще как чувствует! И ловит наше невербальное сообщение: говорить об этом не следует. А если и следует, то не с мамой – ей, похоже, не слишком-то удобно рассуждать на эту тему... И если вдруг в глубине души мы лелеем надежду, что, когда придет время, это табу не повлияет на его (ее) отношения, помыслы, действия, – это уж, извините, совсем утопия.

Что же творится с нами? Разве нам не интересно говорить об этом? Что заставляет нас превращаться из ярких, тонких, чутких людей в молчаливых истуканов, не способных вымолвить честного слова? Боюсь, что, как и всегда, в ответе наши собственные привычки, модели, воспоминания. Мы пытаемся оправдать перманентный кошмар интимностью темы, а на деле снова путаемся в собственных страхах. Страхах, подаренных нашим прошлым, которое так пугающе похоже на организуемое нами их настоящее. И будущее.

И на деле мы совершаем очередное предательство, бросая близкого человека просто потому, что нам тяжело (не хочется, не умеется, страшно) говорить о том, что для него важно.

Пугая себя, мы смешиваем все «неудобные» темы в кучу: секс с месячными, мастурбацию с родами, зачатие с порнографией. А в результате сколько детей узнали о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной в таких словах и выражениях, что и повторить-то их не представляется возможным! Скольким заботливые старшие друзья рассказали о том, что сексуальные отношения – это грязь, в которой вымазаны все взрослые и в которой непременно вымажутся и они сами!

...Память хранит страшное воспоминание моего позднего детства: мальчик лет девяти пытается противостоять грязным и гадким подросткам, которые, захлебываясь собственным гогомом, повторяют: «Твой папа е...т твою маму». А он, несчастный, почти плача, лепечет: «Это неправда, не е...т». Ужас охватывает меня до сих пор. И я признаюсь: я не вмешался. Лет тогда мне было что-то около тринадцати. И я совсем не знал, как поступать. И просто стоял в стороне. Социальное во мне убеждало: ты должен гоготать вместе с ними, а сердце сжималось. И сжимается до сих пор. У вас что же, есть сомнения в том, кто виноват в этой мерзкой ситуации? Думаете, не те, кто не смог выполнить своей базисной родительской функции и объяснить человеку суть простых (и прекрасных) аспектов человеческих отношений?! Не смог объяснить не одному только несчастному мальчику, а всем участникам этой жуткой истории. Увы, виноваты мы. И в пошлости, и в гадости, и в бессилии, и в страхе.

Итак, должны ли родители вообще говорить с детьми о сексе? Ответ однозначен: должны! Как говорить? Да правду говорить. О том, что люди любят друг друга, о том, что часто им хочется прижаться друг к другу тесно-тесно – так тесно, что они практически проникают друг в друга. О том, почему такие отношения называются интимными. О том, что бывают такие отношения между самыми любимыми людьми и что это настоящее счастье – испытывать такую любовь. О том, что это часть волшебных любовных приключений, до которых еще предстоит дорасти (да-да, у человека не возникает желание попробовать все, о чем он узнает прямо здесь и прямо сейчас, – он хорошо понимает, что до многого нужно дорасти). О том, что речь идет о настоящем удовольствии – таком, что и рассказать-то словами трудно. О том, что вы завидуете им, потому что когда-то у них будет их первый раз, которого у вас уже не будет. О том, что у женщин есть вагина, а у мужчин – пенис и что эти органы играют важнейшую роль в нашей жизни вообще и в любви в частности. О том, что друг к другу нужно относиться бережно, о том, что зачатые дети в настоящей любви... Много о чем...

Смущаетесь? Объясняйте почему. Только говорите! Разговор о сексе не имеет ничего общего с развратом, напротив – в определенном смысле сам факт разговора уже является прививкой от разврата и пошлости. Ответьте себе честно на вопрос, что пугает вас – это станет чудесным первым шагом.

Вы, конечно, знаете ставшую расхожей фразу, приписываемую Ж.-Ж. Руссо: «Если вы не уверены, что в состоянии сохранить тайну о взаимоотношениях полов до его шестнадцатилетия, постарайтесь, чтобы он узнал о них до восьми».

Кажется, неплохо сказано, а? Помните: завтра может быть поздно. Если человек не узнает о любви от вас, если не услышит от любящих людей, что любовные отношения бывают разными, что есть и прекрасное продолжение их влюбленности друг в друга в первом классе – продолжение, связанное с

возрастом, с ответственностью, с чувствами, – он узнает об этом от ваших врагов. И они-то уж точно позаботятся о том, чтобы в его сознание вошли грязь, пошлость, стыд, ложь. Враги, поверьте, в данном случае не слишком сильное слово. Именно они расскажут, что не существует никакой любви, а только похоть, что все женщины шлюхи, что под одеждой все люди голые, что настоящий мужик должен держать бабу в узде... А что будет дальше – вы и сами знаете...

#дети #секс #семья #отношения #педагогика

Правила для родителей подростков

Правило номер один

Займитесь собой. Если до этого момента у вас не было личной практики осознанности, самое время ее завести. Найдите то, что вам по душе. В противном случае вы постоянно будете искать, к чему придаться в своем ребенке.

Правило номер два

Дышите. Когда вы разговариваете с человеком, у которого внутри революция (например, революция, связанная с так называемым переходным возрастом), всегда в начале разговора нужно физически вдохнуть. Это не фигуральное выражение. Глубокий вдох – и поехали. Всегда-всегда, даже если мы разговариваем на приятную тему.

Правило номер три

Принимать их такими, какие они есть. Но это легко сказать, а что это такое и как это принимать? Напоминайте себе, что вы находитесь сейчас с любимым человеком, которому больно, да-да, больно, даже если вам кажется, что ему хорошо. Помните сказку Ханса Кристиана Андерсена о Русалочке, которой ужасно больно, когда она ходит? Человек в переходном возрасте примерно так и живет: он все чувствует намного ярче, чем мы с вами, – и когда ему хорошо, и когда плохо.

Правило номер четыре

Идите у него на поводу. Даю этот совет с осторожностью, но всем сердцем. Если, например, человек в возрасте пятнадцати лет приходит домой и говорит: «Я хочу мороженое», значит, он верит в то, что вы ему это мороженое дадите, что вы – партнер. Ведь он достиг возраста, когда может и сам взять все, что хочет. Помните это, восхищайтесь тем, что ваши отношения таковы, и «дайте мороженое».

Правило номер пять

Напоминайте себе, что это ваш любимый человек. Он пробует разные способы взаимодействия с реальностью. И если он валяется на кровати и смотрит в потолок, это не значит, что он бездельничает. В этот момент у него проходит колоссальная душевная работа. Как каждый из нас, он имеет право лежать и думать.

Не правда ли, когда у нас начинается новый роман, нам вдруг становится безумно важно, что этот человек любит, чего не любит, какую еду ест, какие фильмы смотрит, в какие компьютерные игры играет. И если он лежит на кровати и смотрит в потолок, нам кажется, что он лучше всех в мире лежит на кровати и смотрит в потолок... Так вот, я желаю вам такого же отношения к вашему ребенку – головокружительного романа с ним.

Правило номер шесть

Рассказывайте о себе. Даже если вам кажется, что его это не интересует. Как прошел ваш день, что у вас получилось, что нет, чего вы боитесь. Это ваш шанс на связь сейчас и в дальнейшем. Не работает с людьми в этом возрасте «Что было в школе? Как прошел день?». Он уже рассказал кому надо, как

прошел его день. Все, что вам остается, это рассказать, как прошел ваш. И тогда не исключено, что он расскажет о себе. Или, во всяком случае, будет знать, что, если ему захочется поделиться, есть ухо, готовое выслушать.

Правило номер семь

Помните о том, что у него появляется много новых интересов. И это будет сумасшедшее счастье, если он пустит в эти новые интересы вас. Бессмысленно затягивать его в старые. Поздно. Если вы – любитель-рыболов и до одиннадцати лет он не «подсел» вместе с вами на рыбную ловлю, шансы, что он полюбит это занятие, невелики. Зато, если вместо рыбалки он начнет метать копьё, у вас появляется шанс пометать копьё вместе с ним. Помните, что рядом с вами находится цельная, органичная, самостоятельная личность и вы можете познакомиться с этим человеком заново.

Главное правило

Создайте ребенку тыл. Человеку он нужен. Особенно в переходном возрасте. «Передовой» ему хватает и без вас. Пусть дом станет для него тылом, где можно побыть слабым, помолчать, когда хочется, просто отдохнуть.

О кризисах

У нас и до подросткового проходит много самых разных кризисов. Мы действительно, как учат нас психологи, во многом замешены на том, что с нами происходит в первые три года жизни. Около трех лет мне становится вдруг ясно, что я – самостоятельная личность. Огромное количество моделей и привычек остаются со мной с того возраста. И способ, которым я проживаю подростковый период, на 90 % зависит от того, что было раньше в моей жизни.

Около семи лет приходит открытие, что вокруг много личностей-миров помимо меня, с которыми я могу вступать во взаимоотношения. А в так называемом переходном возрасте, при сумасшедшей условности этого определения, я начинаю двигаться совсем-совсем самостоятельно и понимаю, насколько мой мир определяет мою жизнь. Открываю, что вообще-то огромное количество того, что в моей жизни происходит, очень во многом зависит от меня, моего внутреннего состояния, моего отношения к событиям.

И это, конечно, революция. Она не обязана быть кровавой: экзистенциальная революция не равна Октябрьскому перевороту. Это пересмотр модели, в которой мы живем: чем больше я всего попробую в этот период, тем интереснее мне будет жить дальше. Проще или нет, это другой разговор. Но интереснее точно.

Конечно, как во всякую революцию, мне живется непросто. Нужно понимать, условно говоря, кто за красных, а кто за белых. И, к счастью или сожалению, именно поэтому возникают полюса: когда я сначала кого-то или что-то безраздельно люблю, а потом так же безраздельно ненавижу. В этот момент я пробую мир на ощупь, учусь понимать его интуитивно, и от этого зависит очень много.

О человечности

Что такое человечность? Мое право сомневаться, ошибаться, брать назад свое обещание, не брать и выполнять, право противостоять инстинктам или следовать за ними. Проверка собственной человечности, в прикладном смысле этого слова, и есть переходный возраст. Мне кажется, фраза из Священного Писания «Царство Божие в тебе самом» – это слова переходного возраста. Все в тебе самом, все внутри, огромный мир.

Наша задача, окружающего мира, взрослого мира, – свести понятия свободы и ответственности. К сожалению, принято считать, что человека в этом возрасте надо опекать со всех сторон. А я могу посоветовать в этом возрасте как можно больше «отпускать его в самостоятельное плавание», давайте ему возможность и право трогать мир на ощупь и проверять. Это может выражаться в самых разных

действиях, как близких сердцу родителей, например читать, смотреть спектакли, получать новые культурные впечатления, так и не близких им, например знакомиться с большим количеством людей, пробовать разные модели коммуникации.

Об изменениях в отношениях

Сомнение – главное качество переходного возраста. Тринадцать-семнадцать – это возраст сомнения и лихорадочной проверки всего на свете. Ведь у меня теперь появились силы отказаться, сказать: «Не хочу, и все!» Я честно могу задать себе разные вопросы: люблю я Оскара Уайльда или нет? Люблю я проводить вечер за компьютером или это навязано моими сверстниками? А на самом деле я люблю суп? Я осознаю, что имею право не полюбить суп, не вдохновиться фильмом, про который родители сказали: «Ты обязан его посмотреть!» У меня появляется право сказать «нет» и сказать «да».

У родителей в этот период тоже происходит открытие. Это ведь колоссально – смотреть на сына или дочку в переходном возрасте и понимать, что любимый человек около тебя является огромным миром, часто новым и незнакомым. Другая сторона этого открытия – вас могут послать к черту, по-настоящему. Если в десять лет родитель произносит: «Доешь суп, иначе ты не встанешь из-за стола», и, давясь, ребенок этот суп доедает, то в четырнадцать лет нет никакого шанса, что он его доест. Он просто встает и уходит, и взрослый в этот момент теряет с ним связь и ужасается: «Он что, сейчас навсегда ушел из-за стола?»

О тыле

Ребенок должен знать, что у него есть убежище. Если у него дома передовая, он будет оттуда убегать. Каждый из нас ищет такое убежище. Это может быть другой человек, компания, группа «ВКонтакте». Все на самом деле очень просто: мы уходим от тех, с кем нам плохо. И хотим быть с теми, с кем нам хорошо.

Когда я сам был в переходном возрасте, мне повезло, у меня был адрес, место, куда можно было уйти, потому что там хорошо и тебя понимают. Куда ты идешь не из чувства противоречия, не потому, что никого больше нет, а совершенно наоборот. Это было делегатское собрание ТЮЗа, околотеатральная организация, которую когда-то придумал сам Брянцев для беспризорников, веря в то, что театр – гениальное структурирующее и изменяющее пространство.

Я туда пришел, и оказалось, что там много таких, как я. А вместе переживать намного легче. Задним числом я могу точно сказать, что меня это во многом спасло. Такое «спасение» должно быть у каждого. Естественно, свое.

О родительских страхах

Родительское дело – бояться. Если взрослые отдадут себе отчет в том, что они боятся, это станет первым шагом к пониманию, что дело в них. И что мучить из собственного страха другого человека – это как минимум неприлично. Бояться и понимать, что я боюсь, – дело хорошее.

Ни в коем случае нельзя шпионить: читать личные дневники, переписку, копаться в вещах. Это точно предательство. Объявление войны. Что вы потом будете делать? Просить прощения всю жизнь? А главное, это ничего не дает.

Надо помнить, что я сделать уже ничего не могу. В десять мог, в четырнадцать уже нет. Что мне остается? Только встать на его сторону. Только оттуда я могу получить доступ к влиянию: взаимодействовать, спорить, убеждать.

Допустим, мой четырнадцатилетний сын или моя дочь поздно приходят вечером, и у нас настолько потерян контакт, что я не знаю, где он и с кем. Я могу запретить ему поздно приходить, и мы понимаем,

что будет после запрета: скандал и ломка отношений. Альтернатива: признать, что я боюсь. Я лежу в кровати и боюсь, и жду, когда он придет, и засыпаю, только когда слышу, что хлопнула входная дверь. Это родительство, ничего с этим не поделаешь.

Я могу сказать ему о том, что я боюсь, рассказать, что чувствую. Могу попросить его приходить не поздно, звонить мне. Потому что это нормально – просить любимого человека что-то сделать для нас, особенно если мы тоже что-то делаем для него.

Переходный возраст – штука сложная. Это период единения с близкими, а вовсе не сражение не на жизнь, а на смерть, как иногда принято его представлять.

И самые замечательные родители, перепутав первое со вторым, могут запросто испортить отношения со своими детьми. Причем надолго.

Никогда не поздно начать. Если вы потеряли связь и доверие, просто вернитесь к тому, о чем мы говорили выше. И чудесных вам приключений переходного возраста!

Убить ребенка

«Нервы женщины не выдержали, когда ребенок не смог справиться с одним из заданий». И мама убила своего семилетнего сына. Вот так.

Дикая трагедия. Но помимо самого несчастья поражает формулировка в заметке: «нервы женщины не выдержали». Как будто с ней происходило что-то ужасное, экстраординарное. И как будто читателю должна быть понятна эта ситуация. Эти нервные затраты представляются совершенно естественными. Как же иначе? Ведь нужно делать домашнее задание, нужно воспитывать.

Эту маму мы... нет, не оправдываем, конечно, но все-таки немного понимаем. Она ведь выполняла свой родительский долг, да, немного переусердствовала, но все-таки. А детей этих мы знаем – просто бестолочи... Ей самой всего двадцать восемь. Она совсем молодая. Но «нервы не выдержали».

В этом кошмаре все одновременно значимо, символично и понятно. Злосчастная мать не сама придумала, что делать уроки ТАК важно. Что это важнее самой жизни. Ее долго-долго этому учили. И эта «норма» оказалось вбитой намертво. А дальше норма так же намертво столкнулась с простой житейской ситуацией. Раз «так надо», а сын не справляется, – значит, не справляется она. А ее учили справляться. И она справилась. Очередная жизнь была положена на алтарь общественных представлений.

«В этом возрасте дробы должны у них от зубов отскакивать», – запальчиво говорит учительница математики об учениках четвертого класса. «Потому что...» – осторожно продолжаю я, ожидая хоть какого-то рационального обоснования. Ответ получаю стремительно-однозначный: «Без потому что, должны – и все!»

А раз «без потому что», думать не приходится. Надо – и все тут! **НАДО!** Значит, любые средства оправданы. Ну, или почти любые. Убивать, конечно, это слишком. А бить? А унижать? А пугать наказанием?

Сколько раз, задавая учителям и родителям вопрос о необходимости того или иного школьного материала, да и вообще образовательного действия, я сталкиваюсь с самым настоящим страхом. Как будто сама постановка вопроса разрушает вековые основы мироздания. «Зачем учить Пушкина?» – «Как зачем, как зачем?! – возбужденно кипятятся взрослые. – Как можно задавать такие вопросы?!»

Те самые взрослые, помнящие процентов семь школьной программы. Хорошо, пусть не семь, а двенадцать. Ладно, ради самых талантливых еще накину: двадцать два. А дальше? Зачем все это было?

Зачем мы поддерживаем этот беспредел сегодня? Зачем сами позволяем превращать себя в инструмент обслуживания институтов подавления? Как превратилась в такой институт школа – быть может, одна из самых чудесных придумок человечества? «Без потому что». Наши учителя добились поразительных результатов и передали эстафету нам.

Знаете, я часто на встречах с родителями и учителями в ответ на «Пушкин – наше все» прошу процитировать хотя бы одно пушкинское четверостишие, не связанное со школьной программой. Результат, думаю, вам хорошо известен. Уверен, вы отлично можете объяснить, почему в аудитории в двести человек (интеллигентных и образованных) поднимается три-четыре руки. Потому что учить Пушкина надо «без потому что». Что и превращает гениального поэта в инструмент подавления. Для большинства – навсегда.

Недавно я предложил детям (4 –5-й класс) один из недельных уроков литературы целиком посвящать стихам, которые выбрали они сами. И вот уже больше месяца мы вместе наслаждаемся стихами Бродского, Фета, Пушкина, Есенина, Бернса, Цветаевой, Лермонтова... Которые они выбирают, с легкостью и удовольствием учат наизусть и радостно несут на урок, чтобы поделиться друг с другом замечательными открытиями. А знаете, почему так происходит? Просто потому что «с потому что». Их выбор, их радость, их наслаждение.

Иногда мне кажется, что система скрипит и раскачивается, что она вот-вот рухнет. Но мы сами и спасаем ее, как будто протягиваем руку утопающему бандиту, который только затем и хочет спастись, чтобы нас же ограбить и убить.

Вот и продолжаем мы обслуживать эту систему, зная, что все тщета, помня со школьных времен, что домашнее задание – одно из самых скучных занятий в мире (о важности которого, впрочем, взрослые слагают лживые легенды), понимая, что зависимость между личным счастьем и дробями, отскакивающими от зубов, стремится к нулю, осознавая, что несем горе своим близким. И нервы наши напряжены все больше и больше. Они на пределе. Но систему мы не предадим.

Убийство ребенка – это очень страшно. Но что мы можем сказать, а тем более поделать?.. Одни равнодушно пройдут мимо: «Это ведь не про нас, мы не убиваем детей», другие вскинут бровь: «Это, конечно, ужасно, но ведь их действительно нужно заставлять, без этого они не сдвинутся с места», третьи объявят мать сумасшедшей, четвертые сочувственно кивнут: «Да, система ужасна, но другой-то ведь нет».

И все мы вернемся к ежедневной рутине. До следующего раза.

#дети #школа #педагогика #общество

Мы их теряем

Мне очень страшно. Я боюсь писать об этом – о детских самоубийствах. Вернее, о провоцировании детских самоубийств. Вернее, о том, в какую нескончаемую бездну мы летим... Я ловлю в позвоночнике липкий страх, но понимаю, что нужно написать, даже если придется силой себя заставить. Хотя бы для того, чтобы самому сформулировать и осознать, в какой пропасти мы оказались.

Если ваша позиция: «Это слишком страшно и больно, поэтому говорить об этом не следует» – прошу вас, просто пропустите эту главу. Нет сил бесконечно читать холодные размышления о том, что лучше помолчать, склонить голову, оставить все как есть. Что все само собой обойдется. Ничего не обойдется! Будет все хуже и хуже. Взрослость – это умение взять себя в руки, говорить и делать. Даже когда цепенеешь от ужаса...

Очередное страшное настигло нас. Наши дети в опасности. И мы вместе с ними. Мы узнали о целой сети, провоцирующей самоубийства. И поднялся... нет, даже не крик, а вой в сети: «Родители должны контролировать каждый шаг ребенка, это и есть родительство! Душевное состояние ребенка – ответственность учителя! Запретить детям пользоваться интернетом!»

Накал страстей воистину величайший. И мне кажется, происходит это оттого, что мы, взрослые, снова не знаем, что делать. Мы стоим на пороге этой действительности, боясь перешагнуть порог, боясь заглянуть внутрь, а между тем обратно уже не вернуться никак...

Меньше всего мне хочется, чтобы мои слова звучали как обвинение конкретным взрослым, пострадавшим и несчастным. Пусть будет благословенна память всех жертв этих трагедий, всех, кто попал в беду. Но я считаю, что мы обязаны об этом говорить, поскольку, как в настоящей классической трагедии, в словах «героев» заключены серьезнейшие намеки.

Напомню фразу, которую говорит учительница в интервью: «Вы понимаете, что мы ее теряем?» Слова эти намного более жуткие и значимые, чем кажутся на первый взгляд. И далее: «Могла ли она что-то знать? Или это роковое совпадение?» Нет, это вовсе не совпадение. Но при этом, я уверен, учительница ничего не знала. Совсем ничего. Вы что, не знакомы с такой формулировкой? Я слышал именно эти слова не от одного и не от двух учителей. «Мы его (ее) теряем» – всего лишь учительский эвфемизм, означающий, что ученик начинает жить не по лекалам, предложенным взрослым миром. Помните, дальше в статье: «У девочки в последнее время появились тройки и двойки». Вот оно! Думаю, ничего не знала несчастная учительница, не подозревала о беде, в которой оказалась ее ученица. И фраза эта – одна из самых расхожих в школе. Хотя и скрывается в ней страшная правда. О нас.

Подумайте, кто эти «мы», которые теряют ребенка? А я подскажу: это взрослые. Учительница как будто априори находится в сговоре с мамой. И со всеми нами. (МЫ!) Все мы, как преступники кровью, повязаны одним пониманием того, как надо жить. Эта постановка вопроса однозначно предполагает, что учительница и мама знают, как нужно и должно. А девочка... а откуда ей это знать?.. Мы ее теряем... Она исправила оценку... Нет, это не мы их теряем, это они теряют нас. И находят других.

В одной из статей-реакций читаю: «Подростки так легко на все ведутся...» И мы снова «проскакиваем» эту формулировку. А ведь сама постановка вопроса дает ответ. Она провоцирующе дискриминационна. Подростки, значит, ведутся? А взрослые не легко ведутся? Те, кто отдает все деньги обманщику, верит каждому слову в попсовой телепередаче? И при этом говорит о себе: «Мы опытные, мы знаем жизнь...»

Происходящее похоже на артподготовку перед введением антидетских дискриминационных законов. Законов, окончательно ограничивающих их права и возможности. Как же, они ведь ничего не смыслят... Мы должны их спасти...

Опять «спасти». Мы, с трудом понимающие, как устроен современный виртуальный (и не только виртуальный) мир, будем спасать. Мы, забывшие о том, что такое подростковые проблемы, давно не подозревающие, как тяжело бывает жить в пятнадцать лет, вычеркнувшие или загнавшие в глубокое подсознание боль предательства и одиночества. И сами «подсадившие» их на идею, что мир вокруг глубоко враждебен... Спасти детей. И спасти опять будут те самые взрослые, которые их туда загнали. Как будто вот-вот будут созданы специальные бригады по оказанию помощи детям... Сейчас мы им поможем. Поймаем – и поможем как следует...

И опять, рефреном, «контролировать каждый шаг, ограничить возраст входа в интернет». Не просить у детей позволения войти в их мир, не ограничить произвол системы образования, не отбросить все и заняться наконец реформой взрослого мира, который доводит детей до самоубийств.

Не задавать себе снова и снова вопрос, как повернуться лицом к нашим самым близким, не разрешить родителям и учителям быть людьми... А вместо этого снова ограничить право детей быть людьми. Вот такое извращение...

Но больше всего меня напугала фраза: «Подростки – это диагноз...» Я не знаю, как это комментировать... Ведь существуют вещи, которые не говорят в приличном обществе. Эта цитата – одно из самых дискриминационных высказываний, которые мне приходилось слышать. Ужас наводит сама мысль о том, что существует консенсус взрослого мира – так в разные времена дискриминировали женщин, черных, евреев, рабов. Но никогда, даже в самые страшные эпохи, не бывало такого, чтобы одна часть населения объявляла другую больными, дискриминируя их по формальному признаку. Не бывало. А вот теперь есть.

А дальше ведь опять все понятно: мы, здоровые, должны опекать их, больных... Мы воем от страха. Нам страшно так, что кровь стынет в жилах. Но это не оправдывает ни нашей лжи, ни боязливого ухода от истинных проблем.

Давайте прекратим сублимировать родительский долг и любовь через истерику на тему самоубийств, на тему устройства современного мира.

Всегда были и будут самоубийства, но тот разрыв, внутри которого вынуждены жить сегодня дети, действительно страшен и для многих из них просто невыносим.

Эту легкость, с которой дети идут на заклятие, создали мы с вами. Мир, из которого хочется уйти. И даже не хлопать дверью... Это мы создали мир, в котором жизнь ничтожна, это оборотная сторона песни «Раньше думай о Родине, а потом – о себе». Когда – потом? Потом, как мы видим, будет поздно. Мир, в котором у них все настолько плохо, что можно не думая гордиться тем, что ты готов умереть.

Я раз за разом пишу о легкости и удовольствии построения открытых человеческих отношений с любимыми. И раз за разом слышу: «Ах, если бы все было так просто» (что другими словами означает: не о чем тут говорить, я делаю все правильно, воспитание детей – тяжелый труд, в создавшейся ситуации виноват кто угодно, только не мы). Как будто страховка от будущих трагедий... «Это может случиться с каждым!» Нет, не с каждым. И наша работа – сделать все, чтобы это не случилось с нашими любимыми. Это приятная работа, самая человеческая из работ...

Ну а пока найдены новые виновные во взрослом безразличии – это группы «ВКонтакте». Спору нет, конкретные сволочи, которые вовлекают наших детей в игру без правил, ведущую к смерти, должны быть обезврежены и наказаны. Но как из этого следует, что нужно ограничить права детей, а не помочь нам самим стать взрослыми и научиться любить и поддерживать?

Следуя этой логике, ничто так не призывает к суициду, как бессмертная книга «Маленький принц». Помните, полагаю? Вы не плакали в подростковом возрасте, читая последние страницы? Вы не были охвачены дрожью от ухода Маленького принца, обставленного как стопроцентный суицид? Отчего же не слышать призывов запретить эту книгу? Не подтверждение ли это того же факта, что мы находимся в сговоре? Про «Маленького принца» как будто существует взрослый договор: это ведь просто романтическая сказка...

Во все времена были добрые и злые силы. Всегда. И всегда, когда добрые силы перестают быть адекватны времени, злые активизируются. Вот и сейчас мы оказались в очередном витке.

Детям все тяжелее выживать в ситуации, когда, с одной сторон, миром диктуется свобода, а с другой – испуганными взрослыми эта свобода объявляется мнимой. А гнет этих самых взрослых усиливается.

Очень страшно. Но на то мы и взрослые, чтобы устоять перед соблазном решить все за счет других (детей, интернета, правительства и так далее). Решать можно только за счет самих себя. Нам признавать, что мы не справляемся, нам учиться, нам мучиться от сомнений, нам скорбеть. Дай Бог, чтобы сил хватило.

#дети #семья #общество #воспитание

Сладкое бремя предательства

И снова предлагают нам поучаствовать в сговоре взрослого мира против детей. Слыхали? Новость сформулирована так: «Следственный комитет хочет обязать врачей сообщать о половой жизни несовершеннолетних».

На этот раз, надо сказать, пафос достиг необычайных высот: «Мы должны их спасти!» Да и когда, впрочем, бывало иначе? Предательства, конечно, могут выглядеть по-разному, но есть и безусловное сходство, объединяющее их, – всегда предатель оправдывает себя высокими мотивами: «Так лучше для Родины, для семьи, для Всевышнего, для детей, для нации...»

Соглашаясь на эту низость, нам в очередной раз придется успокаивать себя подлейшей мантрой: «Это для их же блага». Впрочем, это ведь так по-взрослому – сначала довести людей до состояния, когда они просто не могут позволить себе с нами говорить, а потом измываться над ними же, заявляя: «А что с них взять-то? Они ведь сами не могут отвечать за себя... вот и приходится нам брать ответственность, пусть даже и таким не особо гуманным способом».

Но давайте о практической стороне дела. Представляете, какие последствия такое решение неминуемо повлечет за собой?

Первый результат, думается, самый очевидный: мы в очередной раз демонстрируем неспособность общаться с детьми человеческим способом, в очередной раз как будто призываем не верить нам, не принимать нас всерьез. Разве я, подросток, стану искать поддержки и помощи у тех, кто с такой поразительной легкостью готов предать меня, да еще и оправдывая свое предательство мифическим моим благом?

Во-вторых, резко сократится количество обращений к врачам. Разве я, подросток, стану прибегать к помощи взрослого, пусть даже и в ситуации острой необходимости, если понимаю, что мое обращение станет всеобщим достоянием? Нет, я привычно сохраню свою тайну, пусть даже ценой опасности для собственного здоровья или даже жизни.

В-третьих, мы снова провозглашаем культ силы, культ превосходства высших существ над низшими, когда одни торжественно берут на себя ответственность за других. «Долой права человека: человек в опасности!»

Отдельная тема – половая дискриминация, заключенная в этом диком предложении. Каким, интересно, образом будет проверяться факт сексуальной активности у мальчиков? Ага, вот именно – никаким. С девочками все ведь намного проще, не так ли? Вот им и отдуваться по полной. Прекрасное сообщение взрослого мира подрастающему поколению – как о месте женщины, так и об ответственности мужчины. И заодно попробуйте представить себя на месте этой девочки, которая решает, идти ей к врачу или нет. Когда на одной чаше весов здоровье, а на другой – честь и самоуважение.

До какого же состояния мы довели отношения с детьми, если для того, чтобы их защитить, сначала нужно их поймать, запугать и предать?!

Если мы не просто сомневаемся, а уверены в том, что они не обратятся к нам за помощью и поддержкой в случае беды, что единственный путь их защиты – это их же предательство?

Однако, с другой стороны, если представители закона говорят об этом, возможно, мы чего-то не знаем и ситуация близка к катастрофической. (А я, кстати, вовсе не сомневаюсь, что инициаторы руководствуются самыми благими намерениями. Только это тот самый случай, когда ими выложена дорога сами знаете куда...) А раз так – давайте же что-то с этим делать!

Итак, первое: прекратить прекрасодушничать и однозначно определить понятие насилия. В условиях, когда на полном серьезе обсуждается польза физических наказаний, невозможно избежать насилия. Или, иными словами, воспитывая насилием (даже допуская его), мы, с одной стороны, растим насильников, а с другой – сами провозглашаем насилие нормой. Давайте называть вещи своими именами: **не бывает насилия большого и малого.** И наши дети способны это понять. Если удар по попе считается воспитательным моментом, начинает действовать двойная мораль. А когда рамки размыты и не ясны до конца, появляется «серая зона». Любое физическое действие по отношению к человеку против его воли является преступлением. Точка.

Второе. Если допускается, что просвещение может привести к распущенности (хотя даже простое наблюдение однозначно свидетельствует об обратном), неминуемо растет опасность насилия. Человек должен понимать, что именно является «красной чертой». В частности, должен понимать, что тело неприкосновенно. И ответственность взрослых в том и состоит, чтобы помочь детям понять и принять этот принцип. А если, не дай Бог, случилась беда, осознать это и обратиться за помощью. Такое возможно только в случае, если человек способен классифицировать совершаемые по отношению к нему действия. А гарантировать такое понимание может только просвещение. Ведь если ребенок не получает ответы на свои вопросы от нас, он неминуемо станет искать их у других и, уж конечно, найдет их – например, в подворотне.

Третье. Когда ребенок уверен в том, что ему есть куда обратиться, когда он понимает, что взрослые – люди ответственные, что они готовы оказать ему поддержку, а не окончательно испортить жизнь, он непременно расскажет нам обо всем. Расскажет, потому что это естественно для человека – делиться, просить помощи и принимать ее. И наоборот, когда взрослые – враги, способные увидеть в детях только обузу, распущенность, незрелость, безответственность, никогда они не обратятся к нам. И придется придумывать всё новые жалкие и подлые ухищрения, для того чтобы шпионить за ними. За ними – за нашими самыми близкими и любимыми (во всяком случае на словах) людьми. С людьми нужно разговаривать. Тогда не придется их принуждать.

Путь взаимодействия с детьми, конечно, длиннее. Ведь, чтобы осилить его, нужно работать с педагогами, психологами, вести долгие беседы, сомневаться, создавать программы. А еще надо признать, что воспитывать в данном случае нужно нас – взрослых. Помогать избавляться от наших страхов, разъяснять последствия унижения наших близких, напоминать о любви и ответственности. Наверное, намного проще снова крикнуть «ату его», отнести к ним как к бездумным зверькам и загнать в очередную клетку. Вот только результаты будут теми самыми, которых мы так боимся. Мы ведь многократно пробовали, не так ли?

Остановитесь, взрослые! Предать детей проще всего – они слабее, и потом, многие из них нам все еще верят. Что стоит их обмануть?.. Но это ведь, кажется, тот самый случай, когда они нуждаются в нашей защите? И нам представляется уникальная возможность помочь им. И защитить.

#дети #семья #общество #воспитание

Смерть как повод не писать

Опять чудовищная детская смерть. Совсем недавно мы уже пережили похожее. Да, я имею в виду тот случай с уроком и убийством. Было так же страшно, так же хотелось зажмуриться, потом открыть глаза и убедиться в том, что это просто утка.

самый частый комментарий

Просто утка... Знаете, каков был общий смысл одного из наиболее распространенных комментариев к статье об убийстве ребенка? «Об этом писать нельзя!» А дальше – целая россыпь аргументов: «Вы не смеете умничать на тему детской смерти – это неуважение к чужому горю», «Это же просто частный случай, дикое стечение обстоятельств», «Зачем рассуждать о сумасшедшей женщине», «Это стопроцентная случайность»...

♥ Нравится 📎 Комментарий ↗ Поделиться

Все это очень страшно. Мы боимся даже думать об этом. Вот потому и всплывают в наших головах спасительные определения: «частный случай» и «просто стечение обстоятельств». Ведь они как будто раз и навсегда подтверждают наше право обновить страницу и забыть. Только не останавливаться на этом. Ничего ведь и не было, правда?

И вот прошло всего несколько дней – и еще один частный случай. И еще одна сумасшедшая. И еще одна стопроцентная случайность. Еще один повод не писать. И на этот раз – как последний шанс на спасение – сдавленный стон: «Давайте наградим полицейских!» Не важно, что они сделали, а чего нет. Главное – это было их, а не наше дело...

Нет, я не стану искать причины происшедшего, я признаюсь: мне так же страшно, как и вам. И писать об этом тоже страшно.

Но только одно обстоятельство не дает покоя. Ведь когда «об этом писать нельзя», тогда и крутится убийца полчаса возле метро с отрезанной детской головой, крича «я террористка», а мы отворачиваемся, в очередной раз надеясь, что это просто не может иметь к нам отношения.

Наша готовность объявить все неудобное и страшное «частным случаем» – это и есть ад. Мы уже там.

- Сосед порет сына. Частный случай.
- Учитель унижает детей. Частный случай.
- Мать убивает ребенка. Частный случай.
- Отрезанная голова. Частный случай.

И фоном знакомый гул: «Хватит! Отстаньте! Мы ничего не можем сделать!»

Дорогие друзья! Если мы ничего не можем сделать, это не повод ничего не делать! Слышу опять излюбленный снисходительный вопрос: «Так что же вы предлагаете?» Вы честно спрашиваете? Тогда я честно и отвечу: оплачьте ее. Вот эту убитую девочку. И мальчика, убитого двумя неделями ранее, оплачьте. Настоящими слезами.

И мы начнем замечать. И тогда, даже оставшись частным случаем, все это станет НАШИМ частным случаем. Как и вообще вся наша жизнь. И может выясниться: нам есть что менять. А там, глядишь, станет понятно и что делать.

#дети #общество #воспитание #педагогика

Практика относительности

– У вас есть подготовительные группы?

– Подготовительные... к чему?

– Как к чему? К школе, конечно...

Ах да, как же я мог забыть... точно! Ведь нужно готовиться! Все время готовиться. В детском саду – к школе, в школе – к университету, в университете – к будущей работе... И так далее, пока наконец-то не наступает пора начать подготовку к отдыху в лучшем мире.

Воистину восхитительный продукт мы предлагаем детям (а заодно и самим себе): подготовка к жизни вместо самой жизни! Головокружительная подмена, начисто лишаящая человека настоящего.

Что же это мы? Так и хочется закричать что есть силы: «Ребята, нас опять обманули!» Да-да, обманули, причем на этот раз на редкость жестоко и цинично. И, что особенно обидно, как и во всех подобных случаях, мы сами поддержали этот обман – в надежде на дополнительное удобство, дополнительные преференции в отношениях, дополнительный покой. Что может быть слаще иллюзорных надежд!..

«Занимайся, сынок, потом благодарен будешь». Когда это – потом? Кому сынок будет благодарен? За что? Не за то ли, что в настоящем он вынужден был под нажимом выбрать не то, чего хочется, что кажется важным в данный момент, а эфемерное и зыбкое будущее? Где вы, потратившие 30 % своего детства на занятия игрой на скрипке? Отчего не слышно вашей музыки?

Сейчас потерпи – потом поймешь, сейчас выучи – потом пригодится, сейчас сделай то, чего не хочется, это ведь ради... Да и вообще – готовь сани летом. Даже ценой удовольствия от этого лета. Даже если зима никогда не настанет.

В чем выражаются результаты непрекращающейся, навязываемой, сжигающей самую суть детства подготовки? В поступлении в вуз? В получении достойной должности в будущем? Неужели вы и вправду думаете, что без школы, но с пониманием собственной мотивации – чего я хочу здесь и сейчас – поступление (или, напротив, сознательный отказ от поступления) было бы невозможно? Что соответствие самому себе в будущем возможно, если все детство человека заставляли быть кем угодно, только не самим собой?

Увы, должен серьезно огорчить мечтателей: побочные эффекты подмены работают четко, как часы. Не будет никакой любимой должности, дающей возможность радостного саморазвития, никакого творческого периода в вузе, дарящего неповторимые ощущения познания мира и самого себя здесь и сейчас. Все наоборот, подсадка на ожидание приводит к катастрофическим результатам: прошедшие суровую школу подготовки, наши дети так и продолжают готовиться, вместо того чтобы жить, к возможному повышению по службе, к тому, что вот-вот – уже совсем скоро – появится больше денег (тогда и заживем), к тому, что завтра волшебным образом их отношения с близкими людьми изменятся, что с понедельника они наконец начнут делать то, что по-настоящему любят...

И все это в непрекращающейся попытке доказать самим себе, что эта подготовка и называется жизнью, что иначе и быть не может. Именно на этой попытке самоубеждения, кстати, и зиждется миф о будущей (и прошлой) детской благодарности. Ведь, отказавшись от него, пришлось бы в чем-то признаваться, что-то менять. А менять мы, извините, не обучены – мы умеем только готовиться к изменениям...

«Если бы меня не заставляли, я бы...» Я бы – что? Возможно, выбрал бы другую профессию? Другой образ жизни? Вокруг меня оказались бы другие люди? Это плохо? Страшно? Что вообще это доказывает? Вечная полудохлая синица в руке...

Вот так и превращается жизнь, по хлесткому определению Фаины Георгиевны Раневской, в «затяжной прыжок из п... в могилу». Поразительно, но, именно следуя этому навязанному подходу, мы часто не замечаем ни их роста, ни их новых стремлений, ни их открытий и сами со временем начинаем провоцировать их не замечать нас...

Если спросить у родителей, каким они хотят видеть своего ребенка в будущем, большинство ответит: «Хочу, чтобы был счастлив, хочу, чтобы был добрым, отзывчивым, спокойным и пр.». Так отчего же мы так торопимся превратить их – с возрастом все более редкие – моменты счастья и покоя?

Отчего, если мы видим, например, как человек с удовольствием собирает конструктор (мечтает, рисует, смотрит мультфильм), мы так часто повторяем: «Пойди займись чем-то полезным». Ведь он уже занят этим самым «полезным». Этот страх, что время уйдет безвозвратно, мучает нас с каждым днем все больше и больше. Мучает потому, что мы и сами подсажены на эту сплошную подготовку к жизни. Как это у Достоевского? «Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья – выше счастья...» Вот-вот...

Однако это еще не все, есть у этого подхода и обратная сторона, еще пострашнее первой. В подготовительной парадигме мы и сами как будто становимся обладателями неограниченного времени на установление отношений с детьми. У них ведь вся жизнь впереди! А значит, и мы имеем полное право «не париться». У нас уйма времени, мы еще успеем стать добрыми, тонкими, поддерживающими родителями, а пока – и мы подготовимся... Так вот парьтесь! Времени на это нет. Если мы принимаем их жизнь именно как жизнь, а не как некий разогрев, то и нам самим придется жить уже сейчас.

Пока мы учимся, как с ними взаимодействовать, и осознаем правильность выбранного пути, у них, представьте, безвозвратно проходит детство. Для нас три года могут показаться мгновением, а для них это большая часть сознательной жизни (если, к примеру, им шесть или семь). И никакие разговоры о том, что у них «вся жизнь впереди», совершенно не помогают, да и кто знает, что там впереди... Мы не можем сказать им «подожди пару лет – я научусь, как не обижать тебя». У них этой пары лет нет – они за это время превратятся из младенца во вполне самостоятельного человека, из ребенка в подростка, а то и вовсе окончательно вырастут.

Помните в «Весенних перевертышах» Владимира Тендрякова размышления про кошкино время? Про то, что у кошек и у людей время разное? Так вот, у взрослых и у детей время тоже совсем-совсем разное! Мы снова катастрофически не совпадаем. А они все равно готовы ждать, пока мы научимся, готовы помогать нам меняться, готовы прощать...

Только вот очень трудно ребенку бывает понять, как свести концы с концами, если вся жизнь впереди, но ее никак не догнать...

Как-то мальчику по имени Лева задали сакраментальный вопрос: «Кем ты будешь, когда вырастешь?» И он, не задумываясь, ответил: «Большим Левом». Понимаете? Он даже представить себе не может, что ему только предстоит кем-то стать, – он ведь уже есть...

Это представление мы и разрушаем старательно, пока не разрушим вовсе, не сделаем их и в этом пункте себе подобными. Отчего? От страха? От обиды? От ненависти к самим себе?

Давайте-ка кончать с этим. Дети ведь и тут могут помочь – протянуть руку и вывести нас из этого нескончаемого лабиринта. Они-то как раз живут именно здесь и сейчас. Нам остается просто заметить эту протянутую руку и начать БЫТЬ с ними. Прямо сейчас. Знаете, они ведь такие классные! Да и мы, честно говоря, тоже.

#дети #семья #родители #взаимоотношения #подготовка к школе

Мальчишки были безусы

А мы так и замираем в растерянности, несчастные стареющие подростки. Мы по-прежнему одиноки. Вот уже и собственные дети поражают нас так, будто они нам совсем чужие. «Как же это?! Что же мы пропустили? Неужели они способны на активную позицию, неужели знают, чего хотят?»

А что, собственно, произошло? Ах, да, огромное количество совсем молодых людей в рамках общественных акций последнего времени вышло на улицы и таким образом заявило нам, взрослым, о своем существовании. Неужели действительно непонятно, почему это случилось? Это же так просто! И напрямую следует из всего, что мы о них знаем...

Они просто-напросто сочли, что происходящее касается их лично. Именно так они привыкли жить. Именно так устроен сегодняшний мир. Именно это и «просмотрели» взрослые – их право на самих себя и умение распоряжаться этим правом! Когда им есть что сказать, они просто говорят, они готовы участвовать в диалоге. Только именно в диалоге, а не в прослушивании нашего монолога.

Сколько же можно слушать нравоучения, основанные не на личном опыте, а на лжи, привычках и страхах? Мы имеем дело с людьми, которые понимают и знают, чего хотят. Более того, они владеют необходимыми инструментами, для того чтобы взаимодействовать с миром. Современное поколение обладает такими явными и понятными чертами. Причем черты эти проявляются постоянно, только замечай! Это социальные сети, в которые почти не проникает скучная взрослая косность и которые и научили их этому самому диалогу (взрослые обычно называют это уходом от действительности), это их поразительная многозадачность, позволяющая делать несколько дел сразу, а кстати, и выделять главное, но только не наше, а их главное (а мы зовем это неумением сосредоточиться), это их понимание собственного «я» (на нашем языке именуемое тупостью и упрямством).

Да, из взрослого нравоучительного бурчания родилась апатия. Замечу, в большей степени наша, чем наших детей. Их апатия, к счастью, относится вовсе не к жизни вообще, а к нашей, взрослой жизни. Нам-то все кажется, что им ничего не интересно, а они лишь не принимают то, что всеми силами пытается всучить им взрослый мир. Ухватившись за потрепанный томик Тургенева, мы твердим, что без него не прожить, а сами не в состоянии провести вечер с собственными детьми, говоря на понятном им языке...

Нынешние дети мастерски умеют взаимодействовать с современным миром. Так что ничего особенного не произошло – мы просто стали свидетелями того, что наши дети умеют жить.

Из взрослой формулы «если ты сейчас не сделаешь так, как я говорю, всю жизнь будешь жалеть» следует только одно: взрослые совсем **не ориентируются** в мире, совсем **не знают**, что будет дальше и **как это** «дальше» **связано** с «нынче». Лучшее тому доказательство – разрыв этой «закономерности» в жизни самих взрослых.

И еще один взрослый вопрос преследует нас: «Как же они не боятся?!» Но и на это есть понятный ответ. На языке «психологии на одной ноге» это называется перенос. Проще говоря, боимся тут мы с вами. А они отвечают учительнице, что не станут платить за уборку в школе, не потому, что хотят нахамить ей (как в недавнем ролике), а потому что бояться-то тут вовсе нечего, представляете? Ну а кроме того, мы-то ведь этого не делаем, кому же еще, как не им?

Наша заикленность на собственном комплексе неполноценности («они нас совсем не уважают»), к счастью, привела к тому, что авторитет для наших детей – тот, кто для них действительно интересен и важен.

Я не хочу приукрашивать: все люди разные, вне зависимости от возраста. Но у нас с вами снова появилось окно возможностей: они опять протягивают нам руку, они рядом, они прекрасны! Часто

приходится слышать инфантильную фразу: «Нужно учиться у детей». Так не хотите ли поучиться? Вот он, этот момент!

Неужели мы так и будем переходить от праведного гнева (им ничего не интересно) к слезливому умилению (ах, какие славные деточки). Эдак снова все пронесется мимо нас. И опять мы будем вынуждены вести свою скучную взрослую жизнь, тайком тоскуя по жизни детской, как будто нас просто забыли в лагере по окончании смены... А может, вместо этого примем их такими, какие они есть? И наконец поговорим?

А строфу Александра Галича я с удовольствием напомним вам целиком:

*Мальчишки были безусы —
Прапоры и корнеты,
Мальчишки были безумны,
К чему им мои советы?!
Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды —
Они ж по ночам: «Отчизна!
Тираны! Заря свободы!»*

♥ Нравится 📧 Комментарий ↗ Поделиться

Про порно – задорно

Как же любим мы в последнее время разгуляться на тему «Дети и интернет». Информационных поводов для спекуляций хоть отбавляй. Впрочем, один, конечно, превосходит большинство предыдущих. Не так давно до сведения изумленной публики наконец-то было донесено истинное откровение: каждый третий из тех, кто смотрит порно, становится бесплодным.

Смех смехом, но тут, безусловно, есть о чем говорить, причем всерьез. В самом деле, как нам, взрослым, относиться к этой проблеме – дети и порно? Ведь порносайты действительно существуют, и не просто существуют, они более чем доступны. Доступны настолько, что сегодня довольно трудно (чтобы не сказать невозможно) вырасти, не узнав об их существовании.

Давайте зададим наш главный педагогический вопрос: чего мы, собственно, хотим? Или хотя бы чего не хотим? А еще конкретнее – чего боимся? Если исключить манипуляции и выдумки ревнителей нравственности типа «у вас ладошки покроются шерстью», обычные опасения и страхи в данном случае можно свести к следующему: если дети увидят порно, им будет нанесена непоправимая травма. Нередко мы довольствуемся таким ответом самим себе, но на этот раз давайте попробуем продвинуться чуть дальше.

Травма, если говорить простым языком, чаще всего возникает, когда мы сталкиваемся с каким-то явлением, к которому оказываемся не готовы. То есть когда наше сознание не может допустить того, что происходит. «Этого просто не может быть. – как будто восклицает вся наша система. – я не могу с этим справиться, я от этого готова сломаться!» В такие моменты мы оказываемся вне выбора. Выбор попросту становится невозможен, ведь с нами происходит то, чего ни в коем случае не должно было произойти, следовательно, и готовности к подобной ситуации, предполагающей выбор того или иного поведения и отношения к ней, у нас нет и быть не может. (Кстати говоря, на мой взгляд, именно это происходит иногда с людьми, предлагающими запретить интернет или часть контента: их сознание в определенном смысле травмировано, и вместо того чтобы заняться осознанием какого-то явления, поиском способов взаимодействия с ним, они ищут спасения в отрицании. То есть призывают нас исключить само явление.)

Сегодня просто невозможно оградить человека от информации. От любой информации, включая ту, которую мы с вами можем считать «нежелательной». Ведь даже если мы с вами введем все родительские контроли на свете, отключим интернет, выбросим телевизор, перережем все электрические провода и наглухо задернем шторы, информация нас настигнет.

Телефон школьного приятеля за пару минут обеспечит нашему любопытству глубокое удовлетворение. Причем, заметим, чаще всего полученная информация будет совсем не такой, как нам с вами хотелось бы, – и по форме, и по содержанию.

Что же нам со всем этим делать? Как справиться с этим противоречием? Неужели просто сидеть сложа руки и ждать, пока они встретятся «со всей этой гадостью»? Неужели мы ничем не можем помочь нашим детям? Спокойно, друзья, есть хорошие новости.

На самом деле, исходя из вышеизложенного, все не так страшно. Нам ведь нужно просто сделать так, чтобы человек в данном случае не оказался в неподвижной ситуации, чтобы он обрел право на собственное отношение к происходящему. В частности, многие родители были бы рады, чтобы их ребенок, увидев «нехороший» сайт, просто... закрыл его. Да-да, именно так. И, поверьте, это возможно! Еще как! Но вот для того, чтобы так и случилось, он должен быть готов к такой «встрече с прекрасным». А для этого у него должен быть другой способ удовлетворения собственного любопытства. И лучший из способов – возможность говорить с теми, кого любишь, чье мнение ценишь, на любую, в том числе, конечно, и такую интересную тему.

Большинство родителей, безусловно, хочет оградить детей от опасностей, которые подстерегают их в самых неожиданных местах. Вот только когда путь, который мы для этого выбираем, сводится просто к отрицанию того или иного явления, мы не только не оберегаем своих близких, мы скорее, напротив, множим опасности. Вместо того чтобы помочь любимому человеку подготовить его к разным сложностям, снабдить необходимыми инструментами, мы практически оставляем его безоружным – один на один с этими самыми опасностями (ведь шансы на то, что он никогда не узнает о существовании тех же порносайтов, ничтожно малы – так задумайтесь же, что произойдет с ним, когда его приятель, криво и мерзко усмехаясь, продемонстрирует ему, «как устроена жизнь»).

В случае, если человек (любого возраста) знает, с чем он имеет дело, у него появляется выбор. Он становится хозяином собственного поведения.

И тогда тому самому приятелю он может ответить: «Смотри сам, если хочешь, я не стану. Просто потому, что не хочу». Или, скользнув взглядом по картинке или видео, закрыть ее. Или (о ужас!) все-таки задержаться на этом сайте, имея к этому моменту собственное мнение и понимание. А потом, возможно (если захочется), рассказать об этом нам – тем, кто умеет отвечать на вопросы, сочувствовать, делиться, объяснять. Это ведь и есть та самая защита, о которой мы твердим: умение сказать нет, понимание того, что с нами происходит, способность анализировать и сопоставлять, наконец, право на самого себя.

«Что, собственно, из всего этого следует? – спросите вы. – Нам что же, смотреть порно вместе с детьми?» Конечно же, нет! Ведь для того, чтобы рассуждать о Зимбабве, например, нам не обязательно там жить или даже бывать. Для того, чтобы наши дети узнали о существовании воров, нам не нужно симулировать кражу. Чтобы остерегаться ядовитых грибов, не нужно их пробовать. Дети узнают обо всех этих явлениях с нашей помощью. А вот когда одно или несколько явлений исключается из нашего человеческого обсуждения, когда мы, подобно Коробочке из «Мертвых душ», заявляем: «Нет такого помещика», мы, с одной стороны, отправляем их на поиски ответов, а с другой – оставляем беспомощными в момент, когда они эти ответы найдут.

И о сексе, и о порнографии, и о нашем отношении к первому и второму они должны узнать от нас. И да, это по-настоящему здорово говорить с любимыми людьми, тем более на такие интересные темы!

Вот это и есть наше родительское дело.

#интернет #дети #семья #секс #общество #воспитание

Манифест ретроградов

Ну что, детишечки, мы, взрослые дядьки, снова собираемся вас облапошить. Дух воздвигается, и чувствуется приятное томление в груди – еще бы, ведь это увлекательное занятие, обманывать детей, – наше любимое дело! Любимое и чаще всего успешное. Да и как ему быть неуспешным, ведь вы, маленькие дурачки, привыкли верить нам – взрослым дядькам! А хоть бы и не верили – наплевать, сила-то все равно на нашей стороне!

Ах, как было славно, когда мы запрещали женщинам голосовать. А потом когда ограничивали права людей в зависимости от цвета кожи, указывали слабым их место... Все в прошлом, все у нас отняли. Кто у нас остался-то, кроме детей?! Вот за вас и возьмемся! Что вы сделаете? Раз и навсегда вам должно стать понятно, кто хозяин в доме.

Итак, посоветовавшись, мы пришли к единому решению: хватит размениваться на такие мелочи, как убеждение вас в необходимости корпеть над невнятными учебниками в школе и запреты заниматься тем, что вам нравится. Не пора ли, чем черт не шутит, замахнуться наконец на то, что является действительно важнейшей частью вашей жизни, – на интернет. А он ведь и впрямь пугает: мы и знать не знаем, как оно устроено – детство с интернетом, да и откуда нам это знать? Мы в детстве все больше по подъездам гадили и слова всякие на заборах писали. Все было так просто и понятно, а теперь поди ж ты! Любой пятиклассник – эксперт в этом самом интернете. А мы что же? Отменены? А потом, социальные сети – это ведь, знаете ли, и правда может оказаться по-настоящему опасным для нас: там и диалогу можно научиться, и узнать, чего вам знать не надо. А мы тогда на что? А контроль? А воспитание?

Так что хватит, поиграли – и будет. Тем более и оправдание само напрашивается: «Мы так за вас волнуемся!...» А раз волнуемся, конечно, нужно не разбираться со своим страхом, а просто устранить его причину! Непонятна книга – сжечь! Раздражает музыка – объявить пропагандой! Не нравится одежда – закрыть магазины, слишком активны – примерно наказать.

Да и соблазн погордиться у 62 % россиян, которые поддерживают запрет, непреодолим. Они настоящие молодцы! Так давайте же оставим их в неведении о том, что есть другие способы общения с детьми помимо запретов. Скроем, что так долго их обманывали, заявляя, что дети – маленькие недочеловечки, не расскажем, что от общения с детьми можно получать настоящее удовольствие, не станем освобождать их от предрассудков и предубеждений, которые мы и нам подобные сами создали. Лучше напугаем еще разок до смерти, куда они денутся – испугаются!.. и присоединятся к запрету. Не объяснять же им, что родительские функции состоят в первую очередь в поддержке, принятии, сомнении. Что взрослым во всех поколениях приходилось догонять ускользающую от них современность для того, чтобы оставаться рядом с любимыми детьми, чтобы быть им полезными, чтобы стать тем самым адресом, по которому дети обращаются в случае беды.

Проще запретить. И пусть несчастные, запуганные, замордованные действительностью взрослые плодят себе подобных! Пусть отношения с любимыми строятся на запретах и унижении. Этого нам и надо! Вы ведь, деточки, нам только мешаете оставаться такими, какие мы есть. Так вот, мы не позволим вам изменить нашу суть! Запретим все, до чего дотянемся! Посмотрим, как вы попляшете без интернета, соцсетей, без самого духа современности.

Будьте же такими, как мы! Во всем. Это даст нам хоть какую-то уверенность в том, что мы живы... Пусть нам твердят про дискриминацию, пусть укоряют и пугают страшными последствиями – мы живем сейчас, нашей буйной страсти нужна подпитка! И мы нашли ее – глумление над детьми, они ведь не смогут сопротивляться!

Мы существуем! Мы нужны! Ведь без нас наступит это проклятое настоящее, когда человек является человеком сам по себе – вне зависимости от возраста, пола, цвета кожи. Нам в таком настоящем жизни нет. Так что мы еще поборемся. И не надейтесь на лучшее – это не в последний раз. Мы себя еще покажем!

#интернет #дети #семья #общество #соцсети

Прощальный симптом

Ну вот и нашлось для нас, взрослых, новое интересное дело. Даже с официальным названием – «профилактика подросткового суицида». И то правда, у нас ведь проблема: низшие существа опять не хотят жить по нашим законам, и не просто не хотят, а еще и доказывают это делом. Слишком явно и страшно доказывают, чтобы можно было продолжать это нежелание игнорировать. Так что придется научить их уму-разуму. Вот только как бы за это взяться?.. А впрочем, какая разница? Не важно! Главное, скорей в дело! Скорей, ведь иначе нам может стать жутко по-настоящему. Жутко не только читать об этом, не только думать, даже жить рядом с ними. Поэтому в бой! Будем бороться со смертью! Пусть даже ценой жизни.

Слово произнесено, и, разумеется, пошла писать губерния...

Предложения, конечно, самые разные: разъяснение пагубного влияния интернета на неокрепшие умы, вовлечение подростков в трудовую школьную и внеклассную деятельность, беседы с психологом, классные часы. А в одном из управлений образования предложили и самый современный и гуманный способ взаимодействия с людьми: «ежедневная проверка кистей учащихся, на которых игроки оставляют кровавые отметки, подтверждающие, что они находятся «в игре».

Обратите внимание – ни одного вопроса к самим себе, ни одного сомнения: взрослые, как всегда, уверены в том, что они знают, как нужно поступать, знают способ, как сделать жизнь детей правильной.

Опять мы станем что-то втолковывать им, вместо того чтобы меняться самим. Мы будем нудно объяснять, что они ошибаются (вот только проблема в том, что мы обманывали их так много раз, что они потеряли способность верить нам. Но верить кому-то ведь надо – возможно, именно поэтому с такой поразительной легкостью они становятся добычей преступников). Мы будем рассказывать, что жизнь прекрасна (в то время как они ежедневно наблюдают чудные образцы этой «прекрасной жизни», и когда те же преступники скажут, что жизнь – дерьмо, это будет так похоже на правду). Будем заставлять их, наконец, жить так, как должно (и они с такой поразительной легкостью угадают, что сами мы давно уже не задаемся вопросом, как должно).

И только одно взрослый мир привычно позабудет сказать ребенку: ты для нас важен и ценен. Ты самостоятельная цельная личность. Ты можешь не волноваться, твоя жизнь принадлежит только тебе. Никто – ни семья, ни школа, ни государство – не смеет посягать на нее! Ты можешь и должен сам принимать решения, выбирать, что для тебя важно, делать свое настоящее ярким и значимым, самостоятельно контролировать свою жизнь. Мы рядом, мы всегда поможем. Мы будем просто счастливы, если сможем оказаться тебе полезны.

Для того чтобы сказать это, необходимо в это поверить. Такие слова не рождаются сами собой. Они требуют остановки и осознания.

♥ Нравится 📎 Комментарий ↗ Поделиться

Для этого необходимо всерьез, принимая собственный страх и разочарование в самих себе, подумать: отчего они не хотят оставаться с нами настолько, что готовы уйти навсегда? Как с нами это случилось? Отчего грязные подонки, питающие мертвечиной собственное эго, оказываются для них авторитетнее и важнее, чем взрослое окружение? Что, черт побери, мы делаем не так? Неужели не пришло еще время для честного разговора? Неужели снова мы продолжим управлять ими, объясняя жуткие неудачи частным случаем?

В системе, которая ставит одних людей выше других, причем по формальному признаку (в данном случае по возрасту), «низшие» всегда будут использовать любые пути для освобождения, для доказательств своего права на самих себя, на свободное существование. Дальше все зависит от структуры личности, принятой в ближайшем кругу культуры, психического состояния. Это в определенном смысле русская рулетка – мы не знаем, что нам выпадет: легкий подростковый бунт, бездельное смирение, депрессия или самое страшное...

Способ управления «низшими» существами, который на сегодняшний день выбирает система, кажется беспроблемным. Он многократно проверен и в прошлом, и в настоящем на других слабых, обездоленных, униженных. Вы ведь знаете, как это работает, правда? Нужно регулярно сообщать им, что они никчемные существа, что у них ничего не получается, что они не готовы к жизни (нашей высшей жизни), что мы знаем, как надо, а они нет (и как бы ни было им тошно от этого «как надо», придется повиноваться), что мы имеем полное право их оценивать, а они должны все силы отдавать тому, чтобы соответствовать нашим желаниям. Вы действительно хотите увлечь их этим проектом?

Дети стараются изо всех сил, только бы дотянуть, только бы вырваться из этой изошренной западни, о которой взрослые предпочитают лишь ностальгически вспоминать. Закатывая при этом глаза и сочно причмокивая... А на деле мы используем большинство возможностей, для того чтобы испортить им период, который называется детством. Продолжая лживо ностальгировать, мы на деле транслируем, однако, что ценного в детстве ничего нет, ибо существует оно для того, чтобы готовиться к настоящей, взрослой жизни. Мы заставляем их влачить бесправное существование, когда любой человек старше тебя по возрасту имеет полное право практически на любое унижение. При этом мы не забываем и требовать благодарности (мы тебя учим/воспитываем/одеваем/развлекаем/готовим к жизни).

Желаете всерьез поговорить о профилактике? Что ж, давайте. Итак, главный пункт в профилактическом процессе – это любовь к жизни. В первую очередь к своей собственной. Просто помочь человеку понять, что нет ничего ценнее жизни и ни государство, ни школа – ничто не сравнится с нею.

Правда, есть несколько небольших проблемок. Во-первых, любовь к жизни не может быть абстрактной (ага, никакого «я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно»). На практике это означает, что просто нужно быть счастливым. Причем в конкретных пунктах. Любить каждый день возвращаться домой, любить вставать пораньше и бежать в школу, любить говорить с друзьями и близкими, любить есть то, что приготовила мама. Получать от всего этого удовольствие, понимаете? А если и в школе, и дома я вынужден посвящать всего себя лишь тому, чтобы избежать неприятностей, не жить, а именно спасаться от несчастий, то разрыв между мной и счастьем (даже не проговоренный, интуитивный разрыв) будет только расти и расти.

Во-вторых, нельзя одной половиной рта рассказывать, что высшая ценность – это отдать жизнь не зря, а другой убеждать человека в том, что расставаться с ней не следует. Почему он должен верить второму, в то время как мы изо всех сил стремимся, чтобы он поверил первому? Разве не следует из навязчивого телебурчания, что дело только в цене? Что лучшие образцы «жизни не зря» – это отдать жизнь за правое дело? Ведь если высшая доблесть в том, чтобы жизнь отдать, дальше уже дело торговли... А дальше, знаете ли, это ведь субъективная трактовка – что считать правым делом.

В-третьих, культ и поощрение силы не может не обернуться насилием и даже убийством, в том числе и самого себя. Почему, если семейное насилие объявлено нормой, насилие над самим собой считается отклонением? В чем разница? Трудновато найти ее, особенно тем, кто находится в самой острой фазе проверки жизни на правду и прочность, – тем, кого фальшиво именуют подростками, в самом именовании как будто стремясь подчеркнуть их недочеловечность.

В-четвертых, пришло время вспомнить, что на дворе XXI век. Взрослые часто становятся похожи на людей, стремящихся игрушечной плотиной остановить Ниагарский водопад. Наши дети не просто открыты для информации, они находятся в свободном плавании в этом океане. И когда они сталкиваются, с одной стороны, с декларируемой открытостью современного мира (социальные сети, возможность связи с любым человеком на планете, современная культура взаимодействия с действительностью), а с другой – с домостроевскими указаниями типа «в моем доме я не позволю...», это может стать для них непреодолимым противоречием, требующим практического разрешения.

Вы ведь наверняка помните главный вопрос подросткового возраста – зачем я живу. И знаете, ответ в определенном смысле действительно зависит от нас. Если единственный вариант – затем, чтобы стать как все взрослые, то «увечковечивание души» в интернете, которое рекламируют интернет-убийцы, может показаться правильным ответом. А мы между тем все продолжаем обсуждать их жизнь, не спрашивая, что они думают, подыскивая все новые инструменты влияния и подавления, не подозревая самих себя ни в чем, ища лишь подтверждения наших идей. «Увязшие в собственной правоте, завязанные в узлы...» Куда им идти, как выбраться из этой западни, где процветает самая пошлая дискриминация?

Согласитесь, мы должны уж очень сильно врать самим себе, если, отвечая на вопрос, почему человек покончил с собой, мы не даем самый логичный ответ: «Потому что ему настолько плохо жить, что самый страшный шаг представляется освобождением». Впрочем, понятно, ведь это может значить, что ему плохо именно с нами. И ради того, чтобы избежать этого варианта ответа, мы готовы идти на любой подлог и обман.

Единственное, чего мы не можем добиться от них силой, – это жить. И страшно оттого, что они нащупали этот «баг» в нашей программе.

Подонков надо находить и сажать. И, уверен, большинство взрослых были бы готовы всячески содействовать этому. Но только проблему это решит лишь частично. Ведь самоубийство – это конец пути. И путь к нему длинен, но, к несчастью, относительно прост.

Сперва дети лишаются воли: это начинается исподволь, с проникновения во все сферы их жизни, от выбора друзей и одежды до права на собственный интерес. И вот они уже чувствуют, что и шагу не могут ступить самостоятельно. «Мам, а можно?..» – спрашивают они по любому поводу, не в силах определить что для них верно, а что нет. Постепенно растет и крепнет их неверие в себя, и сами они уже не понимают, что любят, а что ненавидят.

Далее детям объясняют, что они ничего не стоят без руководства взрослых. Их называют неучами, им объясняют, что из них ничего и никогда не выйдет, что единственная причина и смысл жить – это удовлетворять желания сильных, имеющих эксклюзивное право ставить задачи и раздавать оценки.

Так приходит осознание, что жизнь может быть важна и интересна не сама по себе, а лишь глазами других.

Потом их подавляют – на любую тему и любыми средствами: не прыгай, не болтай ногами, не мешай мне, не смотри, не говори так. Любой проступок (проступок, конечно, по мнению высшего существа) предусматривает жесткое наказание – лишение самости (ты не будешь делать то, что любишь, я отниму у тебя то, к чему ты привязан, ты будешь унижен публично, я воспользуюсь твоей слабостью и сделаю тебе больно и пр.).

Так взрослые совершают головокружительный кульбит и из близких друзей превращаются сначала в начальников, а потом и во врагов. А параллельно дети все наблюдают и наблюдают ту самую жизнь, к которой их так усиленно «готовят». И, боюсь, мягко говоря, не очаровываются ею. Вот и получается, что в своем настоящем находиться невыносимо, а будущее далеко и безнадежно. И они всеми силами ищут спасения.

Да, речь, к счастью, идет о мизерном проценте детей, которые сводят счеты с жизнью. Да, это дети с особой психикой, уже доведенные до крайнего состояния. Но кто знает, скольким нашим близким приходила в голову эта идея? И так важно, чтобы в миг сомнения они с относительной легкостью находили причины остаться с нами.

Общая тенденция, на мой взгляд, налицо: большинству из них просто живется плохо. И лучшая профилактика состоит в том, чтобы жилось им хоть чуточку лучше.

Воистину, пустая жизнь – длинная и страшная болезнь. А самоубийство – ее последний, прощальный симптом.

#школа #семья #суицид #воспитание #педагогика #синие киты

Одиночество отчаяния

Мне одиннадцать. И у меня никого нет. Нет-нет, вы не поняли, конечно, у меня есть семья, и я ее очень люблю. Но семья – это семья. А с кем мне говорить о своих бедах и радостях?

С мамой? Но она в ответ на мои рассказы вечно начинает учить меня, как на самом деле нужно было поступить.

Кстати, я совсем не против, наверное, она права. Ее взрослый опыт подсказывает ей подходящие поступки. Кроме того, я ее понимаю: она ведь хочет как лучше, хочет меня защитить. Но что поделаешь – я все чаще с ней совсем не согласен. Просто чувствую, что не согласен, а объяснить почему пока не умею. Так и получается, что спорить не с чем, и я делаю вид, что все понял. И снова попадаю в безвыходное положение. Конечно, по своей собственной вине, тут и спорить нечего...

С папой? Но ведь он так занят, я совсем не хочу ему мешать.

Он, кажется, с удовольствием проводит со мной время иногда, но я не знаю, как попросить его серьезно поговорить. И я только молчу и думаю. В силу возраста у меня еще нет настоящих друзей, это только разные люди, с которыми приятно поиграть, поболтать о том о сем, но открыть свое сердце невозможно. Мы просто этого пока не умеем.

Помню, когда мне было шесть, мы переехали в новую квартиру. Родители были очень рады, и я старался радоваться вместе с ними. Как умел. И вот мы идем в детский сад. В новый детский сад. Идем туда уже в пятый или шестой раз. И мне страшно и плохо. Потому что я совсем ничего там не понимаю, и мне кажется, что я малюсенький, а все – огромные великаны, которые меня просто не замечают. Идем мы с папой. Он, конечно, торопится на работу, я знаю это. Иду и молчу. У меня сильно-сильно

болит живот. О чем тут говорить? Да и что сказать? Дело ведь не в том, что меня, например, обидели. Я, честно говоря, просто и не знаю, в чем тут дело. Скажут «привыкнешь», как и говорили не раз. А я и не понимаю совсем, что означает это самое «привыкнешь»... Знаю только, что сейчас мне так страшно, как никогда еще не было. И живот болит от этого. Все, что я чувствую, – это щемящее одиночество. Я не умею быть с ним. Возможно, меня кто-то мог бы научить с ним справляться, но кто меня научит? Я ведь один.

Еще совсем недавно я даже не думал обо всем об этом, я чувствовал, что мои родители защитят меня, объяснят все, что я должен знать. Сам не знаю, как произошло, что эта уверенность куда-то исчезла...

Все случилось незаметно, само собой. Сначала я просто начал замечать, что мама все чаще раздражается. Раньше она была такой терпеливой и могла сколько угодно раз отвечать на один и тот же вопрос, пока я все-все не пойму. А стоило мне пойти в школу, как она чуть что начинает нервничать и говорить что-то типа: «Ну как же ты не понимаешь, это ведь все знают». А я-то знаю, что это совсем не так. Это просто учителя придумали такой прием, чтобы с нами было попроще.

А еще теперь родители часто стали рассказывать мне, что я не прав. То есть что все правы, а я нет. Все – учитель, бабушка, младшая сестра. Может, это и значит становиться взрослым? Когда, как ты ни поступишь, все равно окажешься не прав...

А дальше вообще стало происходить что-то странное: я понял, что вопросы родителям задавать вообще не стоит. Потому что часто они вызывают у них такое состояние, что их просто становится жаль. Так было, например, когда я спросил папу (уже давно, пару лет назад, когда мне было девять), что такое презерватив. Я слышал, как мальчики произносили его и смеялись, а когда я спросил, что это, они засмеялись еще больше и сказали «спроси у родителей». Я спросил, а папа сказал, что такого слова нет, что мальчики просто его придумали от дурасти. И сразу стал нервничать и спрашивать, «как вообще дела в школе». Теперь-то я знаю, что это такое, но папино смущение запомнил. Потому что сам смутился – наверное, в моем возрасте вопросы задавать уже не стоит? Зачем же мне его мучить? Сам должен разобраться. Проблема только в том, что со слишком многим нужно разобраться. Самому.

От всего этого холод пробегает по спине, и руки часто становятся влажными, и сосет под ложечкой. И хочется плакать. Может быть, я болен, и это такой диагноз – «одиночество детства».

Еще я очень боюсь того, что будет со мной дальше. Ведь пока чувство только усиливается. Потом мне будет двенадцать, тринадцать, четырнадцать. Я так боюсь, что это выжигающее душу одиночество останется со мной на всю жизнь! Боюсь так и не научиться говорить об этом. Боюсь, что, для того чтобы изжить его, я буду мучить жену и детей, стану заводить любовниц, буду вечно метаться между разными работами и людьми. Или, наоборот, замкнусь и уговорю себя, что это и есть жизнь.

Взрослые, поверьте, мне ничего от вас не нужно. Вы вечно боитесь, что вам будут «давить на чувства», даже понятие такое придумали: когда вам говорят о своей боли, значит, давят на чувства. Так вот, я не давлю, просто как умею рассказываю о себе. (Когда я вырасту, то, наверное, забуду об этом, так же как забыли вы, но пока помню – делюсь.) А вы уж сами как-нибудь разберитесь с этим давлением. Поймите, я ведь впрямую и сказать-то толком не могу, нет у меня такой возможности. Во-первых, это очень трудно сформулировать – в моем-то возрасте! А во-вторых, представьте, говорю я такой: «Как же я одинок...» Да взрослые просто с ума сойдут. Что они делать-то станут, сами подумайте?

Я спасаюсь от одиночества, придумывая все новые способы. Я честно стараюсь подружиться с миром. Почему же вы все судите и судите: с кем дружу, как учусь, что ношу, какую музыку слушаю.

Вы ведете себя так, как будто сами не бывали на моем месте, как будто забыли, каково это – когда тебе одиннадцать и ты так одинок. Не потому ли и детство вы описываете как нескончаемый идиотский праздник, чтобы вытеснить и забыть. Уговариваете себя бесконечно, что они (то есть мы) выдумывают, кривляются, манипулируют. Страшен этот капкан. Подумайте, даже правду вам приходится оборачивать ложью. Все эти бесконечные разговоры о том, что родительство – тяжкий труд. А ведь все наоборот: если вы начнете верить, что дети живые, то как раз обретете свободу. Потому что поверите, что живые вы сами. Если мы можем быть одинокими, значит, и вы имеете право на грусть, слабость, одиночество, если мы плачем ночами, то и вы можете плакать сколько хотите...

Я не прошу вас ничего менять. Но почему же не посмотреть лишний раз в наши глаза? Не промолчать, когда очередная воспитательная гадость подкатывает к горлу? Не вспомнить, как было с вами? Не позволить нам и себе немного отдохнуть?

Я не хочу взрослеть. Вру, что хочу, потому что все договорились, что дети стремятся стать взрослыми. На самом деле я страшусь этого, боюсь, что будет еще страшнее. Как мне быть, посоветуйте? Нет ответа. Да и откуда – никого ведь нет: все взрослые заняты воспитанием меня...

Да-да, я знаю, родителям и так очень тяжело, у них и без меня комплекс неполноценности. И хватит ныть! И нужно родителей поддерживать.

Да я бы поддержал... Только у самого нет никаких сил.

#дети #семья #одиночество #воспитание #педагогика #лучшие блоги

О школе, честности и рок-н-ролле

Мы движемся в проложенной колее, не решаясь и не желая совершать какие-либо маневры. Как будто находимся во власти попсовой мелодии, невольно втягиваясь в примитивный ритм и пошлую гармонию.

- «Умцы-умцы» ...**Ах, какой кошмар этот новый министр...**
- «Умцы-умцы» ...**Ах, что же будет со школьной программой...**
- «Умцы-умцы» ...**Ах, как неуважительно отнеслись к учителям...**
- «Умцы-умцы» ...**Ах, неужели введут единые учебники...**

Мы твердим и твердим с одной и той же интонацией одни и те же слова, тоскливо надеясь, что они будут услышаны... Хотя как могут быть услышаны слова, которые никому не адресованы?.. Будто нарочно устроена кем-то невероятная путаница, заставляющая нас блуждать в густых сумерках среди бесконечных вопросов без ответов.

Посудите сами: с какой стати, например, мы решили, что государство в рамках школы будет обслуживать наши интересы? Заметим: даже не спрашивая нас о том, что именно нас интересует.

Как, с одной стороны, мы отдаем всецело управление школой государству, а с другой – развиваем непомерные ожидания, да еще и у каждого свои?.. И с какой же стати мы обрушиваем на систему образования уничижающую критику, если даже не попытались рассказать о том, что наши взгляды не совпадают?

Пробовали? Честно? Или мы способны уже только, брезгливо оттопырив губу, прошептать: я же говорил, что со школой все будет ужасно?

Как и когда мы приняли на веру миф, что детство – период недочеловека, что главное в детстве – готовиться к «настоящей», взрослой жизни? (Что почти автоматически привело к тому, что одним из частых способов взаимодействия учителя и ученика стало лишение последнего самости, права на себя: «Узнаешь – получишь право на свое мнение».)

Почему все чаще наши отношения со школой наших детей сводятся к неизбежному комплексу жертвы: «А что мы можем сделать? Такова жизнь!».

Кто поместил нас в этот абсурд: наш ребенок идет в школу получать удовольствие, познавать мир и самого себя, а мы с самого начала готовимся к этому как к бою? И его тоже, конечно, к этому же готовим. И учителя тут как тут – они ведь тоже невольно оказываются участниками этой борьбы. Даже не участниками – заложниками.

Отчего наш выбор оказался ограниченным крайними позициями: либо школа – неизбежное зло, поэтому нужно принимать все, что там происходит, либо школа – подготовка к некой будущей жизни (взамен этой, настоящей)? И то и другое, как вы понимаете, ставит ребенка в то же положение заложника.

Кто приучил нас к мысли, что школа может и должна быть устроена одним-единственным и совершенно определенным образом?

Как именно она будет устроена, решат как-нибудь и без нас. Не нашего ума это дело. А вот когда все уже обустроено лучшим образом, тогда пожалуйста: «По мере возможностей мы учтем ваши пожелания и замечания».

У меня пренеприятнейшая новость: в вопросах школы задачи государства и родителей вовсе не обязательно совпадают, более того, часто они прямо противоположны. Государство ведь для того и открывает школы, чтобы обслуживать себя. Так было всегда. Да и кто бросит в него камень? Впрочем, мы можем перебросать все камни на свете, это в любом случае не изменит ровным счетом ничего!

Да-да, государство берет на себя заботу по организации школ. Правда, пикантность ситуации заключается в том, что делает оно это за наши деньги. А мы... мы просто сами передоверяем ему наши обязанности. И чего же тогда мы хотим? Разве мы пытаемся всерьез влиять на происходящее? Разве мы разъяснили школе как государственному институту, что в основе наших отношений лежит заказ с нашей стороны и обслуживание этого заказа – с ее. Разве мы относимся к школе как к организации, призванной реализовывать наши интересы? И если ответы – «нет», перед нами встает яркая творческая задача: сделать так, чтобы школа обслуживала нас.

Когда дети идут в школу, наше родительское дело – однозначно быть на их стороне. Это и есть главная подготовка к школе – наша, родительская.

Ведь в противном случае нас будут специально сталкивать с собственным ребенком: «Посмотрите, как мы стараемся, а он ни в какую!», «Мы ругаем его, а с него как с гуся вода». Ну и так далее. И вот уже мы встаем единым фронтом и пытаемся заставить его стать именно таким, каким хочет видеть его непосредственный организатор процесса. (Кстати, организатора понять довольно легко: представляете себе, сколько в стране школ? Как руководить ими всеми одновременно? Не правда ли, для этого нужно максимально упростить процесс управления? Вот и вводится все большая отчетность, вот и сводятся учебники к единой бесспорной истине, вот и старается организатор нащупать общую линию, устраивающую подавляющее большинство.) Ну а мы поддаемся невольно. А может, и вольно: дел по горло, мы как-то отходили свое – и дети наши не умрут... Мы упрощаем, нас упрощают...

А между тем наша с вами задача в том и состоит, чтобы усложнять. И вовсе не обязательно, кстати, речь идет о диком столкновении интересов, наших и государственных. Некому этим заняться, кроме

нас с вами. Неужели вы и вправду думаете, что за это ответственно государство? Неужели и вправду считаете, что именно безликое государство должно биться за наших детей, стоя на их стороне, поддерживать учителей, доверяя им самое дорогое? Это с какой же стати? Это наши дети, наша жизнь, наше будущее. Государство лишь берет на себя ответственность по организации школ, берет как умеет, уж не обессудьте. И наша ответственность наступает именно тогда, когда нам говорят, что ничего нельзя сделать. Нам делать. Нам жить. Мы заказчики – нам и рулить, это наша ответственность! Поймите, ни при чем тут новый министр образования. Мы сами как будто рады появлению еще одного повода провозгласить наше обычное «от нас ничего не зависит, видите, вот и министр против нас». Ага, теперь в наших бедах еще и министр виноват.

Это мы хотим, чтобы наш ребенок шел в школу, не так ли? А если так – нам и решать, какова она, эта школа. Нам принимать участие в ее формировании и становлении. Нам диктовать условия. Нам придумывать, какой ей быть. И, рискуя вызвать очередную волну раздражения, повторюсь снова и снова: мы обязаны для начала дать себе честный ответ на вопрос, зачем вообще она нужна, эта самая школа.

Ответили? Тогда дальше все совсем просто.

• Отношения семьи и школы – это всегда отношения клиентов и тех, кто оказывает определенную услугу (не напрягайтесь, тут нет попытки принизить роль учителя – большинство учителей счастливы оказывать такую услугу. Именно осознание собственного предназначения делает их жизнь осмысленной и гармоничной).

• Необходимо снять пафос: школа – вовсе не самая главная организация в жизни детей, а всего лишь одна из многочисленных институций, с которыми нам приходится иметь дело. Нужно прекратить повторять: «Что мы можем сделать?» Вы можете сделать все, что захотите. Не верите? Хотя бы попробуйте!

• Меняйте! Разговаривайте с учителями и директорами. Предлагайте. Нет, я не призываю вас нарушать профессиональные границы педагогов. А впрочем, отчего же? Ведь если нашего ребенка обижают продавец в магазине, нам не приходит в голову сказать: «Возможно, он прав и это часть его работы...» Так вот, детей нужно защищать. Школа призвана сделать так, чтобы мир предстал ярким и интересным. Чтобы в этом мире хотелось жить, творить, развиваться. Это невозможно реализовать, если в основе процесса будет заложено унижение личности, подавление слабого сильным, безоговорочное подчинение, абсолютное принятие на веру одними слов других. Это именно то, что вы можете поменять.

• Попробуйте исключить раз и навсегда сам факт обсуждения вашего ребенка «за глаза». Когда как будто боги обсуждают судьбу недоумка, не способного решать, что для него хорошо, а что плохо. Это поможет всем участникам процесса (детям, учителям и родителям) поделить ответственность и удовольствием – дайте поддержку учителям, ведь именно они общаются с вашими детьми. Но поддержку не по принципу «учитель всегда прав», а совсем наоборот: «Мы в вас верим, мы готовы помогать вам учить, мы доверяем вам самое дорогое, мы знаем, чего хотим, и всегда готовы это обсуждать. Но главное для нас – радость нашего ребенка процессу учения, и мы будем последовательно ее отстаивать».

• Помните, что любая школа по сути своей является частной, поскольку именно вы – заказчики ее услуг. Государство просто по вашей просьбе и за ваши деньги занимается ее организацией. Естественно, в случае, если вы передаете эту роль государству, оно, безусловно, заполнит нишу, ибо именно так устроено любое государство.

• Прекратите транслировать, что школа – неизбежное зло. И первое (неизбежное) и второе (зло) категорически неверно! Школа может стать действительно одним из лучших периодов в жизни человека, и зависит это от нас.

• Помните, что именно на «школьном» этапе многие родители начинают «сходить с ума». Происходит это оттого, что у нас в голове как будто сталкиваются две платформы: с одной стороны, я – родитель любимого человека и должен его защищать, делать так, чтобы его мир был прекрасен. С другой – мы попадаем под дикое давление системы. «Не может ведь быть такого, что все ошибаются», – думаем мы. И вот вольно или невольно я как родитель начинаю переходить на сторону «вообще взрослых». Спасите себя от этого «сумасшествия». Как? Очень просто: не уставайте напоминать себе, что школа – всего лишь один из многочисленных этапов в нашей жизни, не менее, но и не более важный, чем остальные. Помните, что ваш ребенок не живет для того, чтобы удовлетворять взрослых, а просто живет.

...Именно в этом месте мои оппоненты обычно вбрасывают «самый убийственный аргумент» в пользу подчинения суровой действительности: это вечное «а как же ЕГЭ?!». Что ж, пора, похоже, признаваться в страшном: если уж говорить о необходимости экзаменов (что, на мой взгляд, вовсе не очевидно), я за ЕГЭ. А почему бы, прошу прощения, мне быть против? ЕГЭ – как раз попытка, пусть механическая, ввести в школу хоть какую-то независимую объективную обратную связь. Без всех этих «что же ты недоучил, что же ты не постаралась». ЕГЭ – это ведь просто способ того самого государства хоть как-то проконтролировать свою деятельность. По сравнению со всем остальным это просто детские игры, которые можно простить. Другое дело, что, следуя многовековой привычке, государственная машина превращает ЕГЭ в жуткую страшилку, пытаясь из вполне невинного экзамена, принятого в большинстве стран, сделать инструмент управления. А и правда, чем прикажете в такой школе удерживать детей? Да и что государство не превращает в страшилку?..

ЕГЭ сам по себе ни в коем случае не диктует того отношения к учебе, которое процветает с момента его введения. Не требует натаскивания вместо саморазвития и не заменяет познание начетничеством. Более того, он вовсе не требует многолетней подготовки, как это зачастую представляется системой. Ученик готов к нему, если школа устроена по-человечески. Ну а мы – мы снова все перепутали. И радостно ругаем ЕГЭ, вместо того чтобы заняться своим родительским делом – работой над приведением системы в устраивающее нас состояние.

И пока мы этим делом не займемся, уверяю, государство продолжит молчаливо поддерживать наши игры: «Давайте-давайте – про ЕГЭ, министра, учебники... А сами мы пока продолжим реализацию задуманного...»

Вот и раздается это самое унылое «умцы-умцы» в рамках дозволенного. Кем дозволенного, спросите вы? Да нами самими, разумеется. Не министром же...

Короче говоря, довольно попсы. Предлагаю наконец приступить к рок-н-роллу.

#школа #семья #воспитание #педагогика

Мальчишковые слезы

В детстве мы изо всех сил старались соответствовать званию «мужика». Мы ругались матом, обсуждали, подавляя внутренний холодок, худенькие лодыжки одноклассниц, учились красиво сплевывать на асфальт и писали слово из трех букв на всех доступных заборах. Нас учили делать вид, что мир доступен, понятен и прост. Говорили мы о нем не иначе как с глубочайшим презрением, поскольку были уверены: именно так говорят настоящие мужики! С отчаянным снисхождением мы рассуждали о мужском превосходстве и женской глупости.

Могли ли мы вести себя иначе? Пожалуй, что и не могли, позиция мира была едина: стоило только сделать шаг в сторону – нас настигала фраза «будь мужиком». Учителя, родители, одноклассники, случайные знакомые повторяли на разные лады одно и то же в различных модификациях – от «ты же мальчик, пусть девочка будет первой» и до «ты че, баба?». Вариантов увильнуть от этого маскулинного подхода практически не было.

Правды ради надо сказать, я довольно рано усомнился в справедливости такого взгляда на мир, но мне это совершенно не помогло. От меня по-прежнему требовали свирепой мужественности.

«Будь мужиком», – продолжали твердить взрослые. Что конкретно подразумевало это требование, для меня долгое время оставалось загадкой. Однако с годами общая идея становилась все более понятной. Понятной и ужасной.

Если представить ее в виде нескольких тезисов, получится примерно так:

- Ты не имеешь права на чувства, если это не агрессия и не желание быть первым.
- Ты не имеешь права на сексуальность, если она не брутальна.
- Ты не имеешь права на слабость, это бабский удел.
- Ты не имеешь права сказать «нет» женщине, если речь идет о сексе (ты должен хотеть всегда, ты должен всегда быть готовым). Необходимо пользоваться любой возможностью, чтобы заняться сексом (ведь дальше такой возможности может и не представиться).
- Ты должен ее удовлетворять! Сексом занимаются не ради удовольствия, не делают его частью любви, в нем нет места для тонкой игры. Это главный мужской способ самоутверждения!
- Ты должен быть защитником. Настолько должен, что если и никто ни на кого не нападает, надо создать легенду нападения, а лучше развязать небольшую войну.
- Ты должен всегда доказывать, что ты сильнее других.

И прочая, прочая, прочая... Все это всплыло в моей памяти, когда ко мне обратилась мама тринадцатилетнего мальчика. Основную проблему она сформулировала так: «Ну он вообще не мужик! Рохля какой-то! Не умеет ни постоять за себя, ни настоять на своем, девочками не интересуется, совсем не стремится быть первым, сидит рисует свое аниме».

Когда она это сказала, на меня как будто пахнуло затхлым запахом из детства. Вот так, всего в одном предложении, и были сформулированы практически все требования к «настоящему мужику».

Но самое симптоматичное в этой истории было то, что по воле случая мама оказалась одной из женщин, поделившихся своей болью в рамках флешмоба **#янебоюсьсказать**. В сети она описывала встречу с таким вот «мужи́ком», нагло и страшно предъявившим все те качества, проявления которых она требовала от собственного сына. Поразительно, но мы как будто не видим жуткого сходства и одновременно тяжелого противоречия.

А ведь интересующийся девочками, маниакально желающий всегда быть первым (то есть чтобы другие были слабее/хуже/доступнее), доказывающий, что умеет за себя постоять, мужик, добивающийся своего любой ценой, на человеческом языке называется насильником. Скажете нет? Разве не на этих «мужских» качествах замешены беды, о которых рассказали участницы того самого флешмоба? И разве не удивительно, что мама требует от сына именно тех качеств, которыми виртуозно пользуются насильники?

В системе координат, в которой «воспитывают» наших мальчиков, вообще странно, что большинство из них остаются более-менее нормальными людьми. Ведь именно так выращивают

Геростратов... Геростратов, уверенных в том, что мир заслуживает разрушения уже потому только, что сами они страдали и страдают. Тех самых, которые разрушают и нас, и себя.

«Ты что, девочка?» – спрашивает неодобрительно папа четырехлетнего сына, бросившегося к нему обниматься. Спрашивает и походя фиксирует раз и навсегда понятную и простую полевую модель, сменить которую будет ох как трудно. Если вообще возможно.

Тут ведь внутри и отношение к женщине, и «подсадка» на оценку отца, и пренебрежение к сыну как к слабому существу. Дальше все понятно. Дальше, если не остановиться, разверзается бездна. Ведь когда человек сталкивается с ситуацией, в которой важные и дорогие ему люди оценивают его как «слабака», для него существует только два пути. Первый – всеми силами скрывать эту слабость, пытаюсь справиться с сопутствующими комплексами. А второй – изнасиловать весь мир, чтобы прямо сейчас любой ценой выглядеть сильным. Самооценке такого человека требуется моментальная подпитка, как наркотик наркоману. Поэтому, строго говоря, не важно, кто окажется рядом. Кто под руку подвернется, тот и получит: жена, ребенок, сослуживец и т. д. Потому что в основе насилия (любого!) лежит осознанное или неосознанное желание немедленно восстановить самого себя в собственных глазах. А уронить себя несчастному «мужику» просто, ведь поводов хоть отбавляй: дети, нарушающие покой господина, непочтительная жена, нерасторопные подчиненные, тупые пешеходы...

Воспитывая «мужика», взрослые, как водится, бьют по самому больному. Сказать человеку, находящемуся в глубочайшей зависимости, «ты слаб» – значит усилить его зависимость многократно. И в конечном счете привести к тому, что жизнь он потратит на сбор доказательств обратного.

Вот потому и не важно вовсе, идет речь о слесаре, генеральном директоре, олигархе или водителе автобуса. Все они могут оказаться маленькими мальчиками, продолжающими доказывать папе, что они на самом деле «мужики». Делать, разумеется, они это будут за счет всех остальных, а как же! Ведь суть в том и состоит, что мужиком нужно быть в глазах других. (Один очень крупный и известный руководитель, слывающий «настоящим мужиком», довел этот принцип до совершенства. Он ввел в своей компании специальные карточки для похода сотрудников в туалет. Представляете, какой успех: не то что муха без его ведома не пролетит – секретарша пописать не может!)

Надо сказать, самые неожиданные люди оказываются вовлеченными в этот дискурс. Так, когда-то в ранней юности меня поразила фраза, брошенная моей хорошей знакомой (по ее словам, убежденной феминисткой) об общем друге: «Он обижает девушку». Знаете, о чем это? Мне лично ни за что было не догадаться. Выяснилось, что девушка была не прочь с ним переспать, а он отказывался... Фраза задела и поразила меня, а позже стало понятно, что это такое «общее место», почти консенсус: если женщина просит (хочет/дает), отказывать «мужик» не может и не должен. На мой взгляд, получается настоящий сговор против мальчиков, в котором молчаливо участвуют даже те, кто вслух часто утверждает обратное.

Именно в сексуальных отношениях эта модель проявляется особенно ярко. Это и понятно, ведь речь о самой тонкой, самой чувственной области человеческого взаимодействия. Области, в которой действуют намеки и полутона. Но у «мужика» все работает иначе – он ведь «по определению» должен искать любой возможности добиться своего (каким бы ни было это «свое»). А женское дело – он в этом уверен – пожеманничать и дать. («Дать» – вдумайтесь в гадкий смысл этого глагола! Он сам по себе сводит прекрасную часть человеческих отношений к торговле и сговору. Насколько все было бы проще, если бы это понятие использовали только мерзкие тупоголовые самцы, но, увы, как вам известно, это не так. Сговор – он ведь и есть сговор.)

Кстати, современные антропологи утверждают, что изначально мальчики готовы отказаться от первого раннего секса намного чаще, чем девочки. Может, конечно, и готовы... Но только кто им разрешит? Общество, стоящее над кроватью с канделябром, деловито загоняет мальчика в постель.

Пыхтя, сопя, потя, ему предстоит сыграть свою мужскую роль до самого конца и как следует. А потом непременно приукрасить и рассказать приятелям. Придумывая по ходу дела сальные подробности. Повторяя пошлости и гадости.

Всего один шаг остается после этого до превращения секса в поле боя в сознании «мужика». Еще раз напомню, как примерно выглядит эта дорожка: «Я должен быть сильным... я боюсь, что меня посчитают слабым... я должен доказать обратное... силу нужно постоянно демонстрировать... женщина, как папа в детстве, меня просто провоцирует и проверяет...» Ну а дальше, как вы понимаете, как будто само собой напрашивается представление женщин похотливыми самками...

Кажется, за мальчиков родители обычно волнуются меньше, чем за девочек. Очень часто мне говорили что-то типа «мальчики более стойкие, им сложнее нанести психологическую травму». Это совсем, совсем не так. Скорее даже наоборот: нужно очень постараться, чтобы эту травму не нанести.

Если, с одной стороны, время от времени сообщать мальчику о его неполноценности, а с другой – создать «мужские» предлагаемые обстоятельства, все вышеописанное произойдет почти само собой. А дальше остается только ждать, когда он подпалит землю под своими и нашими ногами...

Надеюсь, читатель понимает, что пишу я это не для того, чтобы оправдать какие бы то ни было формы насилия. Не значит это, конечно, и что любой мужчина, прошедший описанное, становится закомплексованным мерзавцем. Для того чтобы развить предпосылки и человек стал насильником, нужны дополнительные условия и обстоятельства. Но разве не были вы поражены массовостью насилия (**#янебоюсьсказать**)? Разве не останавливалось у вас дыхание от понимания, что каждый из нас так или иначе «повязан» этой сетью...

Прекрасно растить сильных, благородных, честных, открытых, отзывчивых мужчин. Равно как и женщин, не так ли?

Делать это можно только одним способом – давая им право быть самими собой. Только в таких условиях наши дети могут осознать собственную мужественность и женственность. Понимая, что и первое, и второе проявляется по-разному, имеет тысячи оттенков. И напротив, если мы, бесконечно упрощая наш прекрасный мир, продолжим транслировать, что все сводится лишь к раз и навсегда определенным ролям, мы получим тех самых несчастных закомплексованных монстров.

К мамам, именно к мамам хочу я обратиться. Дорогие! Помогите сыновьям! Им очень, очень, **ОЧЕНЬ** тяжело. Дайте силы быть собой, просто быть детьми. Уберите «мужика» из дискурса. В любой формулировке и навсегда. Это не сделает их слабыми, напротив, их силы умножатся, ведь тогда они смогут получать настоящее удовольствие от того, что они мальчики.

А еще расскажите про девочек. Про тонких и человечных. И мальчикам позвольте быть такими же... Чем вы рискуете? Попробуйте! И, кто знает, возможно, они не станут несчастными, оттого что через силу должны кого-то удовлетворять. Дайте им покой.

А пока катятся невидимые слезы по мальчиковым щекам. Но ничего, мальчики справятся. Они мужики, им нельзя плакать. **От них ждут побед.**

#дети #семья #воспитание #мальчики #педагогика #лучшие блоги

Искушение современностью

Дело было так: я приходил из школы, брал книгу и читал. Происходило это почти всегда за едой (просто, кажется, одновременно хотел и есть, и читать, а потом засиживался над тарелкой). Читал я вместо приготовления домашнего задания, опаздывая на занятия музыкой, обманывая родителей. Такой вот у меня был секрет. Мой личный секрет. Я берег его изо всех сил и никому никогда об этом не рассказывал. Даже близким друзьям. Как только заканчивались уроки, я бежал домой, чтобы открыть любимую книгу. И некоторые из них я читал по много раз, стремясь снова и снова поймать яркие ощущения, пережитые прежде.

Должен вам сказать, я очень боялся, что меня выведут на чистую воду, раскрыв тот факт, что домашним занятиям физикой и математикой я предпочитаю Чехова и Толкиена. Поэтому читал я всегда сидя перед окном и поглядывая одним глазом, не идут ли родители. И как только они появлялись перед парадной, я захлопывал книгу и сломя голову бежал в свою комнату, где заранее мною была поставлена мизансцена приготовления домашнего задания. И однажды я, естественно, был застигнут за моим постыдным занятием. Когда тайное стало явным, ругали меня довольно сильно. Признаюсь, читать я после этого случая не перестал, но к конспирации начал подходить более ответственно, а ДЗ научился списывать еще в школе – по окончании уроков.

Я почти уверен, что часть моих читателей вздохнет сейчас: «Ах, если бы у нас было так!.. Если бы мой ребенок читал вместо зависания в компьютере, я бы все отдал(а) за это...» Увы, друзья, это неисполнимое желание, ведь у каждого родительского поколения свои испытания, и нынешнее – испытание технологиями – не хуже и не лучше прежних. Думаю, поколение наших прабабушек и прадедушек, открывших саму возможность читать книги для собственного удовольствия, было возбуждено так же, как поколение наших детей, открывших технологии. И их родители, в свою очередь, боюсь, тоже были, мягко говоря, не в восторге. А впрочем, возможно, были они более продвинутыми, чем мы с вами...

Что, собственно, и было-то у нас, в нашем детстве, кроме чтения? Им поверялась цена товарищества, по принципу «читал – не читал» мы находили партнеров, умение процитировать к месту строку-другую становилось знаком качества. Помимо этого, чтение действительно было чуть ли не единственным, практически ультимативным занятием интеллектуала... Вот мы и ищем – кто сознательно, а кто бессознательно – реализации той же модели, в которой росли мы сами. И если в нашем детстве айпада не было, будь мы даже самыми рефлексирующими в мире родителями, понимающими, насколько мир изменился, мы все-таки стараемся устроить им детство, похожее на наше собственное: чтение – все, компьютер – ничто!

Да-да, я пишу все это, поскольку так же, как и вы, не раз ловил себя на желании заставить детей предпочесть чтение всем остальным занятиям. Я, как и большинство из вас, много раз слышал избитую мантру «чтение – залог успеха в жизни». И раз за разом убеждался в том, что сегодня это, мягко говоря, не совсем так.

Я встречал множество молодых людей, не умеющих отличить слог Толстого от Кафки, которые были при этом яркими, интересными личностями, объектами для подражания, с ними хотелось общаться и дружить. Да что там говорить, Герман Гессе в своем «Степном волке» описал эту ситуацию исчерпывающе полно.

Повторюсь, ничего тут не поделать, наше с вами детство было устроено совершенно иначе. В нем не было ни компьютерных игр, ни любых фильмов на расстоянии вытянутой руки, ни такого безграничного доступа к музыке. *И когда очередной папа выставляет себя героем, заявляя сыну что-то вроде «в твои годы я прочел в три раза больше, чем ты.», он в лучшем случае лукавит. А в худшем – абсолютно не понимает и не хочет понимать, чем живет его ребенок, каково ему в нынешнем*

детстве. Именно вследствие этого воистину трагического непонимания, сталкиваясь с современной действительностью, мы впадаем в настоящую истерику – еще бы, ведь кажется, что наши дети практически идут по минному полю! Сами-то мы совсем не знаем, каково это – расти в непрерывном потоке информации, играть в компьютерные игры, не выходить ни на час из социальных сетей. А на деле, продолжая симулировать мудрость и делая вид, что нам все понятно, мы панически боимся. Ага, просто боимся современности, зараженные этой обычной, старой как мир болезнью взрослых.

Я, как вы, наверное, уже поняли, сам человек читающий и ценящий книги. Да чего там скрывать, я по одному из своих образований учитель литературы. И мечтаю, чтобы наши дети умели пользоваться этим удивительным инструментом познания, исследования, саморазвития. Инструментом важным, но далеко не единственным.

Общаясь с современными детьми, учась вместе с ними, восхищаясь их глубиной, творчеством, всезнайством в лучшем смысле этого слова, я убеждаюсь, что наша борьба вызвана не более чем обычными родительскими страхами. А там – до чего дотянемся, за то и поборемся...

В XX веке выросло поколение, способное читать в свое удовольствие. Это действительно здорово! Вот только, к моему огромному сожалению, корреляция между счастьем и количеством прочитанных книг, мягко говоря, неочевидна. Чтобы не сказать, что она отсутствует.

Как-то раз моя добрая знакомая рассказывала, что ей удалось отточить читательский навык до недостижимой высоты: однажды во время секса она поймала себя на том, что автоматически читает корешки книг, стоящих в спальне... На мой взгляд, вне зависимости от напрашивающихся спекуляций о качестве секса, этот случай – яркая метафора нашего взрослого отношения к чтению.

Я далек от утверждения, что современные фильмы, игры, музыка должны заменить книги. Я просто честно заявляю, что не знаю, что тут к чему. А вы, знающие и убежденные, откуда, если не секрет, черпаете свою уверенность? Исследований на эту тему пока практически нет. Не из страхов ли соткана эта иступленная убежденность, не страх ли заставляет вас в очередной раз раздражаться: «Выйди наконец из-за компьютера и почитай!»

Знаете, один папа как-то рассказал мне такую историю: его сын более трех месяцев был болен и не мог посещать школу. А вместо этого подсел на популярную игру «Майнкрафт». Так вот этот папа, обогащенный советами современных психологов, решил, что помочь сыну он может, только пройдя тот же путь. И, по его словам, он начал играть. А дальше цитата: «Вот играл я, играл и выбрался только через три дня». Смешно? Плохо? Хорошо? Что тут правильно, а что нет? Как понять? Он ведь просто окунулся в мир интересов своего сына и поразился тому, насколько этот мир увлекателен.

Мне, конечно, знакомо главное взрослое опасение: игры могут быть крайне глупыми, фильмы – жестокими, а сеть так и кишит порнографией. Безусловно, опасность существует. Та же опасность, что заключена в книгах, в играх во дворе, в общении с приятелями. Ну так и входите смелее в эту дивную новую жизнь, чтобы оказаться внутри вместе с самыми дорогими людьми, чтобы суметь разделить их радости, помочь им в нужный момент, наконец.

Что вы знаете про Skyrim? Или про Assassin's creed? Вы понимаете, что это целый мир, требующий от наших детей умения анализировать, сопоставлять, обращаться к первоисточникам? Умеете ли вы отличить на слух How to Destroy Angels от Sunny day real estate? Сколько раз вы смотрели Watchmen? А Inception? Что можете сказать по поводу увиденного?

Нет никакого позора, если ваш ответ «мы этого не видели и не слышали», только как вы можете утверждать в таком случае, что чтение – более увлекательное времяпрепровождение? Или более полезное? Да и противопоставление одного другому, согласитесь, выглядит не слишком убедительно. Так, может, пора перестать кичиться собственным невежеством?

Это их язык! Добро пожаловать в современный мир! Как сказал мне однажды один мой юный друг, вольно или невольно процитировав Деррида, «это и есть наш современный текст!» Мы же, увязшие в нашем так и не прожитом до конца прошлом, вместо того чтобы лихорадочно учиться, всеми силами пытаемся организовать им наше собственное детство. Убогое и одномерное.

И вместо того, чтобы им позавидовать, чтобы сделать все, для того чтобы не отстать, чтобы получить и принять новые инструменты взаимодействия с миром, которые помогут и им, и нам, мы тычем их в наши старые книги (часть из которых так и остались непрочитанными), хватаясь за полузабытые цитаты и ностальгически вздыхая перед экраном.

Они играют. Переписываются в соцсетях. Читают посты друзей и пишут свои. Слушают музыку, о которой мы и понятия не имеем. А мы – боимся. И правильно делаем. Ведь это такое родительское дело – бояться... Но если мы хотим оказаться с ними на одной стороне, нам ничего не остается, кроме как просить их помочь нам понять, чем именно они заняты. В нашем детстве такого не было. Мы не знаем, о чем речь. В отличие от них. Они знают. Возможно, не до конца понимают. Но их детство таково. И если мы будем прилично себя вести, возможно, они нам расскажут, каково это – детство с компами. А иначе нам так и придется спекулировать на собственных страхах и манипулировать их любовью и доверием...

Стоит ли?

#дети #чтение #технологии #семья #родители #педагогика #лучшие блоги

О любви, бессмысленной и беспощадной

В очередной раз прочел: «Учитель должен любить детей». И в очередной раз не понял, что имеется в виду. Как это – любить?

Боюсь, на **принципе любви** к детям **базируется** все то зло, которое взрослый мир ежесекундно совершает в отношении детского. Именно с этого заявления начинается нивелирование личности ребенка, дискриминация его по возрасту. Как только мы произносим «я люблю детей» (всех, без разбора, они ведь такие пусечки), мы одним махом снова **делим мир на своих и чужих**. Для проверки достаточно представить ребенка, который говорит «я люблю взрослых». Не получается? Вот то-то и оно. Ребенок еще не стал расистом, шовинистом, националистом. Он еще не научился превозносить формальные признаки одних людей относительно других (возраст, пол, национальность, расу и пр.).

Представьте, я ни разу в жизни не встретил учителя, который сказал бы «я не люблю детей», а между тем многие из них совершают самые настоящие преступления против этих самых детей. Равно как и многие родители, которые, приговаривая, как мантру, «это я любя», день за днем идут на вопиющие ограничения прав своих любимых. Да что повторяться – столько об этом говорено! Получается так: моя любовь оправдывает все (или почти все), что я делаю. Любимый потерпит, это ведь для его же блага!.. Моя так называемая любовь как будто определяет мои права – на ограничение свободы, на личностное подавление, на так называемое воспитание. И откуда-то берется в нас уверенность, что когда-нибудь мне отплатят не подавлением и ограничением моих прав, а любовью...

Подобно тому как с заявления «я люблю белых (или черных)» начинается расизм, с утверждения «я люблю детей» начинается взрослый шовинизм.

Нас приучили к тому, что вопрос, что такое любовь, не предполагает конкретного ответа. А ведь это совсем не так. Любить – значит делать жизнь любимого комфортней, приятней, полнее. Значит идти на уступки. Значит становиться лучше рядом с нашими любимыми.

Значит самим получать огромное удовольствие от подарков, которые мы дарим, от проведенного вместе времени, от построения отношений, от много-много чего еще. А еще значит делать любимым поменьше гадостей. Просто потому, что не хочется их делать.

А учитель пусть честно занимается своей работой. Бережно, тонко, осторожно. Пусть профессионально задает рамки, в которых мир предстает принимающим и прекрасным. И в которых детям будет понятно, что это такое – любовь.

Основой отношений является личность. Вернее, взаимодействие личностей. Конкретных. Поэтому любовь тоже совершенно конкретна. Не нужно любить всех, просто позвольте себе любить одного, того, который рядом. По-настоящему любить. Пусть ему будет хорошо, ага?

Эх... опять, наверное, скажут, что я взрослых ругаю...

#дети #любовь #взрослые #педагогика

Детский клуб самоубийц

Ужас в том, что детские самоубийства продолжатся. И станут происходить еще чаще. И это, увы, совершенно точно.

На наших глазах происходит то, что, к несчастью, должно происходить: молодые люди разного возраста не справляются с **такой** действительностью и выбирают единственный выход – прервать этот кошмар.

Поясню. Сравнительно недавно (лет двадцать пять назад) ситуация для человека тринадцати-семнадцати лет была пусть не идеальной, но безусловно понятной. Его жизнь, сосредоточенная на пяточке, оставленном ему для существования институтами подавления – в первую очередь школой и семьей, – текла своим чередом. Все вокруг были несвободны мир был сер и предсказуем. Возраст совершеннолетия манил намеками на относительную независимость. Все это вполне вписывалось в общую картину действительности. «Взрослое» право на подавление личности практически не могло оспариваться самой этой личностью. Да, и тогда было горько оттого, что тебя не понимают, от отсутствия права на самое себя, однако что поделаешь, вероятно, так устроена жизнь...

Сегодня же ситуация принципиально иная. Осязаемая открытость мира, проявляющаяся, в частности, уже в самом наличии социальных сетей, в открытом общении с сотнями собеседников, в возможности с легкостью дотянуться до любой информации, привела к тому, что **индивидуальная цена личности** резко пошла вверх. Что особенно важно – в глазах самой личности. Что еще более важно – это ощущение многократно усиливается максимализмом прекрасной поры переоценок, именуемой переходным возрастом. Да-да, что бы ни говорилось о «закручивании гаек», один тот факт, что человек может за несколько минут создать и продемонстрировать миру собственное творение (не важно, идет речь о музыкальном клипе, фотографии или статусе в социальной сети), меняет всю систему его отношений с действительностью. Он становится ее создателем. У него априори появляется право (замечу, подтвержденное практикой право) на собственное мнение, независимые суждения, личные оценки. То есть то самое право, даже намек на существование которого так часто приводит в состояние неистовой злобы многих взрослых. (Замечу, в парадигме повсеместного унижения детства одно только признание этого права уже способно перевернуть мир.)

Так вот, когда человек живет с ощущением того, что он способен изменить мир, повлиять на него, сделать его лучше, а в школе, например, сталкивается с принципиально иной системой координат, в которой нет места ни творчеству, ни личностному проявлению, ни свободе, когда, наоборот, именно за созидание и собственную позицию его наказывают и проклинаяют, в душе его возникает

жесточайший конфликт. И за спасением он отправляется туда, где, по идее, должен быть тыл, пространство покоя и любви, то есть в семью. Если же и дома вместо ощущения любви и покоя он сталкивается с насилием, граничащим с изощренными пытками, человек может просто не выдержать. А пыткой в этой ситуации может стать даже самая простая нотация типа: «Я столько раз тебе говорил, что такое поведение не доведет до добра». То есть переход родителей на сторону взрослого мира, который воспринимается как окончательное предательство. И, кстати, безусловно, им и является.

Сегодня право человека на самого себя осознается намного раньше и намного острее, чем еще несколько лет назад.

И выходит, что, с одной стороны, человек вследствие разнообразных процессов раньше начинает любить и ненавидеть, раньше понимает разницу между первым и вторым, раньше готов проявить себя через осознанное действие. А с другой – вынужден находиться в рамках системы подавления, действующей под прежними лозунгами «созидания личности» (по-видимому, из праха, именуемого детством) и оправдывающей себя наличием неких псевдоважных псевдофункций: воспитание, образование, формирование и пр. И это уже не конфликт, это настоящая война. А точнее – бойня.

«Двум богам служить нельзя». Именно поэтому мальчики и девочки взрывают эту действительность таким страшным способом – через самих себя.

«Но ведь речь идет о ничтожном меньшинстве», – скажут мне. Да, пока речь о единицах (единиц этих – вдумайтесь! – в России уже 16 на каждые 100 000 подростков), о детях с особой организацией нервной системы, я бы сказал, об особо тонких детях, но разве есть у нас право успокаивать себя этим? Особенно сейчас, когда стороны этого конфликта ужесточают свои позиции. Кто будет следующим? Кого из них настигнет состояние надрывного отчаяния, из которого не найдется другого выхода, кроме прыжка в бездну?

И как часто представители взрослого мира, столкнувшись с очередной трагедией, безвольно разводят руками и лепечут: «Мы ничего не замечали... Все было как у всех... как всегда...» Вот в этом-то «как всегда» и сосредоточена правда. Все уже лет сорок не «как всегда», неужто не заметили?

Вероятно, кто-то с радостью попытался бы сделать из вышесказанного и прямо противоположный вывод: необходимо окончательно закрепостить детей, лишить их возможности общения, лишить даже относительного права на личностное проявление, посадить на цепь и сделать заложниками собственных представлений. Но в том-то и дело, что сегодня это совсем невозможно. Драматургия современного мира не позволяет. Думаю, даже самые закостенелые реакционеры это понимают.

Несколько лет назад я написал, что нынешнее поколение школьников увидит полный распад современной системы образования. Мы все еще в начале этого процесса, хотя он больше и больше набирает обороты. Многие еще можно изменить. И менять нужно срочно, если мы не хотим, чтобы этот каток проехал прямо по нашим детям. Да-да, и по вашим тоже.

А начать нужно вот с чего: ДАЙТЕ ДЕТЯМ ТЫЛ! Пусть у них будет хотя бы одно место на свете, где можно отлежаться, собраться с силами, отстраниться хоть на время от этого неизбежного и разрушающего их конфликта. Просто почувствовать себя среди своих. И отдохнуть.

#дети #школа #семья #общество #самоубийство

Обожженные воздухом

На курсе педагогов говорили о сострадании. И я вдруг с ужасом почувствовал, что само это понятие стало размытым и аморфным. Одна из участниц сказала так: «Я не могу всех жалеть, меня это обожжет, нужно себя поберечь!»

Но ведь «поберечь себя» – как раз сострадать, именно это является хоть каким-то залогом того, что **я останусь человеком**, что меня не превратят в функцию. Функциями, знаете ли, так просто управлять. Остается только один рычаг: вкл/выкл.

Мы предлагаем детям и самим себе рациональный мир, в котором все ответы известны: не надо было делать так-то и так-то – не было бы такого результата. Он (она, они) сам виноват! Надо было работать – не пришлось бы просить милостыню. Нужно было молчать – остался бы жив! Этот подход, уже превратившийся в мейнстрим, приводит к обездушиванию, а затем и к окончательному обезличиванию. Без открытости к чужой боли мы вообще перестаем быть живыми. И уж конечно, неспособны мы тогда и на любовь, которая так затратна. А еще проще так: не сочувствуем другим, значит, ни за что не позволим себе чувствовать и самих себя. Умные говорящие головы бездушных марионеток...

Если постоянно тренировать человека в невосприимчивости, рано или поздно проявится результат. Вот он, этот результат: меня ЭТО не касается. Ничто не касается. И вот уже и педагоги в стремлении все объяснить, научить, как правильно жить, забывают просто пожалеть. А заодно и верят, что знают, как это – правильно жить. С нивелирования восприимчивости к чужой боли начинались самые страшные события в истории. Нужно напомнить? Думаю, справитесь сами.

Однако есть и естественное продолжение у этого процесса обездушивания. Его прямым результатом непременно становится единомыслие, деление людей на своих и врагов. И в крайней точке безразличия парадоксальным образом превращается в иступленную ненависть.

Одна мама со слезами обратилась ко мне: «Во время прогулки мой мальчик (восемь лет!) кидал камни в дворника, таджика по национальности. И в ответ на мой крик о том, что так нельзя, что это называется расизмом, развел руками: «Почему? В него можно... Я его ненавижу!..»

Ага, в него можно. И не в том даже дело, что он «чужой». А в том, что принять такую естественную мысль, что речь идет об обычном человеке, немногим отличающемся от папы и мамы, в состоянии дремлющей (заботливо усыпленной?) души совершенно невозможно. Такое принятие ведь требует хотя бы минимального нравственного действия. А вне его остаются лишь два варианта: ненавидеть или не относиться никак.

Как это произошло? Что случилось с чудесным домашним мальчиком из интеллигентной семьи? А ничего не случилось. Он попросту надышался нынешним воздухом. Надышался и невзначай подцепил инфекцию...

Инфицироваться в наши дни пугающе легко. То поле напряжения, в котором многие из детей невольно оказываются, не просто вредно для детской психики – это может испортить их жизнь навсегда. Не дай им бог познать и запомнить жуткую сладость ненависти. И начать судить мир по наличию или отсутствию черного клокотания в собственной груди. Именно этот вирус растворен сегодня в воздухе. И главными симптомами заболевания являются полнейшее равнодушие и ненависть – простейшее конвульсивное действие спящей души. «Не надо думать – с нами тот, кто все за нас решит...»

Нужна вакцина. И, к счастью, она существует, да и изобретена давным-давно. Имя ей – сомнение. Усомниться – значит начать длинный путь независимого исследования (не случайно диктаторы во все времена так усердно боролись в первую очередь с сомневающимися). Сейчас проще всего приобрести навык такого исследования, заняться формированием личного отношения к происходящему. Материала вокруг хоть отбавляй. Страшно сомневаться? Да, бывает страшновато, но это лучше, чем втягивание их в мутный поток единомыслия.

Все, что происходит вокруг, относится к нашим детям никак не меньше, чем к нам. А их позиция не менее значима. Следовательно, мы обязаны с ними разговаривать, причем о том же, о чем говорим между собой. Пусть становятся полноценными участниками любой беседы, пусть высказывают мнение, пусть спорят. И разговаривать нужно произвольно, вне зависимости от того, хотим мы этого или нет. Ведь речь идет о лекарстве.

Сейчас лучшее время для того, чтобы научить их противостоять «подсадке на эмоцию» – одной из самых гнусных разновидностей манипулирования, когда каждый, кто не существует в состоянии анабиоза или истерики любого толка, объявляется выскочкой, бесчувственной сволочью или врагом – в зависимости от ситуации. Как противостоять? Для начала всего лишь позволить себе усомниться, задать хотя бы один вопрос.

Сомнение учит и тому, что каждый раз, обнаруживая себя на стороне большинства, нам необходимо проверить, все ли в порядке: не спим ли мы или, наоборот, не оказались ли случаем на гребне волны (полагаю, излишне напоминать, что исторически именно решения большинства часто приводили к трагедиям, в то время как меньшинство, сопровождаемое страхами и сомнениями, обеспечивало наше нравственное выживание).

А коротко говоря – так: **ВСЕ**, что происходит вокруг, касается нас! **Все – наше дело!** Без исключения. И нам говорить об этом с детьми. Когда лень, когда страшно, когда больно. Потому что «душа, уж это точно, ежели обожжена – справедливей, милосерднее и праведней она».

#дети #семья #воспитание #рефлексия

Взрослые игры

Нам часто кажется, что дети живут себе в своем детском мире, не обращая внимания на политику, идеологию, ежедневную взрослую практику. Да и правда, на что тут смотреть – сами взрослые ведь просто играют: сейчас одни времена, раньше были другие, потом настанут третьи. Нам кажется, что в случае чего и сами мы можем переписать набело все, что не понравится в черновике, – и за себя, и за наших детей. Ничего ведь нигде не фиксируется.

Так вот, у меня, увы, пренеприятнейшее известие: оказывается, ничего набело не переписывается и что фиксируется, то записано навсегда. Причем именно у детей.

Дело в том, что недавно в Колумбийском университете вышло исследование, однозначно доказывающее: детям самим не выбраться из идеологических дебрей, в которые их заводят взрослые. Заводят часто незаметно для них самих.

Изложу вкратце самое главное. Участниками исследования стали те, кто родился с 1910 по 1980 год. Изучалась зависимость личного мировоззрения от идеологической индоктринации в детстве. В частности, авторы исследовали глубину и характер антисемитских взглядов разных поколений немцев (напомню, антисемитизм был одной из главных составляющих нацистской идеологии, поэтому и, что называется, «ухватить» его достаточно просто).

Вот что выяснилось: те, кто подвергся активному и массивному идеологическому воздействию в детском и подростковом возрасте (в исследовании те, чьи школьные годы совпали с периодом нацистского режима), остаются под этим влиянием всю оставшуюся жизнь. Иными словами, вера в то, что преподносили нам взрослые (почти все взрослые) как непреложную истину, в большинстве случаев живет в нас и после того, как, казалось бы, становится очевидным, что истина оказалась ложью. И даже если эти самые взрослые, спохватившись, кидаются исправлять содеянное, сделать уже ничего нельзя.

Более того, и родившиеся в 1939 году, то есть те, кому к 1945-му было всего шесть лет, сегодня в той или иной мере демонстрируют стойкую приверженность идеологии антисемитизма. То есть даже те, кто в силу возраста не подвергся структурированной образовательно-идеологической атаке, кто вполуха слышал радио, вполглаза видел плакаты и кинофильмы, оказались совершенно беззащитны перед натиском. Им, представьте, хватило уже одного воздуха, в котором они тогда жили.

Одновременно с этим достигшие подросткового возраста до прихода к власти нацистов, а равно и родившиеся после падения рейха, демонстрируют уровень антисемитизма в разы ниже, чем те, кто ходил в школу, слушал радио, смотрел фильмы в конце 30-х – начале 40-х. Понимаете, что это значит? Детская уверенность в правоте нацизма выше, чем даже у тех, кто эту идеологию утверждал, реализовывал, прививал. Успех действительно просто ошеломляющий. Прочтите и ужаснитесь: дети не просто усваивают индоктринирующую информацию, она становится их вторым «я». И в те правила, которые взрослые когда-то преподнесли им в качестве безусловной истины, они верят безоглядно и всецело. Мы кривляемся, надуваем щеки, прекраснотушничаем. На периферии сознания мы верим, что с годами они сами разберутся. Нет, не разберутся – для них воспринятый материал оказывается основной жизненной направляющей.

Представляю себе какого-нибудь нациста-идеолога, который, потирая руки, приговаривает: «Ничего-ничего! Пусть сам я и не успел до конца поверить в еврейский заговор, что ж, придется немного поиграть. Но зато мои птенчики станут настоящими винтиками, на которых будет держаться идеология». И главная беда заключается в том, что он оказался совершенно прав: антисемитизм тех, кого он «воспитал», более чем в два раза выше его собственного.

Два вывода показали мне просто убийственными. Первый: нацистское самосознание учеников оказалось по истечении времени намного (в разы!) прочнее, чем у учителей. И это притом что учителя реализовывали идеологию на практике, а ученики лишь внимали ей. Напомню еще раз, речь и о тех, кому в 1945-м было всего шесть лет. И второй: ЭТО навсегда. Что бы ни произошло, как бы ни старались государство, общественные деятели, коммерческие и некоммерческие организации что-то изменить, шансов практически нет. «Подарок», преподнесенный когда-то взрослым миром, на все времена остается с бывшими детьми. И избавиться от него невозможно. Меняются взгляды следующих поколений, даже мировоззрение поколения отцов оказывается намного более гибким. И только те, кто пережил идеологическое целенаправленное изнасилование, обречены на всю жизнь застрять в этом дне сурка. Навсегда!

Напомню, что означает сам термин «индоктринация». По определению Лаборатории по изучению восприятия «WorldNet 2.0» Принстонского университета это «Обучение кого-либо доктрине без включения критического восприятия».

В рамках индоктринации, таким образом, преподносится некая информация и одновременно навязывается личности определенный, как будто раз и навсегда установленный субъективный взгляд. С практическими инструментами индоктринации как будто все ясно – просто нужно, чтобы большинство «взрослых» источников транслировало одно и то же: школа, радио, телевидение. Но помимо непосредственного воздействия на личность необходимо еще и создать условия, в которых любое сомнение становится почти преступлением. «Не надо думать – с нами тот, кто все за нас решит». Использование оборотов типа: «Мы в едином порыве принимаем (одобряем/ осуждаем/поздравляем)...», «Любой честный гражданин это поддерживает (отвергает)», «Только человек, который не любит Родину, может заявлять такое...» является важнейшей чертой индоктринации. И, заметьте, по результатам исследования получается, что именно этот, с позволения сказать, «педагогический подход» является самым успешным. Пока мы «паримся», сомневаемся, ищем, всегда находятся люди, которые идут напрямиком, используя для этого все доступные средства. Возможно, они делают это не со зла, возможно, сами они и не верят до конца в то, что проповедают,

возможно, они просто транслируют, не особо задумываясь, чужие мысли или в этом состоит их работа – все оказывается неважным. Принцип «единства педагогических требований», возведенный почти в абсолюте, снова отчаянно рулит. Тот самый принцип, который, если вдуматься, является прямой противоположностью гуманистического подхода, ведь если все люди разные, то, следовательно, и единством требований невозможно заменить человеческое взаимодействие.

Нужна вакцина. И эта вакцина давным-давно изобретена, имя ее – вопросы и сомнение. Не важно, к какой идеологии мы себя относим (в принципе относим), не важно, что поддерживаем, а что отвергаем. Если мы хотим, чтобы нас окружали свободные, думающие, красивые люди, главное, что мы можем и должны дать детям, – умение сомневаться и ставить вопросы.

Снова и снова, не удовлетворяясь найденными ответами, задавать вопросы. И ни в коем случае не принимать безоглядно то, что дано свыше. В противном случае мы инициально строим безальтернативное будущее, возможно, и сами о том не задумываясь.

Искусству сомневаться и задавать вопросы сравнительно легко обучиться. Мы ведь на самом деле владеем им от рождения. Правда, возможно, с годами навыки немного подзабылись. А возможно, нам помогли их подзабыть. Но это ничего, справимся. Кроме нас-то, все равно больше некому...

#дети # образование #индоктринация

Свобода от воспитания

Вы никогда не обращали внимания, что словосочетание «воспитываю ребенка» встречается в иностранных языках крайне редко? Например, фраза «я воспитываю ребенка одна» во всех (во всяком случае, известных мне и тех, которые удалось проверить) языках, кроме русского, будет звучать как «я ращу ребенка одна».

И какая пропасть между этими понятиями!

• **В первом случае я формирую, меняю, вдалбливаю**, одним словом, стремлюсь привести человека к какой-то определенной модели.

• **Во втором просто ращу.** Помогаю, питаю, создаю условия для роста, наблюдая за процессом.

На первый взгляд постановка вопроса кажется абсурдной: как же так? Не может же человек «просто расти», как сорняк? Тут и дают себя знать все наши застарелые страхи. «Он так и останется неучем!» «Вырастет дворником (или проституткой, в зависимости от пола)». «Он не научится есть вилок!» «Она так и будет писать в штаны!» «Он никогда не прочтет Достоевского (Бальзака, Тургенева, Сэлинджера и пр.)!»

Так ли это? Удивительным образом практически любой человек не писает в штаны просто потому, что это чертовски неудобно и неприятно, а также потому, что его мама и папа поступают иначе. Безусловно, можно замучить человека и отдрессировать его так, чтобы уже в год гордиться писаньем в горшок, однако в два он гарантированно начнет делать это сам. По вышеуказанным причинам. Можно каждый раз за едой портить настроение ребенку и самому себе, запиливая его: «Ешь, как тебя учили». Но если мы сами едим «как учили», он обязательно будет поступать так же, ведь так принято! Отчего-то в случае влияния «плохих друзей» наша вера в пример огромна, в собственном же случае мы часто считаем, что личного примера недостаточно и его непременно необходимо подкреплять нравоучением.

Когда мы «даем указания», в первую очередь страдаем мы сами – оттого, что они не выполняются, от жалости к любимому и к самим себе, от неумения точно сформулировать мысль, от собственных

суетливых и тщетных попыток справиться с ситуацией. Оправдывается весь этот перманентный кошмар тем, что иначе наш родительский долг не будет выполнен (с известными уточнениями типа: «не станет достойным членом общества», «бабушка будет огорчена», «учительница меня отругает» и пр.).

Замученные необходимостью воспитывать, мы и сами часть не замечаем, что процессом воспитания полностью заменен процесс общения, что радость о нахождения в отношениях любви с дорогим человеком куда-то давно улетучилась вследствие необходимости держать руку на пульсе».

На помощь приходит принцип, многократно использованный целыми поколениями родителей: «вырастет – поймет и будет благодарен». Да, так и правда бывает. Иногда в зрелости нам может пригодиться то, что в нас насильно вдолбили в детстве. Процентом пять. А остальное? Да, прекрасно в компании друзей сыграть на рояле. Ну и сколько вас, играющих, отзовитесь! А скольких учили? Ценой отношений, вопреки желанию и интересу, вместо столького действительно важного и волшебного, что проносилось мимо. Да, есть и такие, кто научился и играет до сих пор. Сам грешен. Однако вопрос цены у большинства (проверено) по-прежнему не закрыт. И если бы только это...

Большинство событий в жизни человека происходят не благодаря, а вопреки так называемому **воспитанию**. Наши дети открывают мир, меняют мнение, влюбляются, интересуются самыми разными явлениями под воздействием целого ряда факторов. А главное – потому что они ТАКИЕ! Как жалко пропустить самое интересное в жизни (в частности, наших детей) вследствие навязанного нам правила постоянно управлять. Так многое проходит мимо из-за того, что мы вынуждены играть роль воспитателя, вместо того чтобы просто любить. Именно вынуждены, поскольку довлеющая над нами модель отношений часто помимо нашего желания вталкивает нас в одну из самых неестественных позиций, где принятие любимого человека заменено на его жестокое переделывание.

Растить – значит не отказывать себе в огромном удовольствии наблюдать за процессом. Видеть то, что подарено судьбой только родителям, – когда кто-то, кто совершенно точно создан тобой, в любви и счастье, меняется, растет, познает мир. Когда воспитываешь, неминуемо приходится постоянно пользоваться инструментами оценки, и можно с легкостью не заметить происходящие в человеке перемены, его склонности, его новые черты, его самого, наконец. Тем более оттенки отношений. Как просто мы можем испортить прекрасный день, сделав замечание, от которого ничего не поменялось – только наше общее настроение. Как легко унижить человека, даже не желая, сказав ему сквозь зубы «я столько раз тебе говорил». О так называемом воспитании на людях даже и упоминать не стоит.

Из этого капкана вырваться очень непросто. В ослеплении нам может казаться, что он все делает специально, что он просто тупой, что он нас позорит (снова эго!). Мы становимся заложниками созданной нами самими необходимости постоянно воспитывать. О какой уж тут радости может идти речь... Ребенок навсегда превращается в объект наших опытов. Мы продолжаем воспроизводить себе подобных и угрюмо говорим себе в один прекрасный день: вот они – неблагодарные дети. Именно так возникает формула: «Я жизнь тебе отдал, а ты...» с неременным ответом: «А я тебя не просил». Именно так мы все больше и больше загоняем самих себя в прокрустово ложе отношений «субъект – объект» вместо радости общения с любимым человеком. Живой радости, когда случаются и подъемы, и падения, и конфликты, и совместные успехи, когда бывает, что нужно отдохнуть друг от друга, а бывает, что не расстаться ни за что.

Я уверен: **растить** – родительская свобода и радость, **воспитывать** – родительская тюрьма. Может, пора на волю?!

#дети #семья #родители #педагогика

Частный случай общего вранья

*Если я удерживаюсь от того, чтобы приставать к людям, они сами заботятся о себе.
Если я удерживаюсь от того, чтобы приказывать людям, они сами ведут себя правильно.
Если я удерживаюсь от проповеди людям, они сами улучшают себя.
Если я ничего не навязываю людям, они становятся собой.*

Лао-цзы

Если бы вы только знали, как надоело мне спорить с образовательными реакционерами... Бесконечно доказывать, что школа в ее нынешней ипостаси ведет к невежеству и ненависти к учению. Борьбаться с закомплексованными мутантами, озабоченными лишь самоутверждением и консервацией собственного прошлого. Наткаться раз за разом на тезисы типа «нас так учили и ничего»...

Так что на этот раз я просто расскажу вам удивительную историю об одном мальчике. Мальчике, который в десять лет не умел ни считать, ни писать. И читал по слогам и с большим трудом. Ни один случай в моей практике не опровергает настолько жестко, хлестко и точно идею классической системы образования.

Так вот, он пришел к нам в третий класс. Не подумайте плохого – у него замечательная семья. Но так уж сложилась жизнь, что до третьего класса он совсем не учился. Не просто не учился, но и в школу никогда не ходил. Не был он и на домашнем обучении – просто рос свободно, беседуя о том о сем с окружающими его людьми. В восемь лет сам немного научился читать, а писать так и не научился. При этом его ни в коем случае нельзя было назвать неразвитым: это был интересный и самостоятельный в суждениях собеседник, тонкая и наблюдательная натура. И вот однажды он спросил (совсем как в сказке про Буратино): «Ведь все дети ходят в школу, почему же я не хожу?» Поскольку родители его были людьми чуткими, подумав немного, они и привели его в школу.

Надо сказать, его учителя поначалу пребывали в некоторой растерянности. Сами посудите: третий класс, а он с трудом разбирает слова, пытается писать печатными буквами, путая их и переставляя местами. Признаюсь, мы считаем себя гибкими, продвинутыми и готовыми к любым экспериментам, да и в практике у нас бывали самые разные случаи, но такого, чтобы человек в десять лет был совершенно не знаком даже с программой первого класса, конечно, не случалось. Однако, поскольку дело обстояло именно так, мы решили: эксперимент так эксперимент. Никакого форсирования! Пусть он шагает своим путем и в том темпе, который кажется ему самому верным. А дальше как пойдет.

Так мы и сделали – просто старались не мешать. Кстати, это было совсем не просто: большинству из нас хотелось как можно скорее сделать его «нормальным», ведь всех нас учили, что такое «знания, соответствующие возрасту». Поэтому приходилось все время себя останавливать и... просто глубоко дышать, напоминая друг другу, что, если в школе человеку комфортно и интересно, если ему есть зачем сюда приходить, если мы будем просто честно и с удовольствием делать свое дело, все, чего мы ожидаем, наверняка случится. И действительно, все как-то покатилося почти само собой. Дело в том, что мальчик этот приходил в такой восторг от любого мельчайшего приобретенного знания или навыка, что и учителя (в первую очередь его основная учительница, на нашем языке «тьютор») невольно заразились этим восторгом.

Первый раз нам пришлось сильно удивиться уже через несколько дней, когда мы заметили, что он принимает активное участие во всем происходящем наравне с одноклассниками. Дальше – больше. Я, конечно, хорошо знаю, что такое мотивация. И, да, считаю ее одним из важнейших факторов развития. Но такого не ожидали ни я, ни мои коллеги: мы вдруг поняли, что за месяц он научился свободно писать.

Ну а о последующих событиях нечего рассказывать. В течение полугода он по уровню практических знаний и навыков нагнал своих сверстников. Более того, на сегодняшний день, читая его сочинения, например, ни один профессиональный учитель (ручаюсь!) не заподозрит, что их автор освоил письменную речь всего три года назад. То же относится и к остальным школьным областям.

Вы понимаете, что все это значит? Я вам помогу. Это значит, что вообще все вранье. И про раннее развитие, и про необходимость читать в пять лет (вариант – в четыре года), и про то, что если не привить (о, этот жуткий глагол!) любовь к знаниям с раннего детства, то ничего и не вырастет. Повторяю: вранье. И не частями, а вообще все!

Если человек понимает, чего он хочет, если может, пусть интуитивно, сформулировать, зачем ему это нужно, если он спокоен и счастлив, дальше все пойдет почти само собой. Нам остается только не мешать. И помогать, предлагая удобные рамки, предоставляя возможности учения, помня о том, что выбор всегда должен оставаться за самим человеком. В этом и проявляется профессионализм учителя: задавать широкие и открытые образовательные рамки, делать процесс учения возможным для человека.

Разве может быть что-то прекраснее саморазвития и познания? Ну так давайте уже позволим детям познавать и саморазвиваться! Не удастся нам втащить за уши кого бы то ни было в образовательное счастье. А покалечить, то есть навсегда связать учение с горечью, подчинением и унижением, – это раз плюнуть! «Учиться интересно» – никакое не клише. Мы ведь учимся все время: смотрим фильмы, общаемся, читаем книги, даже «тупим в фейсбук». Все это учение, а как же – мы ведь узнаем новое, развиваемся, меняемся. Отчего же все, что касается школьного образования, вызывает у большинства такое отторжение?

Все, к сожалению, довольно просто. Ведь современная школа в основном исходит из того, что в человеке не заложена тяга к самосовершенствованию, что, если не заставить его, он так и останется неучем. Более того, человек почти открыто признается скотом, нуждающимся в постоянной дрессировке, стремящимся к единообразию, неспособным понять, что для него хорошо, а что плохо. Эти идиотские и зверские принципы противоречат самой человеческой натуре, а значит, вызывают ожесточенное сопротивление.

В нас не заложено стремление соревноваться с себе подобными, а лишь взаимодействовать с ними разными способами. В нас не заложено получение удовольствия от оценок других, а лишь радость человеческой обратной связи.

В нас не заложена необходимость повиноваться воле более сильных и безоговорочно принимать их суждения, включая и самое недоказуемое, а потому и самое жесткое из них: «Учись, это тебе пригодится». Напротив, человеческая натура – это сомнение, рефлексия, стремление к анализу, право на постановку любых вопросов, главный из которых: «Зачем я это делаю?» Так вот, все меняется, если школа создается согласно человеческой природе, а не вопреки ей!

Повод ходить в школу появляется лишь когда она становится собранием индивидуальностей, местом, где каждый с удовольствием может заниматься самым интересным делом на свете — познавать себя и окружающий мир. Все остальное подлый обман.

Знаю, сейчас опять начнется: «Частный случай, мальчик просто оказался способным, учительница ему попалась очень хорошая, а вот мой ничего не хочет... учится только из-под палки...» Так ведь в этом «из-под палки» все и дело! Да, это правда: и мальчик попался способный (как и большинство мальчиков и девочек, пока их не «расспособили»), и учительница его прекрасна (и несмотря на то что я считаю ее действительно блестящим тьютором, сделавшим воистину великое дело, понимаю, что и в мире, и в России она не единственная, кому важна и интересна школа). Но главное, поверьте, не в этом, а в том, что человек выбирал свой путь сам, что мы были спокойны, что нам всем – участникам этого процесса – было чертовски интересно происходящее.

А разговоры эти – про «частный случай» – нужны только для того, чтобы в очередной раз отмахнуться: к нам это не имеет никакого отношения. Ведь если имеет, то как жить с детьми дальше? Значит, мы их просто ежедневно предаем, заставляя (да-да, именно заставляя) заниматься какой-то полной ерундой, которую взрослый мир, не желая остановиться и задуматься, продолжает объявлять жизненно важным знанием. Так вот, друзья, никакой это не частный случай, напротив, это один из многих-многих случаев. Просто один из самых ярких. Более того, этот подход – не мучить людей и помогать им, предоставляя личный выбор, – на моей памяти не дал сбой ни разу.

Сколько случаев вам нужно, чтобы они для вас перестали быть частными? 100? 100 000? Полноте, давно за много миллионов перевалило! И ваш собственный ребенок, скорее всего, среди них.

#дети #школа #семья #образование #педагогика

А поговорить?

На днях оказался я случайно у выхода из детского сада в конце рабочего дня. Мимо меня прошли подряд четыре мамы с детьми. Удивительно, но я услышал четыре совершенно одинаковых разговора (если это можно назвать разговором):

Мама: Ну, что ты сегодня делал(а)?

Ребенок: М-м...

Мама (как бы помогая): Было в садике что-нибудь интересное?

Ребенок: Ну-у...

Вот и все. Что называется, *вот и поговорили*. Продолжения я не знаю, но с легкостью могу его себе представить. Мама задаст еще пару вопросов, ребенок, возможно, выдавит из себя в лучшем случае одно воспоминание, мама успокоится. Вариант: не успокоится, а придет к воспитателю с вопросом, делают ли они вообще что-то или почему ребенок такой скрытный.

Должен признаться, и среди вопросов, которые задают мне родители, в том числе и в нашей школе, один из самых частых этот: «Почему он(а) не рассказывает о том, что происходит?»

И правда, почему так? Они что, не хотят с нами делиться? Дорогие родители, не волнуйтесь, еще как хотят! Только не умеют. Совсем как... мы с вами.

Спрашиваю маму, когда она в последний раз говорила с сыном о своей работе. Она удивленно отвечает: «Кажется, никогда...» Интересно, как же человеку научиться рассказывать о себе, если он не видит такой модели диалога рядом?

Разговор «в одну сторону» даже с самой доброй и милой мамой в мире неминуемо будет похож на допрос. А кому же приятно принимать участие в допросах, тем более в качестве подозреваемого?..

Пора начинать общаться. Рассказывая человеку о том, какие были у нас переживания, интересные встречи, удивление, радости, мы протягиваем ему руку и даем право на собственный рассказ. И заодно обнаруживаем, что интереснее собеседника не найти. Только не надо торопиться. И ему, и нам нужно время, чтобы научиться. Постепенно, день за днем мы вместе будем открывать, как это здорово – общаться. В две стороны.

Вот и весь секрет. Хотите слышать об их жизни – говорите о своей. Кстати, это совсем как у взрослых.

#дети #семья #родители #отношения

Про то, как защитить детей

- Хотите защитить от агрессии? Это просто: не будьте агрессивны.

Совсем. Оставьте все эти «прекратисейчасжеатомянезнаючтосделаю!!!» Сорвались – просите прощения. Не умеете – учитесь. Лучше на супругах и друзьях. Перестаньте оправдывать собственные гадости чьим-то «плохим поведением, непослушанием, неумением себя вести». Ах, мы не справляемся с собственным раздражением? Но чья же это проблема? Не наша ли? Вот давайте и защитим их заодно от наших проблем. Ну, например, хотя бы сделаем пару глубоких вдохов, перед тем как совершить очередной агрессивный выпад. Если хотя бы в 10 % случаев этой секунды хватит, чтобы снизить обороты, это уже станет отличным началом. Получилось! Хоть разок защитили!

Слишком просто? Банально? А вы попробуйте, и увидите, как быстро они начнут вслед за вами отличать собственные чувства от чужих, выбирать и осознавать, как быстро они начнут жить, не опасаясь нашей агрессии.

- Хотите защитить от лжи? Перестаньте врать, раз и навсегда.

Про что бы то ни было. Хотя бы постарайтесь. Или хотя бы начните замечать (отмечать), когда врите. Прекратите строить из себя Кассандру и рассказывать им, как они будут жить через пять или двадцать лет: вам не дано этого знать. Прекратите рассказывать истории о том, что если он(а) не выучит математику, то непременно станет несчастным. О том, что вредно, а что полезно, в следующие двадцать лет представления изменятся так же, как изменились и в предыдущие. Перестаньте делать вид, что знаете, когда жарко, а когда холодно, – даже про самих себя мы понимаем это с большим трудом. Перестаньте отводить глаза и придумывать себе занятие, если их вопрос вам неудобен, выдумывать причины, по которым проводите с ними недостаточно времени, да мало ли еще что!.. А для начала хотя бы заметьте, как вы отводите глаза.

Дайте им возможность научиться отличать ложь от правды. Это поможет им в будущем самим себя защитить.

- Хотите защитить от манипуляций? Прекратите манипулировать.

Хотя бы на время постарайтесь снять зависимость от вашего настроения, состояния, оценок. Не шантажируйте их собственной любовью (даже если предположить невозможное и поверить, что в момент шантажа вы их любите), не превращайте в проститутку, готовых согласиться на формулу «если ты сделаешь то-то, я дам тебе то-то»... А для начала хотя бы поймите собственные ощущения, толкающие вас на манипуляцию, отследите их, заметьте.

- Хотите защитить от насилия? Дайте им расти свободными.

Прекратите воспитывать раба: «Сделай то-то, скажи так-то, принеси, убери...» Да еще и оправдывать себя очередной ложью: «Так устроена жизнь, иначе он(а) не выживет». Пусть пробуют, творят, спорят, проверяют. Когда насилие проявляет другой взрослый (учитель, прохожий, бабушка и др.), просто защитите их, дайте почувствовать счастье оттого, что ты кому-то действительно важен. Поверьте, вам будет непросто, но появится настоящий повод гордиться собой. А для начала признайте собственную привычку, которая, проявляясь раз за разом, толкает вас в этот бесконечный день сурка.

- Хотите защитить от ненависти? Не забывайте говорить, что любите.

И себя хорошо бы спросить, что это значит – любить. Перестаньте действовать по принципу «потерпи, сейчас я сделаю тебе больно, но это от большой любви. Вырастешь – поймешь». Не поймет. И не от любви. С каждым днем все горше будут детские слезы, все страшнее будет разрыв между тем, что считают жизнью они, и тем, что навязывается им нами. И ненависть будет копиться и копиться,

пока однажды не вырвется наружу – так часто мы являемся свидетелями этого «выброса». Не страшно? Если страшно, для начала дайте себе право ощутить тяжесть в груди, боль во всем теле от собственной ненависти и детских слез. А ощутив, спросите себя, сознательно ли вы выбрали этот путь.

Знаю-знаю, насколько все это непросто на практике. И когда я пишу «вы», имею в виду «я». Знаю, что такая ИХ защита требует ежедневной НАШЕЙ работы. Но ведь вот же он – повод. Список пунктов, в которых им требуется защита от нас, можно продолжать и продолжать. Уверен, любой справится с этим самостоятельно. Если, конечно, захочет. Такой вот личный и личностный тренинг. Попробуйте? Ей-богу, одно это станет весомым вкладом в дело защиты детей.

И давайте перестанем наконец скрываться за вопросом: «Как это сделать?» Мы ведь знаем ответ: просто **взять – и сделать!** Взяться за себя самих, начать осознавать себя, собственные чувства, собственные ощущения – реально существующие телесные ощущения.

#дети #семья #родители #отношения

Несерьезные заметки о серьезных вопросах

Как вырастить вруна

Думаю, теория нам в данном случае не помощник. Обратимся же к экспертному мнению практиков.

Одна мама ужасно волновалась за успеваемость сына. В частности, выражалось это в том, что она регулярно и без спроса совала нос в его портфель и проверяла, как у него с этой самой успеваемостью обстоят дела. Через некоторое время выяснилось, что мальчик и сам не прочь порыскать в чужих сумках и позаимствовать оттуда разные занятные вещицы. Естественно, он ни в коем случае не подтверждал этого, пока не был пойман с поличным. Но и тогда сообщил, что просто искал свою ручку, которая, похоже, случайно упала в сумку другого мальчика. Мама, однако, так и не смогла обнаружить связь между собственным поведением и поведением сына. И ее можно и нужно понять: она-то была полна благородных побуждений, следовательно, ее поступки, в отличие от поступков сына, не могут быть объявлены бесчестными.

Другая знакомая тоже очень интересовалась уровнем образования своего ребенка. Интерес ее может быть проиллюстрирован рассказанной ею самой историей. Однажды ее восьмилетний сын что-то писал и между делом задал ей вопрос: «Мама, как правильно пишется буква «ж»?» По словам этой достойной женщины, у нее от ужаса потемнело в глазах, и она, с трудом справившись с собой, прорычала: «Ты что, в возрасте восьми лет не знаешь, как писать букву «ж»?!» Заметим, что на вопрос сына она так и не ответила. Зато скандал получился что надо.

Думаю, эта история была не единственной, поскольку через некоторое время мама обнаружила (по какому поводу ко мне и обратилась), что мальчик совершенно перестал делать домашние задания по русскому языку, а ей между тем начал рассказывать, каких головокружительных успехов достиг на поприще языкознания и лингвистики. Неисправимый лжец!

Третья раскрыла передо мной собственную педагогическую теорию, состоящую в том, что необходимо проверять каждый шаг ребенка, поскольку он от природы склонен к обману (ср. гоголевское «оно нужно посечь, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать»). Что она и

делала, применяя время от времени изощренные пытки в виде лишения сладкого и укладывания спать на три часа раньше установленного срока. Таким образом мама реагировала на мелкие противоречия, которые ей удавалось заметить в рассказе дочери о событиях прошедшего дня. Несчастливая искренне удивлялась, что день ото дня ее любимая девочка становилась все более лживой и хитрой (авторская лексика сохранена).

Четвертый родитель, обнаружив в ящике чужую игрушку (которая, впрочем, после короткого расследования оказалась игрушкой сына), устроил страшный скандал, а когда все прояснилось, не нашел ничего лучшего, чем сказать: «Это тебе будет наукой!» Какой наукой и что именно является ее предметом, осталось тайной... Но мальчик, судя по всему, оказался-таки восприимчив к «науке», ибо начал приносить домой горы чужих вещей, которые ему, по его словам, «подарили». «Он становится не только вруном, но и вором... Наверное, это что-то врожденное, ведь я никогда не брал чужого», – сетовал бедный отец...

Пятая мама поделилась тем, как ежевечерне учиняет дочери допрос, что и как она ела в школе, и, сопоставляя показания с данными разведки, с удивлением раз за разом обнаруживает, что дочь постоянно ее обманывает: то, когда сыта, говорит, что ничего не ела, то наоборот – ничего не ела, а говорит, что сыта. В ответ на мой вопрос, зачем вообще она это делает, ведь, если человек голоден, он непременно попросит еды, а для личного успокоения достаточно и тех самых «данных разведки», мама глубоко задумалась...

Шестая поведала мне, как рассказала трехлетнему ребенку о том, что, если он будет плохо себя вести, в любую секунду в его жизни может появиться некий «бабайка». (Должен признаться, судьба хранила меня от бабайки довольно долго. Только недавно я узнал, что этот персонаж прочно встроен в воспитательные процессы, касающиеся многих российских детей.) Несмотря на юный возраст, ребенок быстро сообразил, что к чему, и принялся самозабвенно врать про все подряд: про свои интересы, занятия, друзей и игрушки. Оно и понятно: раз уж мама находится в сговоре с таким неприятным существом и вместо того, чтобы разбираться, существует этот опасный бабайка на самом деле или является плодом маминого воображения, лучше просто «запутать врага» – авось пронесет!

Седьмая раскрыла мне собственную стройную теорию: у того, кто не учится (в соответствии с ее пониманием учения), в жизни бывает все плохо. Сама она прекрасно училась, во всяком случае, по ее словам, но не смогла преодолеть порога прожиточного минимума, проживая при этом с мамой и сыном в однокомнатной квартире. Не замечая некоторого противоречия между ее фантазиями и действительностью, она продолжала нести эту околесицу, пока и сама не перестала отличать ложь сына от правды. Успех превзошел любые ожидания: уже став взрослым, сын рассказывал маме, что посещает университет, в то время как сам тем временем работал официантом в ресторане.

Восьмая возмущалась по поводу рассказов дочери о том, что она, дескать, лучшая ученица, что с ней все хотят дружить, что учителя ее все время хвалят и т. п. «Все это наглая ложь! – кричала она, вернувшись с родительского собрания. – Почему она мне врет?! Я ведь ей всегда говорила: мне нужна только правда, вранье – единственное, чего я не могу простить!» Всю предшествующую жизнь она,

однако, день за днем и месяц за месяцем в ответ на любой рассказ дочери спрашивала только: «А ты сделала лучше других?», «А что сказала учительница?», «А кто закончил задание первым?». Девочка оказалась понятливой: почему же не сделать маме приятное и не подарить ей именно те рассказы, которые она так хочет слышать? Любовь, знаете ли, не картошка...

Девятая, как будто продолжая практику восьмой, тоже требовала правды, а когда слышала ее, делала жизнь ребенка воистину невыносимой, наказывая его за те поступки и школьные отметки, рассказа о которых сама так упорно добивалась. Пропажа классного журнала, который оказался похоронен в ближайшей помойке, стала наименее драматичным из событий, которые могли произойти.

...Число примеров с легкостью могло бы быть доведено до ста, двухсот, трехсот. Количество приемов выращивания вруна одновременно неисчерпаемо и бесконечно однообразно, поэтому тут мы можем остановиться и позволить пытливому читателю продолжить данное исследование самостоятельно.

Несмотря на то что общие принципы воспитания в рамках поставленной задачи, несомненно, ясны, несколько простых и обобщающих рекомендаций под финал, вероятно, не повредят.

Итак, не верьте ребенку, ставьте под сомнение все сказанное им. При первой возможности уличайте его во лжи. Пусть даже речь о простых неточностях: из малого вырастает большое!

Не позволяйте ему фантазировать: разница между фантазией и ложью настолько тонка, что лучше даже и не начинать рефлексировать на эту тему.

Помните: наше поведение и поведение, которого мы требуем от ребенка, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Этот принцип должен стать идеалом, возведенным в абсолют – в быту, в учении, в отдыхе.

Контролируйте каждый шаг. Пусть у него возникнет стойкое ощущение, что, если он хочет хоть какой-то личной жизни, ее необходимо украсть у собственных родителей.

Пугайте неминуемым возмездием. Станьте в его воображении кем-то вроде Саурана, обладающего всевидящим черным оком.

Вот, собственно, и все. Дело сделано.

Как организовать качественный невроз

Для начала нужно запастись терпением: дети обычно чертовски выносливы, и первые признаки невроза вы получите только со временем.

Ребенок верит, что вы на его стороне, что вы принимаете его любим, и чтобы основательно разрушить эту веру или хотя бы существенно ее поколебать, вам придется как следует потрудиться.

Нужно постоянно подчеркивать, что ребенок для вас не вполне хорош, что вы ожидаете большего, что его нельзя считать достаточно послушным / усердным / успешным и т. п. Желательно при этом как можно чаще приводить в пример других детей и самих себя в детстве. Сравнение не в пользу ребенка и его недовольство собой – основа хорошего невроза. Постепенно у него расшатается вера в себя, и он начнет проявлять долгожданные первые невротические признаки.

Теперь главное – не останавливаться на достигнутом. Предположим, налицо навязчивое обкусывание ногтей. Начинайте почаще упоминать это, а еще лучше – категорически запрещайте кусать ногти. Если чувствуете в себе силы бить по рукам – просто идеально. Это вгонит его в еще большее напряжение, появится несколько взаимоисключающих очагов внимания, и дело будет двигаться намного быстрее.

То же самое с кусанием губ, отведением взгляда в сторону, верчением чего-либо в руках и так далее.

Употребляйте в момент «серьезного разговора» побольше фраз и оборотов типа: «Смотри мне в глаза, у тебя что, совесть нечиста?», «Опусти руки, перестань все время что-то теревить!», «Прекрати кусать сам себя, лучше бы зубы почистил» и т. п. Все это закрепляет неуверенность в себе и приводит к желаемым результатам.

Очень хорошо также **по сильнее напугать**, например, так: «Будешь кусать ногти – с тобой никто не захочет общаться» или «Такие плаксы никогда ничего не достигнут», «Если будешь так себя вести, я с тобой больше не буду разговаривать».

Подчеркивайте все время, что вас **интересует не ребенок, а его достижения**: учеба, умение играть в правильные игры, способность вызывать похвалу других и пр. **Прекрасно, если у вас есть союзники: школа, в которой часто публично демонстрируется его совершенная никчемность, родственники и знакомые, которые выражают неприятное удивление теми или иными его качествами. Не забывайте напоминать, что для вас исключительно важно мнение других людей о нем.**

Старайтесь в любой ситуации находить причину для недовольства. Ребенка нужно довести до состояния, в котором он понимает, что не может быть в безопасности. В любой, даже очень приятной ситуации мама и папа могут найти признаки его плохого поведения. **Обращайте внимание на мелочи: «Не беги», «Не кричи», «Сиди ровно», «Правильно держи ложку», «Надень другую одежду», «Переделай задание» – все годится в дело.**

Не оставляйте ему времени на самого себя: он должен быть постоянно занят чем-то важным (важным, естественно, с вашей точки зрения). Он должен как следует уяснить: только вы решаете, что в жизни действительно имеет смысл.

Почаще организовывайте для него ситуацию унижения: задавайте неприятные вопросы при других; если чего-то не сделал, требуйте переделать, если есть возможность – в максимально извращенной форме. Так, например, один мой знакомый родитель спросил сына при гостях, что ему понравилось в просмотренном спектакле, и, после того как ответ оказался неудовлетворительным, потребовал написать рецензию на спектакль, а потом прочесть всем. Мальчик плакал, отказывался, но в результате все написал, как велел отец. *Такие прекрасные ходы многократно увеличивают шансы на успех.* В описываемом случае одной этой ситуации хватило для качественного нервного срыва, который со временем превратился в хронический невроз.

На каком-то этапе нужно обелить себя и обратиться к специалисту. Ребенок должен понимать, что с ним объективно что-то не так: вы о нем заботитесь, а он действительно плох. **Помните: родитель не может ошибаться! Вам нечего менять в своем поведении.** Долой рефлексии и сомнения! Воистину, у всех дети как дети, а у вас черт знает что!

Действуя подобным образом, вы сможете задать верное направление на всю его жизнь. Он никогда не будет счастливым, у него огромные шансы навсегда остаться инфантильным ребенком, он непременно издергает всех, кто окажется рядом в будущем. А главное, если повезет, ваша энергия достигнет и следующих поколений. *Он перенесет все происходящее с ним и на ваших внуков.* А дальше – да здравствует невротичная непобедимая вечность!

Как правильно портить вкус

Порча детского вкуса, уважаемые читатели, дело непростое. Решение поставленной задачи требует системного подхода.

Вкус – понятие многозначное. И говорить мы будем о вкусе вообще, ведь, несмотря на то что еда, одежда, искусство суть вещи разные, с точки зрения науки о порче вкуса они находятся в одном поле.

Для начала в голове ребенка все должно, подобно положению дел в доме Облонских, **смешаться**. Смысл даже не столько в том, чтобы заставлять его есть или носить то, что вам нравится, а ему нет. На первом этапе важно попросту сбить его с толку. Отсутствие вкуса (любого!) – это в первую очередь дезориентация, состояние, в котором человек может сказать: «Я сам не знаю, что я люблю». Следовательно, именно его – это состояние – и необходимо всячески поддерживать. Проиллюстрируем данное утверждение примером. Предположим, вы настаиваете на том, чтобы ребенок съел то или иное блюдо. Организм подсказывает ему, что делать этого не следует, однако маму надо слушаться – она ведь лучше знает! А мы, застигнув его в этой точке сомнений, и надавим – самую малость. Вот он, первый шаг. Тут-то мы и наблюдаем первичный разрыв логики, который и приведет нас к полной победе.

Продолжая разговор о еде, необходимо упомянуть несколько важнейших правил. Важно есть первое, второе и третье. Установите норму съедаемого. Меньше – малоежка, больше – обжора. Заставьте себя не думать о сочетаемости ухи с киселем – прочь сомнения. В юном возрасте ребенок действительно чувствует эти тонкости, наша же задача – как можно скорее с этими чувствами расправиться.

Понимаю, что у вас может не подняться рука класть второе в суп и заливать все это компотом, как поступали решительные воспитательницы в моем детском саду, но вам, безусловно, нужно совершенствоваться в этом направлении.

Дело в том, что изначально каждый из нас не только различает вкусы, но и интуитивно знает, что именно и когда есть. Поэтому, вместо того чтобы осторожно предлагать человеку новые блюда, нужно просто пихать в него то, что вы сами считаете нужным. Почаще успокаивайте себя утверждениями типа «традиция – наше все!». Да и то правда, наши бабушки и родители питались именно так, и ничего, выжили! (Как выжили и за счет чего – не важно. Качество и продолжительность его жизни – это все потом...)

Обойдем общие места, вы, наверное, и сами знаете, что заставлять есть то, что вы считаете нужным, добавляя к этому неизменную приправу «полезно», – важно и правильно. Но этого мало. Необходимо вводить жесткие законы и понятия в еде. Нет, «еда» – слово не вполне точное. Не в еде, а в питании! Именно это понятие должно занять достойное место в нашем сознании и лексиконе. Именно оно наряду с глаголом «кушать» явится чудесными рамками, обрамляющими процесс поглощения пищи, способными вызвать отвращение даже у самого бездушного существа.

Одним из безошибочных признаков успеха является начало его охоты за сладким. Происходит это, когда ваш миф о том, что «сколько сладкого ему ни предложить – он все слопает», постепенно на ваших глазах становится правдой. Ну, знаете, когда ребенок уже настолько дезориентирован вами, что пытается съесть все конфеты, до которых может дотянуться. Понятное дело, организм подсказывает ему, что пора остановиться, но вы продвинулись к цели уже настолько, что он просто пересиливает себя и ест, ест, ест – ведь через минуту он может быть этого лишен! Ест, уже практически не чувствуя вкуса, понимаете?! У нас получилось! Ура! Главное – не останавливаться на достигнутом. Теперь нам предстоит еще и создать у него комплекс вины. Что-то типа такого: это не мы привели его к этому состоянию – это он сам настолько слабоволен и распушен, что трескает все подряд.

Сходную тактику следует использовать и в вопросах одежды. Ведь что такое детская одежда? Она должна быть удобной (на наш, конечно, взгляд) и немаркой. Между этими Сциллой и Харибдой вам и предстоит пройти.

Не допускайте никакого проявления творчества! Именно творчество является матерью **вкуса**. Никаких игр с цветами и размерами. Зимой – зимнее, летом – летнее. В остальное время – демисезонное. Четко определите для самих себя, что это значит, и не отступайте ни на шаг.

К счастью, именно в ваших руках находится монополия на определение того, что красиво, а что нет, годится или нет, вкусно или нет... Вот и используйте ее по максимуму. Просто не соглашаться с их предпочтениями мало! Высмеивайте их! «Одет как чучело», «Ешь как свинья» и т. п.

Чрезвычайно полезной прикладной областью в вопросах порчи вкуса является музыка. Смело навязывайте ребенку свои предпочтения. Помните, мы имеем дело с очень музыкальным поколением. Они постоянно взаимодействуют с ритмом и звуком, это пугает, но одновременно дает и множество поводов для качественных реакций типа: «Как ты можешь это слушать?!» Не позволяйте в вашем доме звучать «не вашей» музыке. Если музыка станет частью его жизни – это может стать «началом конца», ведь это чрезвычайно личностный вид искусства. Важно не допустить этот порочный контакт.

Не забывайте, вкус во многом иррационален, поэтому побольше рации. Скажем, может быть многократно использовано требование: «Объясни, что вообще нормальному человеку в этом может нравиться». Это сбивает с толку и создает ощущение, что в вопросах вкуса нужно и можно быть логичным. А заодно, исподволь, и ставит ребенка на место, ведь нормальному ЭТО нравиться не может.

Вообще, требуйте последовательности: «Если ты решил, что носишь (слушаешь, ешь) именно это, так нужно и продолжать». Ребенок должен забыть об экспериментах – рано или поздно они обернутся **самовыражением**, а оттуда и до тонкого вкуса недалеко. Сделайте это своим девизом: любой поиск себя – наш враг!

Наконец, последний достойный упоминания способ работы со вкусом – манипуляция, когда вы умышленно даете ребенку возможность выбрать нечто заведомо неприятное. Ага, он недоволен? Немедленно подкрепляйте результат нравоучением: «Вот видишь, я же говорил, что тебе не понравится/будет холодно/скучно/больно/горько...» Одним словом, сбивайте его с толку везде, где только это представляется возможным.

Будьте уверены: следуя проложенным нами путем, совсем скоро он не сможет отличить вкус яблока от котлеты, Моцарта от «Рамштайна», Ренуара от наскальной живописи. Ему станет просто все равно.

Не беда, что с приходом переходного возраста ваш воспитанник начнет лихорадочно наверстывать упущенное. Его шансы к этому моменту будут ничтожно малы.

Все в порядке. У нас снова получилось.

#дети #семья #родители

Как с гарантией и навсегда отучить ребенка читать

Вы, наверное, думаете, что сейчас я призову вас просто почаще приставать к ребенку с угрюмым нытьем «почитай-почитай»? Ничуть не бывало!

То есть, конечно, и тупое приставание такого толка постепенно может сделать свое дело, однако с другими формами отучения от чтения оно не идет ни в какое сравнение.

Возьмем, к примеру, так называемый метод лозунгов. Ну, вы знаете: «Книга – источник знаний!», «Книга в счастье украшает, а в несчастье утешает», «Книга – друг человека» (на последнее, кстати, когда-то один мальчик, запутавшийся во взрослых мудростях, удивленно возразил: «А разве не собака – друг человека?»). Ничто так не дискредитирует любой предмет, как бессодержательные лозунги, смысл которых ускользает раз за разом, поэтому именно их, безусловно, стоит повторять почаще, причем на полном серьезе.

К этому методу примыкает его подвид, основанный на безумной идее, что мало читающий человек не может прожить достойную жизнь. Да и еще проще: *без книги не прожить*. Ни за что! Больше, больше клише на тему чтения, разочарование в этих так называемых истинах со временем сослужит неоценимую службу... Необходимо довести ребенка до исступления разговорами о пользе чтения и о связи ума и количества прочитанных страниц. (Сравните: не будешь читать – не сможешь рассуждать как умный человек, тебя не будут уважать, ты не сможешь сам принимать верные решения и т. п.) Важно прочно связать будущее человека, его счастье с привычкой читать. Это ничего, что мы часто не видим никакой корреляции между начитанностью и человеческим счастьем (а иногда видим как раз обратное относительно желаемого). Отбросим сомнения! Напоминаю, наша задача – не исследование феномена чтения, а вызывание отвращения к этому занятию.

Следующий важнейший шаг – сделать из чтения невыносимо тяжкий труд. Ребенок ни в коем случае не должен заподозрить, что чтение, пусть отдаленно, может даже напоминать удовольствие. Для того чтобы ступить на этот путь, достаточно поначалу просто произносить что-то типа: «Займись чем-нибудь наконец! Иди почитай!» Этого обычно достаточно, для того чтобы чтение начало ассоциироваться с самыми неприятными занятиями (подставьте нужное в противопоставлении: отдых – приятно, заняться чтением – ...).

Дальше – больше. Необходимо ввести чтение в ряд ежедневных обязанностей, например уборка – уроки – чтение. Еще раз о главном: ни в коем случае нельзя допускать чтение в свое удовольствие. Впрочем, спешу успокоить: ни о каком удовольствии и речи быть не может, если просто отвести книге место среди обязанностей между уроками и уборкой.

Давайте побольше заданий по принципу «от сих до сих». Подбадривайте ребенка неминуемым наказанием за невыполнение «читательского» задания по принципу: «Не прочтешь – не получишь».

Важно: непременно спрашивайте о прочитанном. Максимально жестко выясняйте все подробности сюжета. Скрупулезный допрос с пристрастием о деталях типа цвета волос героя, его настроения, точности сказанного слова, описаний природы и пр. окончательно закрепляет уже возникшую и усиливающуюся вследствие ваших стараний ненависть к написанному слову. По полезности с такими вопросами может сравниться только требование галлюцинирования на тему: «Что хотел сказать автор?» Если чувствуете в себе силы – действуйте непременно и на этом поле. Излишне доказывать, что такие упражнения неминуемо приводят к распаду смысла, формы, личной связи с текстом. Чего мы, собственно, – напомним – и добиваемся.

Следующий метод большинство практиков отлучения от чтения часто нащупывают самостоятельно. Вот он: старайтесь сами не читать при ребенке! Более того, чем чаще вы заявляете об удовольствии читать, тем меньше следует читать самим! Впрочем, так чаще всего и происходит. «Я читаю! – запальчиво заявляет мама. – Каждый день перед сном!» Вот и правильно! Главное, чтобы ребенок не видел вас с книгой. Если вы и грешите время от времени публичным почтительством, делайте это только с электронным устройством в руках – пусть думает, что вы играете, а чтение – очередная взрослая манипуляция.

Помните, как только вы начнете читать вечерами бумажные книги при ребенке, вся ваша работа грозит пойти насмарку! Он ведь может заподозрить, что книга действительно доставляет удовольствие, которое вы себе позволяете. Так что крепитесь. Вместо этого лучше лишний раз отправьте его почитать самому себе, а сами займитесь просмотром телепередач. Естественно, не забывая при этом повторять главную мантру, что чтение – истинное удовольствие для интеллигентного человека (или ту же мысль в любой другой формулировке).

Постепенно даже самый глупый ребенок уяснит: главное в чтении – пустые декларации. Ведь просто быть такого не может, что мама и папа не делают вовсе или делают тайно то, что, по их мнению, является таким важным и к тому же приятным занятием!

Появлению того же желаемого эффекта способствует жесткая тренировка с минимального возраста техники (именно техники!) чтения. Так, большинство моих знакомых с гордостью рассказывают, что начали читать с четырех лет. Четыре года вообще предстает каким-то мистическим возрастом, не замечали? Я с четырех лет то, я с четырех лет это...

Впрочем, не будем отвлекаться. Одним словом, непременно подгоняйте его под четыре и немедленно начинайте комплексовать, если в четыре он не читает. Ваши комплексы на тему его чтения – залог успеха всей операции. Убедите себя в том, что чтение является единственным достойным вашего внимания навыком. Не важно, что интересует вашего ребенка, не важно, к чему он тянется и что умеет, единственное, что является общественно значимым, – умение читать и объемы прочитанного.

Одним из решающих штрихов, так сказать вишенкой на тортике, как обычно, становится сравнение. Заставляйте ребенка почаще слушать, как читают другие, сопровождая это его пассивное действие фразами: «ах, как девочка читает», «послушай других хотя бы», «видишь, это не так уж трудно» и т. п. С последним, к счастью, вполне справляется школа, устраивая из уроков чтения настоящую ярмарку тщеславия вкупе с жестоким соревнованием и унижением слабых.

Помните еще один принцип: наиболее полезные книги – те, которые читали вы. Носов, Барто и Бианки – наше все! Не важно, что дети по этому поводу думают, насколько считают эту литературу современной и чувствуют ее, не важно, насколько это «их язык» – они обязаны прочесть именно ваш контрольный список. Решительно отнимите у ребенка право на самостоятельный выбор книги. Жесткий неослабевающий контроль за читаемым материалом – залог успеха.

С годами, когда ребенок становится своевольным и может заподозрить неладное, не забывайте повторять и такое: «То, что ты читаешь в социальных сетях, – не чтение!» Пусть как следует и окончательно запутается, что чтение, а что нет. И пусть для того, чтобы выбраться из этих дебрей, отбросит, наконец, книгу навсегда.

Решайте за него как можно больше и ограничивайте любой выбор. Помните, даже намек на самостоятельность мышления может рано или поздно привести его к книге.

Все получится – мир за окном решительно за нас!

#дети #семья #родители #чтение

Как грамотно отбить у ребенка желание рассказывать о себе

Это отступление, думаю, будет наиболее коротким. Дело-то простое – раз плюнуть!

Первое и главное: ни в коем случае сами не рассказывайте ничего о себе! Максимум, который вы можете себе позволить, – это сюсюкающие рассказы о собственном детстве. Только прошлое –

никакого настоящего! Не говорить же с ним, в самом деле, о неприятностях на работе, встрече с подружкой, последнем сериале, который вы смотрели, – что он в этом понимает!

Помните, как только вы начнете вести диалог, делиться своими сомнениями, радостями, горестями, это может открыть ящик Пандоры. Он неминуемо станет и сам говорить о себе. Пример заразителен – ребенок быстро понимает: если он ничего не знает о вас, о вашей работе, времяпрепровождении, интересах, значит, речь просто об очередной родительской манипуляции. Люди так не живут, и это просто такая странная игра: расскажи мне о себе, а я о себе – ни слова!

Второе. Если ребенок стремится рассказать что-то вам, делайте все для того, чтобы у него выработалось стойкое убеждение, что он вам мешает. Никаких похвал, помните: вы заняты важным делом, и он вас отвлекает! Всегда! А кроме того, что может быть интересного в рассказе этой малявки! Ну кто-то у кого-то отнял игрушку, у подружки новая прическа, сегодня кто-то принес какую-то новую игру... Это же, по правде сказать, действительно очень-очень скучно!

Далее. Почаще задавайте два типа вопросов.

Первый – общий: «Как дела в школе?» Этот вопрос прекрасен тем, что он подразумевает только два варианта ответа: хорошо или плохо. Дайте ему понять, что именно этого вы от него и ждете. Отличный признак вашего продвижения к цели, если ребенок проявляет изобретательность и все-таки дает третий ответ: «Никак». Это свидетельствует о том, что он наконец начинает понимать: ему ни за что не удастся вас заинтересовать.

Сделайте максимум для того, чтобы он запомнил раз и навсегда: этот вопрос относится только к учебе! Хорошо – получил пять, плохо – получил два. Это все. Ни шага в сторону! Понятия «хорошо» и «плохо», отнесенные к школе, имеют только одну коннотацию – учебную!

Второй вопрос – конкретный: «Что вы сегодня учили?» Он окончательно закрепляет понимание ребенка, что его жизнь не важна, в отличие от материала, который ему преподавали. Это сочетание гарантированно отвратит его от рассказов о себе.

И наконец, последнее. Если все-таки вы за чем-то не уследили и какой-то рассказ о его жизни настиг вас, отнеситесь к нему критически и судите его построже. Никакого диалога – только допрос! Почему ты повел себя так, а не иначе?! Зачем ты вообще полез к нему (к ней) с этим разговором (делом)? Я же тебе много раз говорил, что этого делать нельзя!.. Ты что, хочешь, чтобы я запретил тебе туда ходить?.. и т. д. и т. п. Такая ваша реакция постепенно научит его ограждать вас от лишней информации, а после и вовсе замолчать.

Действуйте! Наградой вам со временем станет чудесное чувственное одиночество, прерываемое время от времени лишь просьбами и приказами типа «дай денег», «не учи меня жить» и т. п. С чем, разумеется, и придется вас поздравить.

#дети #семья #родители

Родители – детям

Дорогие наши! Пришло время признаться: мы очень вас любим. Почти всегда. Любим как умеем, ведь никто не учил нас любить. Но мы правда очень-очень стараемся. Когда есть на это силы.

Мы ужасно боимся. Боимся всего на свете: ваших новых друзей, болезней, осуждения соседей, школы, будущего, прошлого. Мы цепенеем от этого страха и поэтому совершаем многие ошибки. Знайте: в большинстве случаев, когда мы выглядим такими агрессивными и несправедливыми, мы просто находимся в состоянии шока и не можем, не умеем из него выйти. Поэтому так часто мы кажемся вам несдержанными, раздраженными, злыми. Пугаясь самих себя и своего поведения, мы раз за разом повторяем одно и то же, надеясь, что именно это и запомнится вам, надеясь на ваше прощение в будущем: «Мы делаем все это любя, потом будете нас благодарить». Какое там благодарить... Честно говоря, мы и сами в это не верим, но нужно же что-то говорить, как-то держаться на плаву. Потому и сами мы уныло повторяем, что благодарны своему прошлому. Каждый раз мы даем себе слово измениться, но снова и снова проваливаемся в эту пропасть жуткого страха, выходом из которой становится новая агрессия. Так часто вели себя по отношению к нам, поэтому еще до того, как мы успеваем подумать, сама собой выскакивает привычная подсказка: «Отругай его, лиши его воли, отними у него право на ответ». И мы делаем это, оставляя вас незащищенными и растерянными, выдавая свой собственный кошмар за воспитание, прикрываясь самыми изощренными формулировками. Что нам делать? Мы и сами не знаем, как вырваться из этого порочного круга...

Мы мешаем вам идти собственным путем. Поверьте, мы делаем это не специально, мы просто очень сильно запутались. Со всех сторон твердят нам, что и как НУЖНО делать, и никто – НИКТО – не спрашивает, чего нам хочется. В определенном смысле мы и забыли, как это – хотеть. Потому мы и вас лишаем права на хотение: так мы стремимся оправдать самих себя. Так мы делаем вас себе подобными, ведь тогда мы можем сказать «все люди такие». И получить иллюзию спокойствия хотя бы на время. Чтобы потом снова усомниться и сорваться.

Мы прерываем вас в тот самый момент, когда делать этого нельзя ни в коем случае. Когда вы останавливаетесь посмотреть на яркий цветок, мы немедленно вспоминаем, что пора домой, когда вы задаете нам неудобный вопрос, мы, вместо того чтобы вместе найти ответ, начинаем что-то врать о срочных делах, мы не даем вам сделать ни одного шага, поскольку боимся, что он окажется ошибочным. Мы уже попросту привыкли в любом поступке искать опасность и подвох. В глубине души мы знаем: это просто наша родительская галлюцинация, но нас так часто учили, что мир опасен, что мы и сами в это поверили.

Мы отчаянно убеждаем вас в том, что знаем правильные ответы на любые вопросы, а сами впадаем в ступор при первых же отклонениях от заданного когда-то курса. И потому не позволяем вам отступить даже на йоту от правил, которые для нас самих давным-давно уже ничего не значат.

Мы хотим быть успешными родителями. Нам кажется, что общество требует от нас этого. Но общество огромно и аморфно и, конечно, ничего не может от нас требовать. И так страшно всерьез задуматься о том, какой вывод из этого следует. Поэтому мы вновь и вновь выдаем собственную дурную привычку за норму общепринятой морали.

Пожалуйста, помогите нам, дайте второй шанс! Научите нас пробовать мир на ощупь, научите не бояться, удивляться, хотеть. К сожалению, сила находится на нашей стороне, научите нас правильно ею пользоваться, а лучше – не пользоваться вовсе. Будьте терпеливы с нами – мы так часто сами не ведаем, что творим.

У нас есть лишь одно смягчающее обстоятельство. Мы вас любим. Почти всегда. Примите это, если получится, и простите нас. И, прощая, поступайте по-своему.